

**АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДОВЫ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЦЕНТР ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ**

На правах рукописи
CZU:72 (478)(091)(043.3)

ЧАСТИНА АЛЛА

**ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТОРОВ БЕССАРАБИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

651.02 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

**Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения и
культурологии**

Научный руководитель:

ШЛАПАК Марьяна
член-корреспондент АН Молдовы,
доктор хабилитат,
конференциар

Автор:

Частина Алла

КИШИНЕВ, 2016

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL STUDIUL ARTELOR**

Cu titlu de manuscris
CZU:72 (478)(091)(043.3)

CEASTINA ALLA

**CREAȚIA ARHITECȚILOR DIN BASARABIA
ÎN PRIMA JUMĂTATE A SECOLULUI AL XIX-LEA**

651.02. – TEORIA ȘI ISTORIA ARHITECTURII

Teza de doctor în studiul artelor și culturologie

Conducător științific:

ȘLAPAC Mariana
membru corespondent,
doctor habilitat,
conferențiar

Autor:

CEASTINA Alla

CHIȘINĂU, 2016

© Ceastina Alla, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИИ (на румынском, английском и русском языках).....	6-8
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	9
ВВЕДЕНИЕ	10
1. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ	26
1.1. Историографический анализ научных публикаций и степень изученности вопроса.....	26
1.1.1. Историография нового времени (XIX в. – начало XX в.).....	27
1.1.2. Историография межвоенного периода (1918 – 1940-е гг.).....	32
1.1.3. Историография советского периода (1945 – 1991 гг.).....	34
1.1.4. Историография современного периода (1991 г. – XXI в.).....	42
1.2. Источники исследования.....	51
1.3. Выводы по главе 1.....	55
2. АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	59
2.1. Законодательные акты в области архитектуры и градостроительства.....	59
2.2. Создание и деятельность Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов, Бессарабской дорожной и строительной комиссии.....	69
2.3. Основные архитектурные стили и направления.....	73
2.4. Архитектурно-планировочная организация городских поселений.....	84
2.5. Выводы по главе 2.....	87
3. СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ЗОДЧИХ БЕССАРАБИИ (1812 – 30-е гг. XIX в.)	90
3.1. Персоналии зодчих и их творения.....	91
3.1.1. Ф. Деволан, Е. Ферстер.....	92
3.1.2. И. Гартинг, М. Озмидов, А. Тирнберг.....	96
3.1.3. И. Беттини, А. Росицкий, М. Нейман.....	104
3.1.4. Архимандрит Иоанникий, Г. Гордеев.....	107
3.1.5 Б. Эйтнер, А. Глейниг.....	114
3.1.6. И. Спет, А. Штауберт.....	118
3.2. Выводы по главе 3.....	122
4. ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗОДЧИХ БЕССАРА-	

БИИ (30 – 50-е гг. XIX в.)	124
4.1. Биографические сведения об архитекторах и градостроителях и их творческое наследие	125
4.1.1. А. Мельников, братья Фраполли.....	126
4.1.2. И. Козлов, Ф. Бударский, А. Вейсман.....	131
4.1.3. Г. Торичелли, братья Шарлемань.....	134
4.1.4. И. Гаскет, Н. Голиков, А. Лукашевич.....	145
4.1.5. В. Морган, М. Любенков, Г. Морозов.....	148
4.1.6. Ф. Боффо, И. фон дер Шкруф.....	151
4.1.7. Л. Заушкевич, В. Мочульский, А. Бернардацци и др.....	156
4.2. Выводы по главе 4.....	163
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	165
БИБЛИОГРАФИЯ	169
ПРИЛОЖЕНИЯ	186
Приложение 1. Иллюстрации.....	187
Приложение 2. Формулярные и кондуитные списки.....	255
Приложение 3. Глоссарий.....	264
Приложение 4. Перечень основных архитектурных памятников.....	267
Приложение 5. Биографический словарь бессарабских зодчих.....	283
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	293
CURRICULUM VITAE	294

ADNOTARE

Ceastina Alla: “Creația arhitecților din Basarabia în prima jumătate a secolului al XIX-lea”.
Specialitatea: 651.02. – Teoria și istoria arhitecturii. Teză de doctor în studiul artelor și culturologie. Chișinău, 2016.

Structura tezei: introducere, patru capitole, concluzii generale și recomandări, în total 168 de pagini text de bază, o bibliografie din 338 de titluri și 5 anexe.

Cuvinte cheie: arhitectură, Basarabia, urbanism, creație arhitecturală, arhitect, inginer cadastral, inginer militar, construcție, clasicism, proiect-model, închisoare, penitenciar, clopotniță, spital, arcă, catedrală, mitropolie, seminar, biserică.

Domeniul de cercetare: teoria și istoria arhitecturii.

Scopul tezei: cercetarea complexă a creației arhitecților, inginerilor cadastrali și militari din Basarabia, care au activat în prima jumătate a secolului al XIX-lea.

Obiectivele: depistarea noilor documente și materiale din arhivele Republicii Moldova, Ucraina și Rusia privind monumentele de arhitectură și arhitecții din Basarabia; determinarea impactului legislației Imperiului Rus din domeniul construcției și arhitecturii asupra urbanismului în Basarabia; analiza obiectivelor arhitecturale; reflectarea activității Comitetelor de Construcție din Chișinău Ismail și a Comisiei de Construcție și drumuri din Basarabia; prezentarea fișelor personale ale arhitecților, inginerilor cadastrali și militari din Basarabia; întocmirea registrului celor mai reprezentative construcții arhitecturale din prima jumătate a secolului al XIX-lea.

Noutatea științifică și originalitatea tezei constă în reflectarea complexă, pe tot segmentul evolutiv, a creației arhitecților și este determinată de abordarea interdisciplinară a cercetării dezvoltării arhitecturii, de manifestarea diferitor stiluri și de activitatea arhitecților cu renume în Basarabia în prima jumătate a secolului al XIX-lea, atât în baza surselor publicate, cât și a noilor documente depistate în arhivele din Republica Moldova, Rusia, și Ucraina, prezentate sub forma fișelor personale ale unor arhitecți.

Problema științifică importantă soluționată constă în reflectarea complexă a creației arhitecților, inginerilor cadastrali și militari din Basarabia în prima jumătate a secolului al XIX-lea, fapt ce a condus la aprecierea obiectivă a activității creative a acestor specialiști, în vederea determinării impactului acestora asupra mediului arhitectural-urbanistic al regiunii.

Semnificația teoretică reiese din rezultatele analizei detaliate a creației arhitecților din Basarabia, cu scopul evidențierii noilor aspecte de cercetare.

Valoarea aplicativă a lucrării: Materialele acumulate pot fi utilizate pentru elaborarea unui suport științifico-metodic referitor despre arhitecții din Basarabia, pot constitui o bază documentară pentru investigațiile ulterioare în domeniul istoriei și teoriei arhitecturii, pentru elaborarea unor teze de master și doctorat, cursuri de specialitate.

Implementarea rezultatelor științifice: Rezultatele științifice au fost implementate prin publicarea a 19 articole științifice cu un volum total de 10.0 c. a. și 12 rapoarte susținute la conferințe naționale și internaționale (în Republica Moldova, Ucraina, Federația Rusă, Franța, SUA), axate pe problematica respectivă, de asemenea, prin utilizarea informațiilor la pregătirea emisiunilor TV despre centrul istoric al orașului Chișinău.

ANNOTATION

Chastina Alla: “Creative activity of the architects in Bessarabia during the first half of XIX century”.
Thesis for the degree of Doctor of Arts and Culturology. Specialty: 651.02. – Theory and History of Architecture. Chisinau, 2016.

Structure of the thesis: introduction, four Chapters, Conclusions and recommendations, 168 pages of main text, bibliography and archival sources of 338 items, as well as 5 annexes.

Key words: architecture, Bessarabia, urban development, creative activity, architect, land surveyor, military engineer, construction, classicism, model project, jail, prison, bell tower, barrack, hospital, arch, cathedral, metropolis, seminary, church.

Field of the research: Theory and history of architecture.

Goal of the research is the comprehensive investigation of creative activity of some architects, land surveyors and military engineers in Bessarabia in the first half of XIX century.

Tasks of the research: uncovering new archival documents and materials relative to architectural monuments and their authors as architects for the indicated period of time; analysis of architectural creations; consideration of the influence of legal acts on the architecture and urban construction of Bessarabia; showing the role of some construction committees of Kishinev, Ismail and etc. as well as the Bessarabian road building commission; presentation of the personalities of various architects, surveyors and military engineers of Bessarabia; preparation of the list of main architectural buildings of Bessarabia for the first half of XIX century.

Scientific novelty and originality is in the comprehensive research of creativity of some architects that is defined by an interdisciplinary approach to the investigation of a theme relative to the development of architecture on the basis of publications and new documents found in the Archives of Moldova, Russia, and Ukraine, presented as personal records of architects, engineers and surveyors of XIX century, as well as technical plans and projects which referring to that period of time.

Main resolved scientific problem consists in the objective evaluation of the creative activity of some architects, surveyors, military engineers in Bessarabia in the first half of XIX century who by and large influenced beneficially architectural urban development in Bessarabia, as well as the determination of their role and influence on the architecture and town-planning of this region.

Theoretical value is formed by the timeliness and novelty of the study of architectural town planning in Bessarabia through the creative activity of many architects of the first half of XIX century.

Practical value: These materials of the research can be used for the elaboration of the academic materials about bessarabian architects and become a documentary base for subsequent investigations for scientific theses, preparation of special courses in the field of the history and theory of architecture.

Implementation of scientific results. Research results were reflected in 19 scientific publications (volume: 10 author's sheets) and presented at 12 International Conferences on this range of problems in Moldova, Ukraine, Russia, France, USA. These results were used for preparation of TV-broadcasts about historical center of Kishinev.

АННОТАЦИЯ

Частина Алла: «Творчество архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в.». Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения и культурологии по специальности: 651.02. – Теория и история архитектуры. Кишинэу, 2016.

Структура работы: введение, 4 главы, основные выводы и рекомендации, всего 168 страниц основного текста, библиографический материал и архивные источники из 338 наименований и 5 приложений.

Ключевые слова: архитектура, Бессарабия, градостроительство, архитектурное творчество, архитектор, землемер, военный инженер, строительство, классицизм, образцовый проект, острог, тюрьма, колокольня, казарма, госпиталь, арка, собор, митрополия, семинария, церковь.

Область исследования: теория и история архитектуры.

Цель работы: комплексное исследование творчества архитекторов, землемеров и военных инженеров, работавших в Бессарабии в первой половине XIX в.

Задачи исследования: выявление новых архивных документов и других материалов, относящихся к архитектурным памятникам и их авторам – зодчим Бессарабии указанного периода; анализ творений архитекторов; определение влияния законодательства Российской империи в области строительства и архитектуры на градостроительство Бессарабии; освещение деятельности Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов, а также Бессарабской строительной и дорожной комиссии; представление персоналий архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии; составление перечня основных архитектурных памятников Бессарабии

Новизна и научная оригинальность работы заключается в комплексном освещении творчества зодчих, обусловленном междисциплинарным подходом к исследованию развития архитектуры на основании опубликованных источников и новых документов, обнаруженных в архивах Республики Молдова, России и Украины, представленном в виде персоналий архитекторов, чертежей, проектов зданий и сооружений в Бессарабии первой половины XIX в. рассматриваемый период.

Важная решенная научная задача *состоит в том, что была дана объективная оценка творческой деятельности архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., что привело к комплексному освещению творчества зодчих, ввиду выявления их роли и влияния на архитектурно-градостроительную среду края.*

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью и новизной изучения архитектурно-градостроительного процесса в Бессарабии сквозь призму творчества зодчих первой половины XIX в.

Практическая значимость: материалы диссертации могут быть использованы для разработки учебно-методического пособия об архитекторах Бессарабии и стать документальной базой для дальнейших изысканий в области истории и теории архитектуры, для подготовки диссертационных исследований и составлении спецкурсов.

Внедрение научных результатов. Результаты исследования отражены в 19 научных публикациях (объем 10 а. л.) и представлены на 12 научных конференциях в Молдове, Украине, России, Франции, США по данной проблематике. Они были использованы для подготовки телевизионных передач об историческом центре г. Кишинева.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в. – век

вв. – века

г. – год

г. – город

ГАОО – Государственный архив Одессы и Одесской области

гг. – годы

др. – другие

лат. – латинский

м. – местечко

НАРМ – Национальный архив Республики Молдовы

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

Св. – святой

степ. – степень

Спб. – Санкт-Петербург

тип. – типография

франц. – французский

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Архитектурный облик городов Республики Молдова создавался веками. Каждый исторический период накладывал свой отпечаток на планировку и застройку населенных пунктов нашей страны. Однако одно из наиболее ярких архитектурных явлений, оставивших глубокий след в планировочной и архитектурно-пространственной структуре молдавских городов, относится к первой половине XIX в.

В результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг., по условиям Бухарестского мирного договора, земли Молдавского княжества между Прутом и Днестром, названные позднее Бессарабией, вошли в состав Российской империи. Наряду с неотложными вопросами по восстановлению разрушенной во время военных действий экономики, администрации края приходилось заниматься как строительством новых, так и реконструкцией старых городов.

Немаловажную роль в создании своеобразной архитектурной среды Бессарабии сыграли талантливые градостроители и архитекторы, работавшие здесь в первой половине XIX в. Их творения – это уникальные памятники архитектуры, градостроительные и парковые ансамбли, создающие «дух места» и придающие городским поселениям Республики Молдова особый, неповторимый колорит. В данный период проявили себя такие архитекторы, землемеры и военные инженеры, как Михаил Озмидов, Егор Ферстер, Иван Гардинг, Франц Деволан, Иосиф Беттини, Андрей Росицкий, Гавриил Гордеев, Богдан Эйтнер, Андрей Глейниг, Иван (Иоганн) Спет, Александр Штауберт, Авраам Мельников, Франц Фраполли, Иван Козлов, Франц Бударский, Антон Вейсман, Георгий Торичелли, Иосиф Шарлемань, Людвиг Шарлемань, Иосиф Гаскет, Николай Голиков, Алексей Лукашевич, Василий Морган, Михаил Любенков, Григорий Морозов, Франц Боффо, Лука Заушкевич, Александр Бернардацци и др. Все они способствовали созданию собственного «лица» бессарабского города и его художественной выразительности.

В градостроительстве данного периода доминировали принципы регулярной планировки, а для архитектурных сооружений характерны русская провинциальная классика, псевдоготика, романтизм и ампир. Новые градостроительные идеи из арсенала русского классицизма были использованы при строительстве таких бессарабских городов как Кишинев (Кишинэу), Аккерман (Четате Албэ), Килия, Бельцы (Бэлць), Бендеры (Тигина), Сороки, Кагул (Кахул) и др. (Далее автор будет использовать исторические названия населенных пунктов, принятые в XIX в. – прим. авт.). Носителями этих идей были архитекторы, землемеры и военные инженеры, получившие архитектурное или инженерное

образование в Санкт-Петербурге и других крупных городах Европы. Творчество этих мастеров, определяющее новый этап в развитии молдавского зодчества, а также их деятельность, положительно повлиявшая на формирование архитектурно-художественной среды, представляют большую значимость для истории молдавской архитектуры.

Тема творчества архитекторов Бессарабии первой половины XIX в. является актуальной и с точки зрения изучения и сохранения архитектурного наследия Республики Молдова. Сегодня, когда гармоничное сосуществование старой и новой застройки в исторических центрах городов становится важной проблемой градостроительной и архитектурной теории и практики, особенную актуальность представляет данное научное исследование, посвященное выявлению новых имен зодчих, изучению их деятельности и архитектурных творений. Необходимость такой работы обусловлена также возросшим интересом общественности к архитектурному достоянию нашей страны.

Таким образом, важность проблематики для истории архитектуры Республики Молдова определяет актуальность выбранной темы.

Описание ситуации в области исследования и выявление проблем.

Несмотря на постоянный интерес ученых к архитектуре данного периода, тема творчества зодчих Бессарабии первой половины XIX в. до сих пор практически не вошла в орбиту архитектурных исследований.

Следует, однако, выделить ряд публикаций XIX – начала XX вв., а также межвоенного периода фактологический материал которых помог автору в работе над диссертацией (труды А. Защука, И. Халиппы, П. Свиньина, П. Батюшкова, П. Крушевана, Ф. Вигеля, П. Лотоцкого, Шт. Чобану, П. Константинеску-Яшь и др.). Отдельные проблемы архитектурного творчества бессарабских зодчих XIX в. затрагиваются исследователями в советское время (труды И. Эльмана, К. Роднина, И. Понятовского, В. Смирнова, Б. Мовчана, В. Боровского, Н. Юрченко, Я. Тараса и др.). Но большинство работ, рассматривающих различные аспекты интересующей нас темы, появляется в постсоветский период (труды А. Тораманяна, Е. Рыбалко, М. Шлапак, Т. Нестеровой, С. Ильвицкой, Д. Поштаренку, Е. Богнибова, П. Думитрашку, И. Бубиса, С. Чокану и др.).

Тем не менее, до настоящего времени не существует научного труда, который всесторонне осветил бы деятельность архитекторов, землемеров и военных инженеров в контексте градостроительства Бессарабии первой половины XIX в. К пробелам в истории архитектуры края до сих пор относится отсутствие полного перечня персоналий зодчих и архитектурных объектов этого периода, а также научного анализа их творческого наследия. Историография этого периода изобилует ошибками в указании имен, фамилий и дат в

описаниях жизни и деятельности градостроителей и архитекторов, а также в «базах данных» памятников.

Необходимость комплексного исследования предложенной темы обусловлена следующими причинами:

- фрагментарностью ее освещения и существованием многочисленных противоречивых данных;
- необходимостью выявления роли архитекторов, землемеров и военных инженеров в градостроительстве Бессарабии, а также изучения созданных ими архитектурных сооружений, являющихся уникальными памятниками;
- важностью подтверждения авторства произведений отдельных архитекторов.

Данная диссертация представляет собой первую попытку освещения творческой деятельности зодчих Бессарабии указанного периода.

Целью настоящей работы является комплексное исследование творчества архитекторов, военных инженеров и землемеров, работавших в Бессарабии в первой половине XIX в. Для ее достижения намечено решение следующих конкретных **задач**:

1) выявление новых документов и материалов в библиотеках и архивах Республики Молдова, Украины и России, относящихся к архитектурным памятникам и их авторам – зодчим Бессарабии рассматриваемого периода;

2) определение влияния законодательства Российской империи в области строительства и архитектуры на градостроительство Бессарабии, включая деятельность зодчих, участвовавших в проектировании бессарабских городов;

3) анализ архитектурных творений зодчих Бессарабии первой половины XIX в.;

4) освещение деятельности Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов края, а также Бессарабской строительной и дорожной комиссии, в которых принимали участие зодчие Бессарабии;

5) представление персоналий архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., а также составление перечня основных архитектурных сооружений и биографического словаря зодчих.

Географические и хронологические рамки исследования охватывают территорию Бессарабии первой половины XIX в. с 1812 по 50-е гг. XIX в. Нижняя хронологическая рамка обусловлена временем включения восточных земель Молдавского княжества в состав Российской империи, а верхняя определяется началом деятельности наиболее яркого и выдающегося бессарабского архитектора – Александра Бернардацци.

Методология научного исследования. В основу диссертационного исследования положены культурологический и сравнительно-исторический методы с применением иконографического, архивоведческого, архитектурного, искусствоведческого и сравнительного анализа. К разработке данной темы были привлечены результаты работ предшественников, законодательные акты в области архитектуры и строительства, а также материалы архивных фондов разных стран.

Новизна и научная оригинальность исследования заключается в том, что впервые подробно рассматриваются материалы, связанные как с законодательством в области архитектуры и строительства, так и с деятельностью бессарабских зодчих первой половины XIX в. В научный оборот введен ряд ранее неопубликованных документов – формулярные и кондуитные списки архитекторов-градостроителей, материалы об участии Измаильского, Кишиневского и других строительных комитетов, а также Бессарабской дорожной комиссии в застройке городов, включая карты, чертежи, проекты, рисунки, фотографии и др. Изучение документов, обнаруженных в архивах Республики Молдова, Украины и России, позволило автору выявить более 30 ранее неизвестных имена архитекторов, военных инженеров и землемеров Бессарабии, принимавших участие в строительстве отдельных объектов, которые и сегодня являются культурным наследием Республики Молдова. Также составлен перечень, содержащий данные о наиболее значимых зданиях и сооружениях, в том числе и не сохранившихся до наших дней. Впервые представлен краткий биографический словарь зодчих, состоящий из 80 персоналий.

Решенная научная задача заключается в комплексном освещении творчества архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., что привело к объективной оценке творческой деятельности зодчих, ввиду выявления их роли и влияния на архитектурно-градостроительную среду края.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью и новизной рассматриваемых вопросов, которые расширяют и углубляют научные знания об основных тенденциях и особенностях архитектурно-градостроительного процесса в Бессарабии в рассматриваемый период.

Практическая значимость и внедрение результатов исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке предложенной тематики. Результаты исследования будут полезны для историков, архитекторов, инженеров, археологов, искусствоведов, реставраторов, музееведов, студентов профильных отделений колледжей и высших учебных заведений. Вместе с тем, материалы диссертации внесут определенный вклад в дело выявления и сохранения историко-архитектурного наследия

Республики Молдова и будут представлять интерес для Министерства культуры, Национального агентства по туризму, а также для гражданского общества.

Анализ творчества архитекторов Бессарабии позволил представить следующие **основные научные результаты, выносимые на защиту:**

1) Формирование архитектуры и градостроительства Бессарабии в рассматриваемый период и влияние законодательства Российской империи на данные процессы.

2) Исследование разносторонней творческой деятельности архитекторов, землемеров и военных инженеров, занимающихся проектированием и строительством городских поселений, зданий и сооружений, а также составлением карт, топографических съемок, смет и выполнением различных инженерных обязанностей.

3) Преобладание классицизма, как основного стиля в архитектуре Бессарабии первой половины XIX в., а также проявление таких стилистических направлений, как псевдоготика, романтизм и ампир.

4) Влияние деятельности бессарабских строительных комитетов и дорожных комиссий на архитектурно-строительную практику края.

5) Оценка роли «образцовых» проектов в создании градостроительного облика Бессарабии в указанный период.

Апробация работы: Результаты исследований обсуждались на 12 национальных и международных научных конференциях: «Сохранение архитектурных памятников и использование их в туристических целях» (Минск-Варшава, 1–12 сентября, 2008); «Сохранение культурного наследия в странах Европы» (Кишинэу, 25–26 сентября, 2008); «Приднестровское Подолье: история и современность» (Каменка, 21–23 ноября, 2008); «Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor» (Chișinău, 14–16 mai, 2009; Chișinău, 28–29 septembrie, 2010; Chișinău, 24–26 mai, 2011; Chișinău, 22–24 mai, 2013; Chișinău, 22–23 mai, 2014; Chișinău, 26–28 mai, 2015); «Patrimoniul material și imaterial al Republicii Moldova. Aspecte comparative» (Chișinău, 26 aprilie 2012); «140 лет со дня рождения А. В. Щусева» (Кишинэу, 4 сентября, 2013); «Monumentul. Tradiție și viitor» (Chișinău-Iași, 01–02 octombrie, 2015) и др.

Публикации по теме диссертации. Результаты исследования нашли отражение в 19 публикациях, в том числе в десяти статьях, опубликованных в профильных аккредитованных изданиях и трех статьях, включенных в международные научные издания.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, общих выводов и рекомендаций, а также аннотаций на трех языках, библиографии из 338 наименований, пяти приложений, декларации об ответственности и CV автора. Общий

объем диссертации – 295 страниц, объем основного текста – 168 страниц.

Ключевые слова: архитектура Бессарабии, градостроительство, архитектурное творчество, архитектор, землемер, военный инженер, строительство, классицизм, «образцовый» проект, острог, тюрьма, колокольня, госпиталь, арка, собор, митрополия, семинария, церковь.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** определены основные цели и задачи данной работы; аргументирована ее актуальность и раскрыта степень изученности темы; обоснована научная новизна, теоретическая, а также практическая значимость исследования; очерчены географические и хронологические рамки научного поиска; сформулированы основные положения, выносимые на защиту; указаны методологические основы диссертации и решенная научная проблема; представлена структура диссертационного исследования.

В **главе 1 «Архитектурное наследие Бессарабии первой половины XIX в. в специальной литературе и источниках»** проводится анализ историографии, связанной с творчеством архитекторов, землемеров и военных инженеров, работавших в Бессарабии в первой половине XIX в. Автор выделяет несколько периодов накопления материалов по данной теме, начиная от записок путешественников и заканчивая трудами современных ученых: 1) XIX – начало XX вв.; 2) 1918 – 1940-е гг.; 3) 1945–1991 гг.; 4) 1991 г. – начало XXI в.

В **параграфе 1.1. «Историографический анализ научных публикаций и степень изученности вопроса»** рассматриваются работы, освещающие деятельность отдельных зодчих в Кишиневе, а также различные аспекты развития архитектуры первой половины XIX в. При обращении к проблеме историографии, необходимо произвести обзор ряда работ общего характера таких авторов, как А. Зашук, И. Халиппа, П. Свиньин, Ф. Вигель, П. Батюшков и др. В своих работах они пишут о Бессарабии начала XIX в., приводя краткие сведения о первых зодчих – М. Озмидове, Б. Эйтнере, И. Гартинге и Ф. Фраполли. Здесь представлены статистические данные обо всех бессарабских соборах и церквях, а также описаны различные архитектурные сооружения Кишинева, Аккермана, Бендер, Оргеева и других городов. В начале 1900-х гг. авторы И. Халиппа, П. Крушеван и П. Лотоцкий называют архитекторов Глейнига, Беттини и архимандрита Иоанникия. Отметим, что в написании инициалов имен, фамилий проектировщиков и строителей, а также дат, связанных с сооружением памятников, часто встречаются неточности и ошибки.

В межвоенный период (1918–1940-е гг.) тема творчества бессарабских архитекторов не была особо актуальной. Некоторое отношение к данной теме имеют работы Шт. Чобану, который приводит различные типы бессарабских культовых сооружений, а также Шт. Берекета, представляющего архитектурное описание пяти церквей Кишинева, построенных или перестроенных в XIX в. Кроме того, П. КонстантINESКУ-ЯШЬ анализирует «молдавский стиль», проводя параллели с храмовой архитектурой Румынии, и рассматривает старые городские дома Кишинева, делая акцент на традиционном молдавском жилище.

В советское время (1945–1991 гг.) появляются различные работы по истории и градостроительству Молдавии. Сведения, содержащиеся в трудах И. Эльтмана, К. Роднина и И. Понятовского позволяют выявить основные этапы в развитии бессарабского зодчества. В. Смирнов в монографии «Градостроительство Молдавии XIX–XX вв.» достаточно подробно рассматривает градостроительство Бессарабии интересующего нас периода и участие в этом процессе отдельных архитекторов. В то же время Е. Белецкая, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубова и И. Эрн анализируют «образцовые» проекты на примере русского зодчества, а М. Тубли посвящает свою монографию творчеству известного петербургского архитектора А. Мельникова.

В научной литературе довольно часто упоминается имя известного петербургского профессора А. Мельникова, автора проектов Кишиневского кафедрального собора и колокольни. Б. Мовчан доказывает, что этому архитектору принадлежит проект Спасо-Преображенского собора в Болграде, а также относит к его заслугам строительство отдельных домов в этом городе по «образцовым» проектам. В научных исследованиях 1970–1980-х гг. прошлого века появляются сведения о творчестве некоторых зодчих, также сопряженные с рядом погрешностей. Так долгое время приводятся неверные инициалы имени архитектора Л. Заушкевича – создателя кишиневской Триумфальной арки и указывается неправильная дата сооружения этого объекта. Искусствовед Н. Юрченко приписывает почти всех иностранных зодчих, работавших в Бессарабии, к лютеранам, неверно определяя период деятельности архитекторов Г. Торичелли и О. Гаскета.

Историография советского периода представлена также другими исследованиями. Я. Тарас, описывая архитектурные памятники, называет некоторые неизвестные ранее имена их проектировщиков, таких как Вейсман и фон дер Шкруф. В. Боровский в работе «История молдавской архитектуры» приводит новые имена градостроителей, землемеров и военных инженеров, причастных к составлению топографических планов и проектированию бессарабских городов: С. Микулина, П. Алексеева, К. Поморцева и др.

После провозглашения независимости Республики Молдовы, в августе 1991 г. появляются новые научные работы, в которых развитие архитектуры в Бессарабии рассматривается вне жестких идеологических рамок. Исследователь Д. Поштаренку пишет о первом бессарабском землемере М. Озмидове, С. Ильвицкая предлагает аннотированный словарь архитекторов и инженеров Бессарабии XVIII – начала XX вв., а Е. Рыбалко составляет краткий биографический словарь архитекторов Бессарабии XIX–XX вв. и подробно освещает творчество архитектора И. Гаскета. А. Тораманян упоминает мастера Вардана, который занимался реконструкцией Армянской церкви в Кишиневе в начале XIX в. В этом контексте необходимо отметить вклад исследователей, критикующих реставрацию Кишиневского кафедрального собора, а также изменение архитектурных элементов вновь отстроенной колокольни. Среди них числится Н. Юрченко, которая сравнивает аутентичные сооружения, построенные по проекту А. Мельникова, с современными архитектурными памятниками, изменившимися после проведения «реставрационных» работ. Также она посвящает одну из своих статей истории строительства тюремного замка, автором которого был известный итальянский архитектор Г. Торичелли. Архитекторы Е. Богнибов и П. Думитрашку анализируют некоторые архитектурные памятники этого периода, критически оценивая реставрацию Кафедрального собора А. Мельникова и положительно отзываясь о реконструкции Триумфальной арки Л. Заушкевича. Монография И. Бубиса посвящена замечательной династии зодчих из Швейцарии итальянского происхождения, к которой принадлежит известный архитектор А. Бернардацци. В работе М. Андроника и Т. Нестеровой представлена информация о молдавских архитектурных памятниках, сопровождаемая сведениями об их создателях, времени строительства, стиле сооружений, последующей реконструкции и др. В то же время М. Шлапак осуществляет анализ многих генеральных планов бессарабских городов, в том числе, созданных архитекторами, землемерами и военными инженерами в первой половине XIX в.

Для дополнения общей картины автор привлекает труды современных исследователей, таких как С. Чокану, С. Ильвицкая, Т. Ставилэ и К. Чобану и другие, которые внесли свой вклад в изучение истории архитектуры Бессарабии первой половины XIX в. Также представляют интерес новые российские и украинские работы по творчеству архитекторов, работавших в этот период как в России, Украине, Крыму, так и в Бессарабии.

Для написания **параграфа 1.2. «Источники исследования»** использован ряд документов, среди которых «Полное собрание законов Российской империи», начиная с 1812 г., а также «Свод законов Российской империи». Кроме того, автор данного исследования

обратился к материалам государственных и частных архивов и библиотек Кишинева, Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы.

В Национальном архиве Республики Молдовы по теме исследования были обнаружены следующие документы: формулярные списки зодчих с подробным описанием основных событий их жизни, переписка относительно строительства многих архитектурных сооружений, сметы, проекты, топографические съемки, карты, планы, фасады, разрезы, рисунки, фотографии и другие важные материалы.

В фондах Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга были выявлены важные документы о разработке плана Кишинева в 1832–1835 гг. и о его застройке в первой половине XIX в. Также здесь была обнаружена дополнительная информация о творчестве многих зодчих, таких как М. Озмидов, И. Гаскет, Ф. Боффо, Г. Торичелли, Л. Заушкевич, братья Шарлемань и др. В Российском государственном военно-историческом архиве г. Москвы автору удалось ознакомиться с личными делами некоторых бессарабских архитекторов и военных инженеров, в том числе М. Любенкова, А. Глейнига и др.

В Государственном архиве Одессы и Одесской области был обнаружен ряд архивных документов, связанных с архитектурой Бессарабии, включая историю строительства тюремных замков в городах Кишиневе и Измаиле в 1840–1842 гг. Автор диссертационного исследования рассмотрел материалы о создании и правилах работы Кишиневского и Измаильского строительных комитетов, о постройке церквей в Бессарабии в 1828–1835 гг., а также содержательные документы относительно творчества таких архитекторов, как Ф. Боффо, Б. Эйтнер, Г. Торичелли, И. Гаскет, Л. Заушкевич, и деятельности инженеров – полковника Г. Морозова и капитана М. Любенкова.

Кроме того, для настоящей работы привлечены материалы из многочисленных газет и журналов, таких как «Бессарабские губернские ведомости», «Кишиневские епархиальные ведомости», «Бессарабский вестник», «Зодчий», в которых содержатся важные сведения об истории Бессарабии, Кишинева, других бессарабских городов, а также о тех зодчих, которые внесли значительный вклад в архитектуру и градостроительство Бессарабского края.

В параграфе 1.3. «Выводы по главе 1» обобщается приведенный в данном разделе обзор публикаций и источников по теме исследования.

Глава 2 «Архитектурно-градостроительная специфика Бессарабии первой половины XIX в.» состоит из четырех частей.

В параграфе 2.1. «Законодательные акты в области архитектуры и градостроительства» документально подтверждается, как на основании «Строительного устава», изданного в 1832 г. и действовавшего на территории Российской империи, законодательные акты распространялись на область архитектурно-строительной практики Бессарабии. Это касалось общественных, жилых построек, культовых сооружений разных религиозных конфессий, а также применения так называемых «образцовых» проектов, которые значительно облегчали строительство и способствовали возведению таких зданий, как присутственные места, станционные дома, карантинные, госпитали, тюремные учреждения и др. Использование «образцовых» проектов как для казенных зданий, так и для частных построек было одной из особенностей данного периода. Они создавались с учетом строительства города в целом, разрабатывались и рассылались по губерниям в виде серий проектов, куда входили планы домов, различающихся по размерам, этажности, внешнему декору и др. Сам метод применения «образцовых» проектов, особенно для фасадов, благотворно сказался на достижении целостной застройки бессарабских городов. Но в то же время такие проекты не учитывали климатических условий и национальных особенностей населенных пунктов Бессарабской области, поэтому могли служить лишь основой, на которой впоследствии разрабатывались новые проекты.

Законодательная база определяла важную роль архитекторов в подготовке проектов и смет, в освидетельствовании построенных зданий. Был издан ряд законов, направляющих деятельность местных зодчих, установивших правила построения фасадов, высоту и длину жилых домов, расстояния между зданиями и др. Особыми правилами руководствовались при строительстве церковных и других молитвенных домов, которые, также как и православные храмы, сооружали после разрешения местного епархиального начальства или Святейшего Синода.

В параграфе 2.2. «Создание и деятельность Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов, Бессарабской дорожной и строительной комиссии» анализируется деятельность строительных комитетов в Кишиневе, Измаиле, Аккермане, Хотине, а также Бессарабской дорожной строительной комиссии в период 1823–1857 гг., в составе которых находились бессарабские зодчие.

В соответствии с установленными правилами, в ведении этих комитетов были следующие вопросы: составление планов и смет построек, сбор сведений о ценах на строительство, заготовка материалов, постройка и ремонт, осмотр сооружений, отчетность о расходах денежных сумм, наблюдение прокурора за строительством и др. Бессарабская дорожная строительная комиссия, в основном, решала вопросы, связанные с ремонтом до-

рог и мостов, распределением подрядов на постройки новых дорожных участков. В ее обязанности также входили: осмотр и перестройка зданий, сбор сведений о справочных ценах на строительные материалы и др.

Необходимо отметить, что постоянное реформирование строительных организаций в первой половине XIX в. свидетельствовало о непрерывном поиске более эффективных форм для четкого определения функций, правильного ведения дел в строительстве и наблюдения за состоянием дорог в Бессарабии.

В параграфе 2.3. «Основные архитектурные стили и направления» автор уделяет внимание позднему классическому стилю, а также псевдоготике, романтизму, ампиру и их проявлениям в архитектуре края. В этот период в Бессарабии – как при возведении общественных строений (здания Кишиневской митрополии и семинарии и др.), культовых сооружений (Кишиневский кафедральный собор, Бендерский и Болградский Спасо-Преображенский соборы и др.), так и жилых построек (дома Варфоломея, Катаржи и др. в Кишиневе, жилые здания в Измаиле и Болграде и др.) – проявлялись черты русского классицизма. Тем не менее, при этом частично мог сохраняться местный национальный колорит (Свято-Георгиевская церковь, Собор Святого Федора Тирона, Свято-Вознесенская церковь в Кишиневе и др.).

В данное время в Кишиневе были сооружены здания евангелической церкви и тюремного замка в духе псевдоготике и романтизма, что свидетельствовало о начале перехода от классицизма с его строгими канонами ордерной системы к новым, более свободным архитектурным формам. Художественные идеи ампира нашли свое отражение в Триумфальной арке в Кишиневе и памятнике Кагульской битве в Вулканештах. Соответственно, можно говорить о намечавшемся в архитектуре Бессарабии переходе от классицизма к эклектике, ярко проявившейся в сооружениях второй половины XIX в.

В параграфе 2.4. «Архитектурно-планировочная организация городских поселений» рассматриваются особенности градостроительства Бессарабии первой половины XIX в. До образования Бессарабской области официально статус города, кроме Кишинева, имели Бендеры, Тучков (Измаил), Аккерман, Килия, Рени и Хотин. В период 1812–1850-х гг. все бессарабские города получили утвержденные планы для их дальнейшей застройки. В это время появились «высочайше» утвержденные проекты следующих городов: Кишинев (1817, 1834), Бендеры (1813, 1849), Болград (1821), Килия (1831), Кагул (1845), Сороки (Сорока) (1846), Аккерман (1846), Бельцы (1846), Измаил (1849), Оргеев (Орхей) (1849) и Рени (1849). В этих населенных пунктах, кроме Аккермана и Бельц, были использованы принципы регулярной планировки. К центру Аккермана все улицы сходились в строго ра-

диальном направлении, при этом жилищная застройка была разрешена на определенном расстоянии от средневековой крепости. А в основе плана города Бельцы находилось несколько площадей, вокруг которых группировались жилые кварталы, имевшие веерную направленность. Квалифицированные и опытные архитекторы, землемеры и военные инженеры из разных губерний Российской империи и Европы участвовали в проектировочных и градостроительных работах в бессарабских городах.

В параграфе 2.5 сформулированы следующие «Выводы по главе 2», исходя из анализа деятельности строительных комитетов, а также законодательства в области архитектуры и градостроительства:

В главе 3 «Своеобразие творчества зодчих Бессарабии (1812 – 30-е гг. XIX в.)» рассматриваются персоналии архитекторов, землемеров и военных инженеров, работавших в Бессарабии в 1812–1830-е гг. В это время в некоторых церквях и монастырях, а также жилых домах сохранялись черты национальной архитектуры. Однако согласно Строительному уставу Российской империи, основные принципы возведения зданий уже регламентировались «альбомами образцовых фасадов» или «образцовыми» (нормальными) проектами. Градостроительство этого периода в Бессарабии было отмечено составлением топографических съемок, проводившихся в основном землемерами и военными инженерами, которых, как правило, приглашали из Российской империи и Европы. После 1812 г., благодаря деятельности архитекторов и градостроителей, в городских поселениях края появились новые культовые и жилые здания, карантинные, больницы, тюрьмы, стационарные и полицейские дома, провиантские магазины и др.

В параграфе 3.1. «Персоналии зодчих и их творения» подробно анализируется деятельность таких архитекторов, землемеров и военных инженеров, как Ф. Деволан, Е. Ферстер, И. Гартинг, М. Озмидов, А. Тирнберг, И. Беттини, А. Росицкий, архимандрит Иоанникий, Г. Гордеев, Б. Эйтнер, А. Глейниг, И. Спет, А. Штауберт и др. В данном контексте следует отметить достижения военных инженеров Ф. Деволана и Е. Ферстера, которые реконструировали некоторые бессарабские крепости, ремонтировали дороги, сооружали мосты, составляли сметы на постройку казарм и жилых домов. Вместе с тем, бессарабский гражданский губернатор, генерал-майор, инженер И. Гартинг, а также архитектор и землемер М. Озмидов стояли у истоков проектирования Кишинева. Именно они являются авторами одного из первых планов города, составленного в 1817 г. Ими были также разработаны проекты первых кишиневских зданий острога (1815) и госпиталя (1816). По настоянию Кишиневского и Хотинского митрополита Г. Бэнулеску-Бодони в Кишине-

ве были построены митрополия (1814) и духовная семинария (1817), спроектированные архимандритом Иоанникием. «Образцовый» проект для сооружения здания полицейского дома в г. Хотине был подготовлен архитектором А. Тирнбергом в 1815 г. с использованием канонических форм классицизма.

В 1818 г. в Кишиневе был заложен первый регулярный городской сад, имеющий в плане квадратную форму и строго геометрическую планировку аллей, газонов и клумб. В его благоустройстве в 20-е гг. XIX в. принимал участие городской архитектор Г. Гордеев. Зодчий И. Беттини в 1819 г. был приглашен в Кишинев для осуществления ряда гидротехнических и нивелировочных работ. Он известен также как автор проекта Кишиневского городского здания присутственных мест. В это же время М. Озмидовым была создана первая карта Бессарабии, заложившая основы нового деления этой области на уезды. Типовые чертежи тюремных острогов, разработанные в 1829 г. архитекторами А. Росицким, И. Гаскетом и М. Нейманом для строительства в Бельцах, Бендерах и Хотине, в очередной раз продемонстрировали успешное применение «образцовых» проектов на практике. Такой метод способствовал быстрой застройке городских поселений Бессарабии.

Следует отметить, что согласно законодательству в области архитектуры, одними из основных обязанностей зодчих были надзор за качеством строительства и освидетельствование законченных построек. Подобно другим архитекторам, военный инженер, подполковник, областной архитектор А. Глейниг занимался надзором за сооружением тюремного здания по типовому проекту в Бендерах, освидетельствовал законченные постройки при доме Кишиневского еврейского общества, а также составлял сметы для строительства станционных домов в Хотинском уезде. По проекту архитектора М. Неймана в 1815–1820 гг. в стиле русского классицизма был возведен Свято-Вознесенский собор в Аккермане. Зодчий немецкого происхождения И. Спет участвовал в ремонте Св. Георгиевской церкви в Кишиневе, а также в проектировании Кишиневского кафедрального собора. Архитектор из Санкт-Петербурга А. Штауберт спроектировал для военного гарнизона Хотинской крепости новую каменную церковь в честь Св. Александра Невского, в которой удачно сочетались архитектурные формы классицизма и древнерусского зодчества. По проекту архимандрита Иоанникия был построен Бендерский Преображенский собор, в котором преобладали элементы русского классицизма и молдавской архитектуры. В 1835 г. он подготовил проекты фасада и планы нового каменного здания Кишиневской духовной консистории. Иоанникий также принял участие в строительстве церквей в Киприяновском (Кэприяна) и Гербовецком (Хырбовэц) монастырях.

В параграфе 3.2. сформулированы «Выводы по главе 3».

Глава 4 «Особенности творческой деятельности зодчих Бессарабии (30–50-е гг. XIX в.)» посвящена творчеству архитекторов, землемеров и военных инженеров в рассматриваемый период. Классицизм в пору своего расцвета, вдохновленный новыми передовыми идеями, получил последующее развитие в осуществлении более сложных архитектурных форм. Теперь, наряду с «образцовыми», повсеместно используются индивидуальные проекты. Монументальность построек, а также укрупнение архитектурных форм является отличительной чертой этого периода. В 1834 г. в генеральном плане г. Кишинева было определено место нового центра города и его главной площади. В это же время в Болграде появляется Спасо-Преображенский собор, а в Измаиле – колокольня. Здания лютеранской кирхи, тюремного замка и Триумфальной арки в Кишиневе, а также памятник Кагульской битве в Вулканештах демонстрируют соединение классических, романтических, псевдоготических и ампирных традиций. Ощутимо проявляется влияние итальянской и других архитектурных школ, представленных зодчими иностранного происхождения. По сравнению с предыдущим периодом все важные проекты культовых и общественных зданий, предназначенные для строительства в Бессарабии, рассматриваются и утверждаются в Министерстве путей сообщения и публичных зданий г. Санкт-Петербурга. В 50-е гг. XIX в. составляются отчеты о развитии бессарабских городов, в которых кроме статистических данных о народонаселении, содержатся сведения о постройках общественных, жилых, культовых зданий, а также первых промышленных предприятий.

В параграфе 4.1. «Биографические сведения об архитекторах и градостроителях и их творческое наследие» основной акцент сделан на деятельности таких зодчих, как А. Мельников, братья Фраполли, И. Козлов, Ф. Будерский, А. Вейсман, Г. Торичелли, братья Шарлемань, И. Гаскет, Н. Голиков, А. Лукашевич, В. Морган, М. Любенков, Г. Морозов, Ф. Боффо, И. фон дер Шкруф, Л. Заушкевич, В. Мочульский, А. Бернардацци и другие с представлением неопубликованных биографических данных об архитекторах и градостроителях, а также анализом их творений.

Ярким представителем русского классицизма в первой половине XIX в. является профессор Петербургской Академии художеств А. Мельников, автор Кишиневского Свято-Рождественского собора. Согласно архивным документам, смету на его строительство составил одесский архитектор Фраполли, а военные инженеры М. Любенков и Г. Морозов в 1831–1833 гг. принимали участие в закладке фундамента. По своей значимости этот храм занял место старого собора – Архангело-Михайловской церкви и определил на многие годы вперед своим местоположением центр города. А. Мельников – автор проекта колокольни, возведенной на одной оси с новым собором и ставшей неотъемлемой частью

всего архитектурного ансамбля, строительство которого продолжалось с 1830 по 1838 гг. Завершением всей композиции стало сооружение в 1839 г. Триумфальной арки, или «Святых врат», по проекту архитектора Л. Заушкевича. Зодчего Мельникова также считают автором проекта Спасо-Преображенского собора в Болграде (1833–1838 гг.) – одного из наиболее близких архитектурных аналогов Кишиневского кафедрального собора.

В 1840 г. подданный Австрийской империи архитектор А. Вейсман разработал проект церкви Успения Богородицы в Сороках. Одесский архитектор И. Козлов стал известен в Бессарабии как автор колокольни, возведенной в Измаиле. Кишиневский городской архитектор И. Гаскет принимал участие в строительстве Вознесенской, Харлампиевской и Кладбищенской церквей в Кишиневе.

В то же время, наряду с православными, начинается сооружение культовых объектов других религиозных конфессий, поскольку Кишинев был многонациональным и многоконфессиональным городом. Согласно архивным документам, первоначальный проект и смета для строительства в Кишиневе римско-католического костела были подготовлены архитектором И. Гаскетом в 1836 г., но, по всей вероятности, проект этой церкви был «образцовым». Одобренный в 1838 г. в Санкт-Петербурге и рекомендованный в 1840 г. для выполнения в Кишиневе, проект был подписан архитектором Шарлеманем-2. Как следует из проведенного исследования, изучения проектной документации и различных документов генеалогического характера, эта подпись принадлежала Людвигу Шарлемань. Он же, вероятно, мог быть автором проекта, по которому строился кишиневский костел.

В 1838 г., по просьбе немцев-колонистов, в Кишиневе было построено однефное сооружение лютеранской кирхи. Итальянский зодчий Г. Торичелли применил в этом культовом сооружении целый ряд готических элементов. В 1834–1864 гг. в Кишиневе, также по проекту Г. Торичелли, построили новую тюрьму. Сооруженное в виде средневекового замка, это монументальное здание стало ярким примером проявления романтизма.

Одесский архитектор Ф. Боффо в 1838 г. составил один из вариантов плана г. Аккермана. Он также был автором проекта известного памятника Кагульской битве, сооруженного в Вулканештах в 1849 г. При этом за его строительством наблюдал другой зодчий, И. фон дер Шкруф, являвшийся в 1844–1850 гг. смотрителем Измаильских казенных построек.

Архитекторы И. Гаскет, М. Нейман, И. Козлов, Ф. Боффо и другие зодчие участвовали в 1839 г. в строительстве каменных казарм в Аккермане. Здесь же, по проекту архитектора Н. Голикова, было построено здание присутственных мест и возводились жилые дома по типовому проекту, разработанному землемером Ф. Бударским. В Кишиневе в это

время появились городской фонтан, несколько новых корпусов городской больницы, военный госпиталь, сиротский приют и другие архитектурные сооружения, в возведении которых принимали участие И. Гаскет, Н. Голиков, Л. Заушкевич, В. Мочульский и др.

В 1853 г. Бессарабская дорожная строительная комиссия назначила А. Бернардацци помощником архитектора и наделила его функциями техника для устройства городов Аккерман и Бендеры, а также сооружения мостов и гатей в Аккерманском и Бендерском уездах. В 1855 г. начался период творчества этого талантливого зодчего в Кишиневе, а именно с его участия в проекте об обустройстве Лесного рынка. А в 1856 г. Бернардацци стал городовым архитектором, заменив на этом посту Л. Заушкевича. Впоследствии, в течение 22 лет, он занимался проектированием и строительством общественных и частных зданий и сооружений в бессарабских городах.

В параграфе 4.2. в результате проведенного анализа обширного архивного, документального материала автор представляет **«Выводы по главе 4»**.

В Заключение представлены основные выводы диссертационной работы и рекомендации, отмечаются полученные результаты, подчеркивается значение данного исследования.

1. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ

1.1. Историографический анализ научных публикаций и степень изученности вопроса

На протяжении многих лет исследователи неоднократно обращались к изучению творчества зодчих Бессарабии, прослеживая основные тенденции, особенности и этапы формирования архитектурно-планировочного развития края в первой половине XIX в. Определенные аспекты данной темы были рассмотрены такими авторами, как капитан Александр Защук, историк-краевед Иван Халиппа, архитекторы Василий Боровский, Ярослав Тарас, Виктор Смирнов, Аршавир Тораманян, Марьяна Шлапак, Тамара Нестерова, искусствоведы Кир Роднин, Давид Гоберман, Наталья Юрченко, историки Евгения Рыбалко, Дину Поштаренку и др.

Существующая историография и различные источники позволяют проследить тему творчества зодчих в Бессарабии на протяжении первой половины XIX в. В то же время целенаправленное изучение материалов, посвященных в той или иной степени архитектурному процессу этого периода, свидетельствует о том, что до сегодняшнего дня не произведен глубокий научный анализ вклада многих архитекторов, военных инженеров и землемеров в формирование облика бессарабского края. Существуют немногочисленные работы о творчестве зодчих, авторы которых, как правило, подчеркивают значимость выбранной ими конкретной персоналии, в других трудах главным образом приводятся описания зданий и сооружений. Однако, в том числе и в силу исторических обстоятельств, практически отсутствуют исследования, содержащие всестороннюю оценку творчества зодчих, работавших в указанный период, их роли в становлении и развитии архитектуры Бессарабии.

В историографии по указанной теме можно выделить несколько периодов накопления материалов, связанных как с изучением градостроительства Бессарабии, так и с творчеством архитекторов, – начиная от записок путешественников и заканчивая трудами современных ученых. Это вполне вписывается в общую периодизацию истории Бессарабии нового и новейшего времени. Данные периоды можно представить следующим образом: 1) историография нового времени (XIX – начало XX в.); 2) историография межвоенного периода (1918 – 1940-е гг.); 3) историография советского периода (1945 – 1991 гг.); 4) историография современного периода (1991 г. – XXI в.).

1.1.1. Историография нового времени (XIX – начало XX в.)

В Военно-статистическом обозрении Российской империи по Бессарабской области [37] в 1849 г., подполковник Генерального штаба Михаил Дараган приводит интересные данные по городам и «замечательным местам» Бессарабии, таким как Аккерман, Атаки (Отачь), Бендеры, Кишинев, Хотин, Рени, Болград, Килия, Бельцы и другие, охарактеризовав архитектуру каменных построек как хорошую, отличную, изящную, и указав на важную роль этих населенных пунктов в военно-статистическом отношении.

В «Материалах для географии и статистики России, собранных в 1862 г. офицерами генерального штаба» [43] по Бессарабской области, капитан Александр Защук представляет ее подробное описание, включая географическое положение, исследование почв, историю городов, сведения о заселении края и т. д. Как следует из данной работы, вплоть до 1820 г. Кишинев «представлял огромную массу хижин и домов, разбросанных произвольно в узких, грязных, кривых и часто глухих улицах. Так, в 1827 г. в городе насчитывалось 3031 домов и было 19500 жителей. В 1833 Кишинев имел 12 церквей, 495 каменных и 3,264 камышовых зданий» [43, с. 108]. Между тем автор отмечает, что «в течение нескольких лет возник новый, верхний, европейский город» [43, с. 97], в отличие от старого, азиатского. А. Защук останавливается на заслугах бессарабского губернатора Павла Федорова в разработке плана города, утвержденного в 1834 г., когда Кишинев стал быстро разрастаться, и в нем были возведены новые здания. В их числе – Кафедральный собор во имя Рождества Христова с колокольной, построенные в 1836 г., воздвигнутые в 1840 г. Святые ворота с установленными на них городскими часами, а также здания митрополии и духовной семинарии. А. Защук перечисляет все соборы и церкви Бессарабской губернии, указывает даты их постройки. Сведения о состоянии кишиневских церквей имеются также в принадлежащем этому же автору «Историческом очерке распространения христианства в Бессарабии». К примеру, в 1858 г. в Кишиневе насчитывалось 11 каменных соборов и церквей, 2 каменных здания монастырей, по одному римско-католическому, лютеранскому приходу и одна армянская церковь [43, с. 381, 386-388]. При этом А. Защук, не называя имен архитекторов костела и кирхи, отмечает некоторые особенности строений. По его оценке, «римско-католическая церковь много теряла в архитектурном плане от двух куполов, совершенно непропорционально прилепленных по краям главных зданий», а лютеранская отличалась довольно простой архитектурой и состояла из «низкого продолговатого корпуса, с пристроенной к нему высокою, готическою башнею» [43, с. 112]. Дается краткое описание других зданий, таких как приют полковника Манолакия Бальша, городская больница, квартира губернатора, гимназия, частные дома, гостиница, магазины,

лавки и др. К первой половине XIX в. Кишинев уже характеризовался регулярной застройкой с расположением достаточно прямолинейных, широких улиц, а также «щеголеватостью зданий и чистотой» [43, с. 98]. А. Защук описывает постройки г. Аккерман с посадами Попушой и Шабо, г. Бендеры с предместьями, Бельцы с известной соборной церковью архитектора Вейсмана, а также г. Оргеев, Хотин и другие так называемые «замечательные местечки» Бессарабии.

На перемены, происходящие в Бессарабии, обращает внимание русский писатель, издатель и журналист Павел Свиньин. Он одним из первых, в 1816 г. побывал в командировке в Бессарабском крае, представив подробный отчет. Свиньин пишет, что Кишинев «из небольшой бедной деревни, каковою найден он при начале Российского правительства, принимает теперь вид богатого города» [255, с. 269]. Ссылаясь на сведения полицеймейстера Тимашева, писатель сообщает, что в 1816 г. в Кишиневе насчитывалось «2109 домов, в том числе 7 церквей, 1 монастырь, 448 лавок» [255, с. 269]. Из казенных зданий автор выделяет острог, госпиталь, митрополию, три провиантских магазина, гауптвахту, несколько караулен и карантинных при въезде в город, конюшню с сараем, а также кузницу. «В числе обывательских домов есть несколько каменных и довольно обширных, но худой архитектуры; при том все они расположены весьма дурно и построены без перспективы и всякого порядка на улицах» [255, с. 269], – подчеркивает Свиньин. Отдельно он отмечает острую необходимость в землемерах и архитекторах из-за постоянных споров в межевании владельческих земель в Кишиневе. Архитектор «Азмидов (Михаил Озмидов – прим. авт.) не мог сей должности по множеству требований, быв при том занят строением казенных или публичных зданий в Кишиневе, где показал он столько усердия, сколько незнания своего дела» [255, с. 233].

Нелестные отзывы об Озмидове оставил и один из известных русских мемуаристов Филипп Вигель. В работе «Замечания на нынешнее состояние Бессарабии» [13] (1892) он выделяет отдельные положительные черты генерал-майора Ивана Гартинга, который в Бессарабском крае, «имея весьма мало к тому средств, успел однако навести некоторый порядок в судах, учредить карантин, полиции, госпиталь, острог, сделать нечто похожее на правление» [13, с. 4]. Вот как, по мнению этого автора, выглядел город: «неправильные линии улиц с нечистотами, пять или шесть каменных двухэтажных дома, доказывающие варварским вкусом своим невежество строившего их архитектора; в иных местах показывались церкви, недавно построенные, длинные, узкие, с высокими остроконечными крышами имеющие вид каменных ящиков» [13, с. 26]. Ф. Вигель называет главного городского архитектора М. Озмидова «злодеем» [13, с. 27], а также осмеивает здания в Кишиневе,

которые отличались, на его взгляд, непрочностью и безвкусицей. Вигель считает, что Кишинев мог бы стать соперником Одессы, если бы сумел отказаться от местных зодчих, а также «призвать из Петербурга искусных архитекторов, приступить к строению казенных зданий, составить новую комиссию, начертить строгие правила для партикулярных зданий строений и наблюдать за выполнением их» [13, с. 28].

В работе «Бессарабия. Историческое описание» (1892) [5, с. 28] автор Помпей Батюшков дает высокую оценку деятельности митрополита Гавриила Бэнулеску Бодони, который с 1817 г. начал переписку относительно необходимости строительства Кишиневского Кафедрального собора и других епархиальных зданий. Он рассказывает историю дома наместника Бессарабской области Ивана Никитовича Инзова и строительства храмов в г. Аккермане, в том числе, церкви Святой Богородицы, сооруженной в 1831 г. Именно этот автор сообщает, что городской сад был разбит в 20-х гг. XIX в, еще до распланировки новой части города, при губернаторе Бахметеве, «городским архитектором Богданом Эйтнером» [5, с. 80].

В серии «Живописная Россия – Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» [39] вице-председатель Императорского географического общества Петр Семенов в 1898 г. подготовил ценное и уникальное издание по истории Малороссии и Новороссии, в том числе по Бессарабской губернии. В одном из очерков автор С. Давидович описывает г. Кишинев, как крупный административный центр, расположенный в центре Бессарабии. Он отмечает Инзову гору, на которой находился дом губернатора Инзова, хорошо известный как место проживания великого русского поэта А. С. Пушкина в 1820–1823 гг. Некоторые сооружения на центральных улицах Кишинева были построены с роскошью и хорошим вкусом. Он называет Александровскую, Николаевскую, Семинарскую, Губернскую улицы, которые окружали Соборную площадь. Об этой площади, имевшей в окружности до полутора версты, обсаженной белыми акациями в несколько рядов, автор отзывается как о лучшей в городе. Отдельно он отмечает возвышающийся в ее центре величественный городской собор, выполненный, по его мнению, в итальянском стиле [36, с. 160]. Также автор описывает город Аккерман, который вплоть до 1832 г. имел статус крепости [36, с. 164]. В Бендерах он упоминает лишь главную достопримечательность города – крепость, где в 1709 г. был расположен лагерь шведского короля Карла XII. Еще одну пограничную твердыню по Днестру автор отмечает в уездном городе Хотин.

В другой статье, посвященной воссоединенной Бессарабии [35, с. 164], С. Давидович пишет о важнейших болгарских колониях Болграде и Вулканештах, отмечая архитек-

турные памятники этих городов, построенные в первой половине XIX в. В частности, упомянуты Болградский собор и городской сад, памятники Кагульской битвы и полководцу Семену Румянцеву в Вулканештах (Вулкэнешть). Следует отметить, что С. Давидович не называет архитекторов, при чьем участии строились указанные города.

В статье «Город Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина» Иван Халиппа публикует проект разделения Кишинева на пять частей. План был представлен областным архитектором Озмидовым бессарабскому гражданскому губернатору Константину Катакази 25 июня 1823 г. В работе подготовлено описание проекта с указанием некоторых улиц и находящихся на них домов обывателей, а также госпиталя, церкви, фонтана и кладбища. В примечании указано: «к плану старого Кишинева времен жизни в нем Пушкина» [264, с. 102] (П.1.1.). Кварталы старого города, имевшие нерегулярную форму, отмечены на нем красными неровными линиями. Поверх них нанесены черными линиями прямолинейные кварталы, спроектированные в 1818 г. полномочным заместителем Бессарабской области Алексеем Николаевичем Бахметевым. Следует подчеркнуть, что указанный проект имел значение только для новой части поселения – так называемого верхнего города. Что касается старого города, то он не обрел своего облика вплоть до 1834 г., когда уже упоминавшийся в работах других авторов бессарабский губернатор генерал Павел Федоров расширил план города и представил его на Высочайшее утверждение. Автор приводит названия улиц с указанием конкретных построек. Так, к примеру, на плане П. Федорова обозначены Кафедральный собор и колокольня, кишиневские заставы, дома, церкви, дом титулярного советника Тодора Крупенского. В работе указано, что в годы пребывания в Кишиневе А. Пушкина в доме Крупенского находились театр и присутственные места [264, с. 113]. Халиппа предоставляет, помимо прочего, описания следующих различных частных построек: дома штабс-капитана Ивана Друганова (Кешко), большого каменного дома с флигелем Егора Варфоломея [264, с. 114], дома коллежского асессора Замфиракия Ралли, дома статского советника Матвея Крупенского, армянского архиепископа Григория, коллежского советника Ивана Дическула, здания митрополии, дома действительного статского советника Варлаама, а также дома губернского землемера Богдана Эйтнера. Кроме того, в статье приводятся сведения о госпитале, боюканском ручье, почтовой конторе, публичном саде, заложенном А. Бахметевым [264, с. 118-119]. В работе также приведены данные из биографии Озмидова [264, с. 97]. Что касается Бессарабии, Халиппа сообщает краткую информацию о состоянии всех церквей в 1812–1813 гг. [266, с. 231-296].

Литератор Павел Крушеван в изданной в 1903 г. работе «Бессарабия» [51], как и некоторые вышеназванные авторы, представляет географические, исторические, статистические, экономические, этнографические и литературные справочные сведения о Кишиневе в н. XIX в. По его наблюдению, построенные многими местными боярами дома отличались новой архитектурой лишь частично. В основном же они были выполнены, по оценке Крушевана, в азиатском вкусе – «небольшие, посреди обширных дворов, обнесенных высоким каменным забором из местного известняка» [51, с. 207]. Рядом были беспорядочно построенные небольшие грязные домишки остальных жителей. Среди достопримечательностей названы Рождественский Собор, бульвар, на котором он был сооружен и городской сад – «одно из лучших украшений города» [51, с. 209]. Имена архитекторов в работе не указаны.

Князь Сергей Урусов, бессарабский губернатор в 1903–1904 гг., в своей работе «Записки губернатора» [269]. (1907) сравнивает две фотографии кафедральных соборов в Кишиневе и Болграде. Кишиневский кафедральный собор, указывает автор, строился в 1830–1836 гг., а Болградский – в 1833–1838 гг. Урусов называет храмы близнецами-братьями, возведенными по проекту одного архитектора – Авраама Мельникова. Различия же, отмечает он, незначительны: расположение окон на барабане, глубина порталов и малые колокольни [269, с. 148].

В «Трудах Бессарабского церковного историко-археологического общества» [263] под редакцией преподавателя Кишиневской духовной семинарии Василия Курдиновского (1910) имеется план расположения в Кишиневе зданий митрополии, семинарии, соборной церкви и казенных построек, которые должны находиться в Александровской части города [263, с. 10] по улицам: Губернской, Семинарской, Московской и плац-парадной площади. (П.1.2). План датирован 7 января 1814 г. и подписан инженером, генерал-майором Гартингом и Бессарабским губернским землемером и архитектором Михаилом Озмидовым.

В монографии «История Кишиневской Духовной семинарии» [58] (1913) преподаватель Павел Лотоцкий подробно повествует обо всех этапах истории Бессарабской епархии, митрополии и духовной семинарии. Также автор представляет формуляр архитектора, архимандрита Иоанникия, разработавшего планы митрополии и духовной семинарии [58, с. 173].

Этой же теме еще один преподаватель Кишиневской Духовной семинарии, Иосиф Пархомович, посвятил монографию «Духовно-учебные заведения Кишиневской епархии. Краткий очерк к столетию ее. 1813–1913 гг.» [201] (1913). В указанной работе подчеркивается, что духовная семинария «должна иметь вид привлекательный и делающий честь

попечению Российского правительства о просвещении» [201, с. 10]. В «Юбилейном сборнике Кишинева 1812–1912 г.» [279] (1914) на основании отмеченного ранее описания Бессарабской области, составленного Павлом Свиньиным в 1816 г., представлена история возникновения Кишинева. Как и у Свиньинова, речь идет о совмещавшем должности землемера и архитектора М. Озмидове, который вместе с И. Гартингом в 1813 г. составил план города. Озмидову высказаны привычные упреки относительно отсутствия четкой планировки улиц, что стало, как полагают авторы, причиной дальнейшей беспорядочной застройки [279, с. 66]. Новые попытки составления плана Кишинева были сделаны в 1817 г., а затем в 1823 г. В конце 20-х гг. XIX в. бессарабскому землемеру Эйтнеру поручили произвести как можно точную съемку города на план. Работы были завершены в 1829 г., о чем Эйтнер сделал доклад в Строительном комитете.

В сборнике содержатся также воспоминания польского писателя и историка Иосифа Крашевского, посетившего Кишинева в 1843 г., и немецкого путешественника Иоганна-Георга Коля. Последний весьма критически оценивает застройку Кишиневского католического костела [279, с. 56], но архитектуру лютеранской кирхи считает «сносной» [279, с. 57]. Отмечается также занимавшее в первой половине XIX в. важное место среди жилых и гражданских построек здание духовной семинарии, первого учебного заведения Бессарабии. Оно было открыто сразу после 1812 г., по инициативе митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони. В 1813 г. ему удалось получить от казны деньги для начала строительства корпуса семинарии. Каменное двухэтажное здание с мезонином, обращенное фасадом на центральную улицу, было построено за городом, рядом с усадьбой митрополита [279, с. 126]. Относительно казенных построек в сборнике приводятся сведения о здании почты (1842), нового тюремного замка (1843) на Сенной площади, спроектированного якобы одесским архитектором Фрапполи и построенного окончательно в 1855–1856 гг. [279, с. 57]. Представлены также данные об открытии ланкастерских школ – в 1823 г., областной гимназии – в 1833 г., первой типографии – в 1843 г., первой публичной библиотеки – в 1832 г., а также о строительстве городского фонтана, о мостовых, о мощении улиц и т. д.

1.1.2. Историография межвоенного периода (1918 – 1940-е гг.)

Следующим периодом историографии является межвоенный (1918–1940). Под редакцией преподавателя Кишиневской духовной семинарии Василия Курдиновского, в 1918 г. был издан очередной выпуск, посвященный древнейшим типичным церквям Бессарабии из серии «Труды Бессарабского Церковного Историко-археологического общества» [53]. В 1-й части альбома-сборника авторы описывают скальные монастырские храмы, церкви,

переделанные из бывших мусульманских мечетей, а также базиликообразные, углубленные в землю каменные храмы на территории Бессарабии, включая древнюю Успенскую церковь в м. Новые Каушаны (Кэушений Ной), Николаевскую церковь в г. Килия и Армянскую в г. Аккерман. Кроме исторических очерков с описанием построек, данный сборник содержит редкие фотографии и некоторые планы архитектурных памятников.

Представляют интерес материалы, подготовленные историком Штефаном Чобану. В статье «Старые церкви Бессарабии» автор сообщает, что в 1812–1813 гг. в Бессарабской области насчитывалось 775 церквей, из которых, 40 были сооружены из камня, 1 – из кирпича, остальные были деревянными. К 1922 г., включая основанные до 1812 г., уже было 104 церкви. А именно: в «Бэлць – 16, Кахул – 8, Четатя-Албэ – 2, Кишинэу – 18, Хотин – 18, Измаил – 4, Орхей – 21, Сорока – 10. Тигина – 7 [298, с. 2]. Шт. Чобану подробно описывает разные типы бессарабских церквей, а также анализирует надгробия, в том числе Рышкановской и Ильинской церквей города Кишинева.

Другой автор, Петре КонстантINESКУ-Яшь, в статье «Георгиевская церковь г. Кишинева» (1928) представляет подробную историю этого сооружения, а также приводит анализ «молдавского стиля», проводя параллели с архитектурой церквей в некоторых городах Румынии [300, с. 60-80]. В статье «Самые старые дома в Кишиневе» [301, с. 20-45] (1931) описывается строительство традиционного молдавского жилища, сравниваемого его с аналогичными румынскими постройками. Это дома Загородного, Стоянова, Минку, Пэтрэжану, Параванова и др. Автор представляет фотографии и планы зданий, но имена архитекторов не называет.

Штефан Берекет в статье «Пять старых церквей Кишинева» [289] освещает историю следующих кишиневских церквей: Рышкановской, Благовещенской, Ильинской, Вознесенской и Мазаракиевской. Основываясь на «Трудах Бессарабской губернской ученой и архивной комиссии», опубликованных в 1907 г. И. Халиппой, Шт. Берекет предоставляет архитектурное описание вышеуказанных церквей, некоторые фотографии, а также сообщает о внутреннем убранстве храмов и расшифровывает надписи ряда старых захоронений.

В монографии «Bessarabia» [316] американский автор Чарльз Кларк (Charles Clark) отмечает только военного и гражданского губернатора Бессарабии генерала Гартинга. Методы его правления с 1813 г. по 1816 г. автор считает не совсем успешными, приводя в доказательство, протест местных жителей.

1.1.3. Историография советского периода (1945 – 1991-е гг.)

Одной из характеристик советского периода являются многочисленные исследования о зодчестве, включая архитектурно-планировочное развитие Кишинева.

В Бюллетене «Задачи архитекторов Молдавской ССР в 4-й Сталинской пятилетке» [12] представлена программа по сохранению архитектурного наследия, применению классических ордерных решений в сооружении монументальных зданий и поиску новых образцов для создания народной молдавской архитектуры. Так, архитектор Виктор Смирнов отмечает влияние русского классицизма на формирование облика бессарабских городов, в которых нашли свое отражение черты большинства южных русских городов [12, с. 1].

В кратком очерке «Исторические и памятные места города Кишинева» [268] (1957) исследователи В. Ульянов и И. Пилат представляют историю города после присоединения Бессарабии к Российской империи. С 1833 г. здесь открываются первая мужская гимназия, библиотека, больницы и др. Авторы очерка кратко описывают историю первого городского парка, Благовещенской, Мазаракиевской церквей и домов Варфоломея, Кацики, Крупенского, Кафедрального собора, колокольни, арки в Кишиневе, памятники Семену Воронцову вблизи Вулканешт и Григорию Потемкину-Таврическому недалеко от г. Унгены (Унгень), а также Бендерскую и Сорокскую крепости. Из зодчих они называют А. Боффо – впрочем, ошибочно указав его российское происхождение и инициалы [268, с. 158], и подобно многим другим исследователям, отмечают А. Мельникова как автора проекта Кафедрального собора [268, с. 166]. Архитектору Заушкевичу, кроме строительства арки, было неверно приписано проектирование колокольни [268, с. 167].

В статье «Некоторые архитектурные памятники Молдавии XIX века» [278] (1958) искусствовед Иосиф Эльтман, используя архивные материалы и собственные наблюдения, опираясь на исследования ведущих архитекторов, обращается к истории бессарабского зодчества как одной из малоизученных тем материальной культуры и искусства. Он отмечает сооруженные в 40-х гг. XIX в. по проектам Мельникова ансамбли центров городов Кишинева, Болграда, Измаила [278, с. 43]. Отдельно в работе рассматриваются Кишиневский кафедральный собор с колокольней и Триумфальными воротами – как замечательный памятник русского классицизма, отмечается его значение как памятника [278, с. 43].

Архитектор Н. Я. Лейбошиц в статье «Материалы к творческой биографии А. Мельникова» [56] (1959) также обращается к созданным этим зодчим проектам Кафедрального собора и колокольни в Кишиневе, подчеркивая удачное расположение этих памятников архитектуры. В частности, он пишет: «Оба сооружения не стеснены окружаю-

щей застройкой и воспринимаются с далеких точек» [56, с. 132]. Н. Лейбошиц также отмечает неоценимый вклад Мельникова в развитие архитектуры русского классицизма и его плодотворную деятельность в Строительном Комитете России. При этом, указывает автор, если в ранних работах зодчий оставался верен дорическому ордеру, то в более поздних проектах – таких, как Никольская церковь в Петербурге или Кишиневский кафедральный собор – он демонстрировал особое мастерство. По его мнению, эти памятники «являются наиболее яркими примерами творческого освоения Мельниковым античного наследия. Зрелые произведения зодчего характеризуются простотой и цельностью объемного построения, подчеркнутой сдержанностью декоративной обработки, тонким чувством пропорций» [56, с. 134].

Исследователь Борис Мовчан в статье «Памятники русской архитектуры в Измаильской области» [82] (1959) приходит к выводу, что А. Мельников, помимо прочего, является автором «образцовых» домов в г. Измаиле. Несмотря на отсутствие документальных данных, свидетельствующих в пользу этого утверждения, Б. Мовчан в качестве доказательства ссылается на архитектурные особенности одноэтажной «образцовой» застройки в тосканском ордере. Он отмечает, что «своеобразные детали ордера, повторяющиеся в порталах колокольни Кишиневского собора, построенного А. И. Мельниковым, дают основание, несмотря на отсутствие документальных данных предполагать, что автором «образцовых» домов также является этот зодчий» [82, с. 203-204]. Автор приводит аргументы в пользу того, что Мельников являлся и автором Преображенского собора, сооруженного в 1833–1838 гг. в Болграде. Среди них, в первую очередь, – схожесть с Исаакиевским собором в Санкт-Петербурге. «Так, из всех проектов Исаакиевского собора только в вариантах Мельникова мы находим такую же обработку оконных проемов основного четверика, а в бывшей Никольской церкви (нынешнем музее Арктики) в Ленинграде, построенной Мельниковым, можно видеть ту же схему плана, включая расположение лестниц на звоннице, и тот же характер пропорций» [82, с. 206].

В монографии «Памятники Молдавской архитектуры XIV–XIX вв.» [248] (1960) авторы Кир Роднин и Иосиф Понятовский выявляют основные этапы развития молдавского зодчества на протяжении пяти с лишним столетий, отмечая проявление его своеобразного характера. Особое место в развитии архитектуры Бессарабии в первой половине XIX в. принадлежит культовым сооружениям, в которых наряду с влиянием русского зодчества проявлялись национальные черты. Так, эти исследователи выделяют католический костел, с одной стороны, выдержанный в строгих чертах классицизма, с другой – отличающийся декором окон и дверей в стиле барокко с характерными линиями этого направле-

ния, наличием растительного орнамента [248, с.43]. Также авторы представляют Памятник Кагульской битве, сообщая, что он был выполнен в виде мощной дорической колонны по проекту архитектора Боффо в 1844–1849 г. и сооружен на месте сражения недалеко от Вулканешт.

Е. Белецкая, Н. Крашенникова, Л. Чернозубова и И. Эрн в монографии «"Образцовые" проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв.» [6] (1961) отмечают, что в начале XIX в. с использованием типовых проектов открылись дополнительные возможности в градостроительстве. Это способствовало как ускорению самого процесса строительства с соблюдением санитарных и технических норм того времени, так и созданию предпосылок для формирования гармоничного внешнего вида городов [6, с. 200]. Широкое применение образцовых проектов придало новый импульс развитию градостроительства и архитектуры, а также позволило в сжатые сроки застраивать города жилыми домами, культовыми и общественными зданиями в широких масштабах.

Исследователь Виктор Жуков в работе «Города Бессарабии (1812–1871 гг.)» [40] (1962) представляет обзор документальных материалов, хранящихся в ряде фондов ЦГА МССР (Национальный архив Республики Молдова – прим. авт.). Несмотря на то, что основной акцент автор делает на исследовании проблемы развития капиталистических отношений в Бессарабии в первой половине XIX в., в обзоре имеются сведения, связанные с устройством Кишиневского городского сада, историей первых ярмарок, строительством бессарабских городов и крупными подрядами на сооружение, поставку стройматериалов в Бессарабии в указанный период. В другой своей работе, «Города Бессарабии 1812–1861 годов» (1964) [41], этот автор рассматривает социально-экономическое развитие бессарабских городов в период до реформы 1861 г. В. Жуков выделяет некоторые дома состоятельных владельцев, которые отличались изяществом в архитектуре на фоне большинства построек в бессарабских городах.

Искусствоведы Григорий Педаш и Иосиф Эльтман в монографии «Градостроительство Молдавии» [202] (1968) отмечают, что застройка городов Бессарабии осуществлялась, в основном, по планам, составленным на основе топографической съемки, осуществленной, в частности, в 1845 г. в г. Кагул, в 1846 г. – в г. Сороки. Авторы дают описание Кафедрального собора, воздвигнутого по проекту А. И. Мельникова, и весьма подробно рассказывают о деятельности архитектора А. И. Бернардацци.

Архитектор Роберт Курц в работе «Алексей Викторович Щусев» [54] (1973) посвященной жизни и деятельности знаменитого зодчего, описывает Кишинев, который в середине XIX в. состоял из верхней и нижней частей. Причем, верхняя часть отличалась

правильной планировкой, с относительно широкими и прямыми улицами, на которых располагались каменные дома с черепичными крышами. Многие из них – «оригинальной конструкции, с верандами и ограждениями, наружными лестницами и ставнями и широкими стрехами» [54, с. 5].

Анализ формирования архитектурного облика бессарабской столицы дает, основываясь на собственном профессиональном опыте, в монографии «Градостроительство Молдавии XIX–XX вв.» [258] (1975) архитектор Виктор Смирнов. Он отмечает, что архитектурно-планировочные мероприятия начали проводиться в Кишиневе после составления топографической съемки в 1813 г. землемером Озмидовым и инженером Гартингом, затем новую съемку в 1829–1830 гг. выполнили землемер Эйтнер и архитектор Глейнин (правильно Глейниг – прим. авт.). В этой же работе В. Смирнов попытался на основании топографической съемки 1813–1829 гг. воссоздать Кишинев конца XVIII в. Смирнов также пишет о городах Тирасполь, Оргеев, Кагул, Бельцы, отмечая для бессарабских городов начала XIX в. прогрессивность русских градостроительных приемов [258, с. 30].

Художественным памятникам, относящимся к разным историческим периодам в развитии архитектуры молдавского края, посвящает свою монографию Давид Гоberman «По Молдавии» [30] (1975). В статье «Кишинев» он представляет построенную после присоединения Бессарабии к России по инициативе болгар Георгиевскую церковь. Для данного памятника характерны трехчастное деление плана и наличие колокольни [30, с. 26]. Во внешнем облике церкви ощущаются простота и монументальность, традиционные для классицизма.

В монографии Кирилла Афанасьева «А. В. Щусев» [4] (1978), посвященной творчеству одного из самых талантливых зодчих XX в., автор дает также и описание Кишинева первой половины XIX в. Он отмечает правильную прямоугольную сетку улиц с одноэтажной застройкой, напоминавшей сельские дома. В то же время порядок и организованность центру города, как подчеркивает Афанасьев, придавали прямая главная улица и четкие архитектурные ансамбли [4, с. 7].

Об архитекторе, авторе Кишиневского кафедрального собора и колокольни подробно рассказывает Михаил Тубли в своей монографии «Авраам Мельников» [267] (1980). Творчество мастера было неразрывно связано с классицизмом, одним из самых ярких периодов русской архитектуры, видным представителем которого он являлся. Именно ему, «ученику А. Д. Захарова, выпала важная историческая миссия – быть завершителем классической школы в русском зодчестве» [267, с. 128]. А. Мельников – автор таких известных памятников, как Никольская единоверческая церковь в Санкт-Петербурге,

Успенская церковь кремля в Нижнем Новгороде, собор в Казани и др.

В сборнике Георгия Ременко «Внимание – памятник!» [247] (1980) представлено описание историко-культурного наследия Молдавии. Рассказывая об истории Кишиневского городского парка, автор упоминает инженера Богдана Эйтнера [247, с. 10], который в 1818 г. посадил там декоративные деревья, разбил первые цветочные клумбы. В этой же работе встречается краткое описание здания бывшей Духовной семинарии, построенной, как отмечалось выше, по указанию местного митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони. При этом автор приводит неверную дату строительства Кафедрального собора – 1876 г. (вместо 1836 г. – прим. авт.). Г. Ременко называет имя создателя арки «как символа победы России над Оттоманской Портой» – И. Заушкевич, повторив ошибку некоторых авторов и написав неверно инициал зодчего, но при этом дату создания памятника указывает верно. Также ошибочно приведен инициал имени автора памятника Кагульской битвы А. Боффо (Ф. Боффо – прим. авт.) [247, с.137].

Искусствовед Наталья Юрченко в одной из первых своих научных статей «О формировании архитектурного облика г. Кишинева в первой трети XIX ст.» [283] (1981) уделяет внимание истории строительства здания Митрополии и единственного в то время бессарабского учебного заведения – Духовной семинарии. Автором проекта, по ее словам, являлся «Иеромонах Иоаннский» (архитектор Иоанникий – прим. автора). Иоанникий в 1817 г. «не только спроектировал, но и сам вычертил план, фасады и разрезы задуманного сооружения» [283, с. 77]. В этой же статье Н. Юрченко исследует дальнейшее развитие классической архитектуры Кишинева после утверждения в 1834 г. первого генерального плана города. В том числе упоминаются строительство здания евангелической церкви и тюремного замка по проекту одесского архитектора Г. Торичелли и др.

В другой статье, «Облик Кишинева пушкинской поры», опубликованной в литературно-художественном и общественно-политическом журнале Союза писателей Молдавии «Кодры» [284] (1984), Н. Юрченко останавливается на облике Кишинева пушкинской поры. Цитируя известного российского мемуариста Ф. Вигеля, исследования которого также представлены в данной работе, автор называет первого бессарабского землемера и архитектора, являвшегося автором плана Кишинева 1817 г., – Озмидова, петербургского архитектора А. Мельникова, по проекту которого были сооружены в Кишиневе кафедральный собор и колокольня, а также И. Заушкевича (неверно указан инициал Л. Заушкевича – прим. авт.), спроектировавшего Святые врата [284, с. 144]. В дальнейшем будут представлены также более поздние работы Н. Юрченко.

Отдельно следует остановиться на некоторых работах украинских и российских авторов. В архитектурно-историческом сборнике «Одесса» (1982) архитектор Владимир Тимофеенко [261] рассматривает основные этапы застройки Одессы, представив главные архитектурные памятники. Именно здесь размещалась канцелярия Новороссийского и Бессарабского губернатора Михаила Воронцова. Но нас особенно интересует вопрос, связанный с застройкой Одессы такими выдающимися архитекторами и инженерами, как Е. Ферстер, Ф. Боффо, Г. Торичелли и другими, работавшими и в Бессарабии. В начале XIX в. Одесский строительный комитет руководил застройкой города, подобно тому, как Кишиневский и Измаильский строительные комитеты занимались такими же проблемами в Бессарабской области. Первые здания Одессы строились в стиле классицизма, их главными чертами были рационализм и отсутствие пышного декора. «Многонациональный состав населения привел к тому, что в архитектуре культовых зданий отразились византийско-греческое и молдавское влияние» [261, с. 34].

Монография из серии «Памятники искусства Советского Союза», посвященная произведениям архитектуры Украины и Молдавии XI–XX вв. и изданная в 1982 г. в качестве справочника-путеводителя [57], включает краткий очерк истории украинского и молдавского зодчества, а также описание ценнейших архитектурных памятников с приложений их фотографий. Важно, что автор текста – архитектор Г. Н. Логвин отмечает, что «став господствующим, классицизм в строительстве храмов получил местную молдавскую интерпретацию, которая нашла отражение в использовании в фасадах излюбленных аркад..., в приверженности местных архитекторов к трехконховым типам планов храмов и к национальной трактовке, орнаментального декора и резьбы капителей» [57, с. 43]. Но в то же время автор предполагает, что по проектам архитектора А. Мельникова были возведены многие здания в Кишиневе. Он указывает, кроме Кафедрального собора, еще и на жилой дом, построенный в стиле классицизма в 1830-е гг. XIX в., вероятно, этим же архитектором [57, с. 433].

О «благодетельном влиянии», которое оказало на процесс развития национальной архитектуры Бессарабии присоединение к России, пишет также в монографии «Памятники архитектуры Молдавии XIV–XX вв.» (1986) архитектор Ярослав Тарас [259, с. 13]. Описывая архитектуру Кишинева, автор подчеркивает, что Кафедральный собор с колокольней и арка стали логическим завершением архитектурно-пространственной организации главной площади города – Соборной [259, с.14]. Я. Тарас выделяет одесского архитектора Ф. Фрапполи [259, с. 96], который составлял смету для строительства Кишиневского кафедрального собора, а также кишиневского архитектора И. Гаскета, представив-

шего план соборной площади в 1835 г. [259, с. 98]. Автор отмечает, что проект памятника Кагульской битве «был разработан известным одесским архитектором Ф.К. Боффо, а его возведение осуществлялось под руководством архитектора Фан дер Шкруфа» [259, с. 172]. Обращается Тарас и к теме городских парков, выделяя заложенный в столице в 1818 г. первый городской парк, или публичный городской сад, спроектированный архитектором Б. Эйтнером [259, с. 17]. Он отмечает, что в 1821 г. областному архитектору Озмидову поручается исправить и расширить улицы в старом городе Кишиневе, а в 1823 г. им был составлен второй план г. Кишинева [259, с.191, 193]. В Бельцах была построена Николаевская церковь, которую проектировал австрийский архитектор Вейсман [259, с. 85]. По мнению исследователя, это памятник классицизма, в котором сохранились черты молдавского народного зодчества.

В монографии «История молдавской архитектуры» [10] Василий Боровский (1987) обращается к имеющемуся к этому времени историческому опыту градостроительного искусства России. В указанный период Кишинев представлял собой типичный образец небольшого провинциального города, ставший центром Бессарабского края. Автор пишет о первом плане Кишинева, в составлении которого принимали участие областной землемер М. Озмидов и инженер И. Гартинг [10, с. 7]. При этом, по данным В. Боровского, именно И. М. Гартингу первому пришла мысль о строительстве нового города на незастроенном ранее участке со спокойным рельефом [10, с. 7]. Остановившись на проектировании бессарабских городов, исследователь демонстрирует в приложении некоторые градостроительные документы.

В. Боровский перечисляет землемеров и градостроителей, которые были причастны к составлению планов и проектированию бессарабских городов. Так, он отмечает, что в 1831 г. инженер-полковник П. Алексеев создал проект г. Килия Аккерманского уезда [10, с. 13], а в 1839 г. землемером К. А. Поморцевым был составлен первый план г. Бельцы, утвержденный в 1846 г. [10, с. 15]. Автором радиальной планировки г. Аккермана в 1842 г. В. Боровский считает областного землемера М. И. Эйтнера [10, с.14], при этом неверно указывая его инициалы (Б. Я. Эйтнер – прим. авт.). Исследователь также отмечает, что план г. Кагула был составлен уездным землемером Степаном Микулиным в 1845 г., которому «удалось довольно-таки удачно вписать прямоугольную сетку жилых кварталов в сложный участок местности» [10, с. 12]. Планировка г. Сороки была разработана в 1846 г. землемером И. Скавронским (Владислав Скавронский – прим. авт.), пытавшимся «максимально сохранить существующие жилые здания, подчинив им размеры и конфигурацию проектируемых кварталов» [10, с. 13]. Таким образом, у истоков работы по составлению и

проектированию бессарабских городов стояли русские архитекторы и землемеры, отмечает Боровский. Среди культовых сооружений исследователь отмечает не раз упоминаемые и другими авторами Кафедральный собор в Кишиневе, воздвигнутый по проекту профессора архитектуры Императорской Академии художеств А. Мельникова, в соответствии со сметой, составленной одесским архитектором Фраполли [10, с. 20], Николаевскую церковь в Бельцах, построенную по проекту австрийского архитектора Вейсмана [10, с. 22]. В данной работе также упоминается здание Римско-католической церкви, возведенной в Кишиневе 1840 г., согласно проекту архитектора Шарлеманя. Здание представляло собой прямоугольное в плане, трехнефное сооружение на главном фасаде и обращенное на центральную Московскую улицу. В это же время, отмечает В. Боровский, архитектор Василий Морган составляет проект на строительство церкви в предместье г. Аккермана: «архитектура данной церкви чем-то отдаленно напоминает архитектуру именно Кафедрального собора в Кишиневе» [10, с. 22]. Что касается строительства учебных заведений, В. Боровский описывает «неосуществленный проект архитектора А. Шашина (1842 г.)» [10, с. 7] с четкой функциональной планировкой, характерной для того времени. Оценивая многократное применение одних и тех же проектов в строительстве, автор отмечает проект тюремных острогов в 1829 г. городского архитектора И. Гаскет [10, с. 23], по которому в 30-х гг. XIX в. в ряде городов (Бельцы, Хотин, Бендеры) сооружались тюрьмы. В. Боровский указывает, что в середине XIX в. здание присутственных мест в г. Аккермане было построено архитектором Голиковым [10, с. 24].

Другие авторы, А. Колотовкин, С. Шойхет и И. Эльтман, в монографии «Архитектура Советской Молдавии» [50] (1987) рассказывают о становлении и развитии молдавской архитектуры. Как и в предыдущих исследованиях, они приводят в качестве наиболее показательного примера классицизма первой половины XIX в. ансамбль Кишиневского кафедрального собора.

Фундаментальный труд «Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона» [257] (1987), подготовленный Академией наук Молдавской ССР, являет собой макет с достаточно подробным описанием ряда важных памятников севера Молдавии. Среди них – памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, а также некоторые произведения монументального искусства. Такие авторы, как Я. Тарас, С. Апостол, Е. Бызгу, Д. Макарь, О. Руденко, И. Киртоагэ, Н. Демченко и другие, проведя натурные исследования, представляют статьи с описанием и анализом градостроительных и архитектурных памятников северной зоны Молдавии, к которым относятся исторические центры, кварталы, мосты, набережные, площади, улицы; сооружения гражданской,

промышленной, военной и культовой архитектуры, народного творчества, а также произведения изобразительного, монументального, декоративного и садово-паркового искусства. Недостаток данной работы – отсутствие проектной документации, а также более полной информации об использованных источниках. Монография «Памятники истории и культуры Молдавии (виды и типы)» [257] (1888) – издание Академии наук Молдавии под руководством ответственного редактора Валентина Меднека. Авторы С. Апостол, И. Киртоагэ, Д. Макаръ, О. Руденко, О. Сластикина и другие предлагают классификацию недвижимых памятников истории и культуры. В частности, представлены 9 видов памятников градостроительства и архитектуры, а именно: градостроительного искусства, жилой, гражданской, культовой архитектуры, военно-оборонного зодчества, промышленной архитектуры и инженерного искусства, садово-паркового и ландшафтного искусства, архитектуры монументов и малых архитектурных форм [200, с. 98].

Наталья Юрченко в статье (1989), посвященной основным этапам развития архитектуры Бессарабии XIX в., ошибочно полагает, что во второй половине XIX в. в этой области работали «иностранные зодчие, точнее – зодчие иностранного (чаще лютеранского) вероисповедания» [286, с. 57], среди которых она называет зодчих первой половины XIX в. Г. И Торичелли, О. И. Гаскета, но в то же время правильно акцентирует на проблеме, связанной с недостаточным исследованием данной темы.

1.1.4. Историография современного периода (1991 г. – XXI в.)

В период независимости Республики Молдовы появилась возможность проведения исследований, нацеленных на глубокое изучение архитектуры вне привязки к марксистско-ленинской идеологии. В монографии архитектора Аршавира Тораманяна «Из истории строительной деятельности армян в Молдавии» [262] (1991), содержащей сведения о жизни и истории армянской колонии в Молдавии, Аршавир Тораманян приводит также краткий исторический очерк об архитектурной деятельности армян. Изучив исследования предшественников, автор монографии описывает Староармянскую церковь в Кишиневе в период 1803–1804 гг. с последующими реконструкциями. Так, 1803 г. «были возведены придел, колокольня, контрфорсы западной стены и сделаны перекрытия» [262, с. 78]. В 1804 г. во время новой реконструкции строительными работами руководил мастер Вардан из Ясс. К этому времени А. Тораманян относит строительство притвора и контрфорса северной стороны церкви, выделяя архитектурные особенности армянской церкви, которые позволили восстановить ее внешний облик начала XIX в. и подчеркнуть сохранившиеся ярко выраженные черты молдавского зодчества XVII–XVIII вв.

В монографии «Monumente de istorie și cultură din Republica Moldova» [303] (1993) архитектор Т. Нестерова подробно описывает 9 типов архитектурных памятников, приводя примеры их сооружения. В основе данного труда – ранее изданная (1988) монография Академии наук Молдавии с аналогичным названием [200] на русском языке.

Статья искусствоведа Дмитрия Гольцова «Рождественский собор» [32] (1995) открывает в «Педагогическом журнале» новую рубрику, посвященную памятникам истории культуры Молдовы. Этот автор отмечает, что архитектор А. Мельников уделил внимание «планировке (включая парковую зону) и цокольной части храма, чтобы не только придать дополнительную прочность фундаменту и зданию в целом, но и точно зафиксировать уровень его посадки. (Кстати, сооружение пережило впоследствии все землетрясения и попадание тяжелого снаряда)» [32, с. 117].

Руководство по памятникам и историческим местам Республики Молдова, изданное в 1995 г. под эгидой Международной Комиссии Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) [311] представляет описание и фотографии некоторых наиболее важных памятников XVIII–XIX вв. из коллекции культурного наследия Молдовы. Авторы Тудор Ставилэ и Константин Чобану знакомят нас с историей строительства церквей в с. Ворничень, г. Бэлць, Кишинэу, монастырях Каприянэ, Сахарна, Хыржаука, Куркъ и др.

Монография инженера Исаака Бубиса «Зодчие Бернардацци» [11] (1997) посвящена замечательной династии зодчих из Швейцарии итальянского происхождения. Второе поколение архитекторов Бернардацци представлял сын Джузеппе (Иосифа) – Александр, получивший во второй половине 50-х гг. XIX в. назначение в Бессарабскую областную строительную и дорожную комиссию на должность помощника архитектора [11, с.27]. И. Бубис пишет о том, что после утверждения генерального плана Кишинева в 1834 г. главное внимание городских и губернских властей было сосредоточено на застройке центра города [11, с. 33]. В то же время при написании данной работы исследователь использует ограниченный список литературы и недостаточно обращается к архивным источникам, что позволяет нам считать указанную монографию научно-популярной.

В статье «Архитектура г. Кишинева до 60-х гг. XIX в. и тенденции решения современных проблем молдавского зодчества» [8] (1997) архитекторы Евгений Богнибов и Петру Думитрашку представляют историю развития г. Кишинева, начиная с XIX столетия и заканчивая анализом некоторых архитектурных памятников – как утраченных, так и сохранившихся до наших дней. Авторы публикуют материал, который позволяет взглянуть на историю архитектуры Кишинева «не как на пассивные хронологические исторические

факты и памятники зодчества, а через призму серьезных архитектурных проблем» [8, с. 4]. Архитекторы поднимают важную проблему сохранения и реставрации кишиневских памятников, а также дают необходимые рекомендации относительно городской исторической среды в области архитектурного проектирования. Следует подчеркнуть, что отдельного внимания этих исследователей заслужила очередная реставрация Рождественского кафедрального собора. Причем, оценки даются весьма критические: «Новый ложный купол, воздвигнутый над зданием собора по проекту Г. Булата и его коллег, предстал как факт уже второго за историю собора непоправимого, вульгарного отношения к проблеме воссоздания его архитектурного облика» [8, с. 16-17]. Архитекторы при этом подчеркивают, что главная цель реставрации памятников должна быть направлена на «максимальное, по возможности, восстановление памятника зодчества и придание ему черт былой архитектурно-художественной значимости» [8, с. 41]. В то же время о реставрации Триумфальной арки Л. Заушкевича Е. Богнибов и П. Думитрашку отзываются положительно: «реставрацию Арки победы поручили одному из самых опытных и грамотных архитекторов в те годы С. Шойхету, который, проделав гигантскую работу, смог возродить для нас каменную жемчужину» [8, с. 19-20]. Также авторы подробно описывают реставрацию бывшей гостиницы «Швейцарская», которая была проведена после 1945 г. под руководством академика архитектуры А. В. Щусева. В заключении авторы делают важные выводы об архитектурном прошлом Кишинева, которое составляет «национальное достояние и бесценную каменную реликвию молдавского народа» [8, с. 42].

Искусствовед Н. Юрченко впервые в 1997 г. в альбоме «Молдова» [282] вводит в научный оборот план города Кишинева 1817 г., разработанную М. Озмидовым, не предоставив никакого разъяснения относительно этого важного для истории молдавского градостроительства.

Архитектор Тамара Нестерова в статье, посвященной строительству лютеранской церкви [304, с. 82], (1997) указывает, что кирха была разрушена в 1960 г. Об архитектуре римско-католической церкви автор более подробно пишет в католическом сборнике «Аналекта» (2005) [305, с. 173-178]. Т. Нестерова отмечает, что кишиневский костел строился под наблюдением городского архитектора Л. Заушкевича. Она называет профессора архитектуры Академии художеств Иосифа И. Шарлеманя одним из авторов проекта костела, разработанного в Санкт-Петербурге, и по которому он был сооружен в 1840–1843 гг. Кишиневе. При этом исследователь не предоставляет никаких подтверждающих документов.

В российском сборнике «Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начало XX века» [45] (1998) авторы представляют творчество разных замечательных архитекторов, уникальные сооружения которых стали основой для создания Санкт-Петербурга, имеющего признанный статус культурно-исторического центра с современными памятниками всемирного значения. Первая глава этой монографии посвящена ведущим архитекторам первой половины XIX в., среди которых называются имена Авраама Мельникова, братьев Шарлеманей, Александра Штауберта, сыгравших определенную роль в развитии архитектуры Бессарабии. Статья об архитекторе Мельникове представлена также искусствоведом Иваном Саблиным, который, описывая и оценивая творчество этого зодчего, подчеркивает, что все его столь разные работы объединены «некой общей идеей (или идеалом)» [252, с. 202] классицизма, очень близкого к античным формам. Благодаря этому, петербургские постройки, как и сооружения на других российских окраинах, неповторимы и достойны восхищения. Автор Виктор Антонов, в статьях этого сборника, рассматривает династию Шарлеманей и более подробно – архитекторов братьев Шарлеманей с их важнейшими творениями, без которых «история Петербургского зодчества не может быть полной» [2, с. 224]. Также он знакомит нас с творчеством так называемого «ведомственного» петербургского зодчего Александра Штауберта, который строил здания в основном для Военного ведомства [3, с. 224]. Хочется подчеркнуть, что искусствовед и архитектор Валерий Исаченко представляет Биографический словарь [47, с. 965-1043] архитекторов и строителей этого города в XIX – начале XX вв., где фигурируют некоторые зодчие, работавшие и в Бессарабии.

Одним из трудов, продолжающих современный период историографии, является работа «Toate drumurile duc la... Putna» [288] М. Андроник и Т. Нестеровой (2001). Исследователи представляют краткую историю архитектурных памятников, сопровождая эту информацию сведениями о времени их создания, стиле сооружений, последующей реконструкции. Т. Нестерова называет имена зодчих, благодаря проектам которых шла застройка Бессарабской области в первой половине XIX в.: автора архитектурного ансамбля Кишиневского Кафедрального Собора и колокольни (1832–1836) А. Мельникова, отмечая разрушение колокольни в 1960-е гг. и ее реконструкцию в 1998 г., архитектора Л. Заушкевича, спроектировавшего в Кишиневе Святые врата (1840 г.); архитектора Антуана Вейсмана, как создателя Св. Николаевской церкви в Бельцах (1795–1804) и Собора Св. Богородицы в Сороках (1840–1842) [288, с. 206, 233]. Имеются также сведения об архитекторе Ф. Г. Боффо [288, р. 283] (неправильно указан второй инициал – прим. автора), по проекту которого в 1849 г. была построена колонна в честь победы русских войск над турецкой

армией в 1770 г.

В статье “Structura urbană a Chişinăului până la 1812 şi relicele sale arhitecturale” [306, p. 41-50] (2005) Тамара Нестерова рассматривает происхождение г. Кишинева, подробно останавливаясь на основных ранних исторических этапах развития этого города и анализируя важные исследования на эту тему. Представлены несколько планов Кишинева, начиная с 1789 г. Каждый из них автор подробно изучает и делает выводы, как о структуре города, так и об архитектурных особенностях развития его центра до 1812 г. Будучи самым развитым среди городов будущей Бессарабии, Кишинев имел выгодное географическое положение, омывался водами реки Бык. Наличие транзитных путей, которые позже станут улицами, противоречит существующей связи между старым торговым местечком и русским военным лагерем в 1789 г., расположенным на востоке города, который в будущем, по гипотезе Валентина Войцеховского мог бы стать основой для прямоугольных кварталов в Кишиневе. По мнению Т. Нестеровой, город был основан на пересечении главных дорог с преимуществом развития крупного торгового и церковного центра [306, p. 50] в будущем.

В другой работе, «Studiu cu privire la situaţia oraşelor istorice din Republica Moldova» [307] (2007), Т. Нестерова вновь упоминает в качестве автора проекта церкви Св. Богородицы в Сороках и Николаевской церкви в Бельцах, приглашенного из Австрии Антуана Вейсмана. Здесь же, основываясь на закон об охране памятников 1993 г., приводится информация о 997 исторических памятниках столицы Республики Молдова, находящихся под государственной охраной. Из них 236 имели важное национальное значение, а 741 – местное значение. При этом 857 памятников были расположены в так называемом старом городе, названном историческом центре Кишинэу. Относительно сохранности исторических и архитектурных памятников в других городах Молдовы Т. Нестерова отмечает, что к 1995 г. в Бэлць их насчитывалось 29, в Бендер – 16, в Сорока и в Орхей – по 61 [307, p. 7].

В работе «Centrul istoric al Chişinăului la începutul secolului al XXI-lea. Repertoriul monumentelor de arhitectură» [297] (2009) авторы Борис Гангал, Тамара Нестерова, Евгения Рыбалко, Петр Старостенко и другие дают описание всех расположенных в центре Кишинева исторических зданий города, являющихся архитектурными памятниками. Особую ценность упоминаемой работы составляют планы сооружений, а также старые черно-белые и новые цветные фотографии зданий. Краткие исторические данные, подготовленные П. Старостенко, оказывают существенную помощь при исследовании современных памятников. Планы, составленные архитектором Т. Нестеровой, дополняют описание представленных зданий. В этот реестр внесены многие, не уцелевшие до нынешнего вре-

мени памятники архитектуры; информацию о них можно найти, используя алфавитный указатель, составленный по названиям улиц. Но в приведенных исторических данных о строительстве памятников архитектуры содержится ряд неточностей, связанных как с датами строительства архитектурных памятников, так и со сведениями о зодчих. Кроме того, одним из основных недостатков данной монографии является отсутствие ссылок на источники предоставляемой исторической информации.

Известный художник и краевед Ликэ Саинчук в своей научно-популярной книге «Colina antenelor de bruiaj» [309] (2000) подробно объясняет, что и где, согласно карте [309, с. 30-36] одного из первых бессарабских архитекторов и землемеров Михаила Озмидова, располагалось в Кишиневе в 1817 г. В другой своей работе «Ioan Halippa. Chişinăul pe vremea lui Puşkin (1820–1823) cu 333 intersecţii» [310] (2011) он вновь использует эту карту для того, чтобы наглядно показать, каким был Кишинев во время проживания здесь русского поэта, подробно рассматривая все площади, улицы и переулки.

Историк Ион Варта посвятил свою статью «Istoria construcţiei Catedralei „Naşterea Domnului” din oraşul Chişinău» [315] (2000) строительству Кафедрального собора в Кишиневе [315], в которой вновь напоминает подробную историю о строительстве этого памятника по проекту петербургского профессора А. Мельникова. И. Варта отмечает архитектора Л. Заушкевича, автора «Святых врат», где был установлен самый большой колокол, предназначенный для звонницы. Автор подчеркивает архитектурный стиль, включая планометрию собора с тремя алтарями, типичную для России, и указывает на доминанту российской власти, установившейся в Бессарабии с 1812 г.

Упомянутая нами ранее, искусствовед Н. Юрченко в статье «Ансамбль Кафедрального собора в Кишиневе. Архитектурно-исторический облик и современное состояние» [281, с. 177-189] (2003) указывает, что в результате проектных разработок объекта и реставрационных работ выявилось довольно много нарушений, отразившихся на внешнем и внутреннем облике архитектурного ансамбля собора и вновь отстроенной звонницы. В частности, была превышена высота объема купола, искажена кривизна дуги его наружной оболочки. Также были нарушены все изначальные классические конструкции храма. В данной статье Н. Юрченко, отмечает изменения не только во внешнем облике храма, но и в рисунке его кровли.

В статье «Образцы русского провинциального классицизма в Кишиневе: жилые дома первой трети XIX в.» [285] (2006) Н. Юрченко подробно описывает дома коллежского асессора Варфоломея и купца Гладилина в Кишиневе. Автором составления сметы в первом доме и проекта во втором доме Н. Юрченко называет архитектора Осипа Ивановича

ча Гаскета, который в 1826 г. становится городским архитектором, с 1836 г. исполняет должность Кишиневского областного архитектора.

Историк Евгения Рыбалко в своих исследованиях неоднократно обращается к теме Кишинева XIX в. Так, в статье «Из истории Кишиневского Римско-католического кладбища» [250] (2005), она описывает план Кишинева, составленный архитектором Озмидовым, на котором уже в 1817 г. были отмечены места для захоронений православного, лютеранского и римско-католического вероисповеданий.

Другое исследование «Архитектор Иосиф Гаскет (1800–1878)» [249] (2007), Евгения Рыбалко посвящает одесскому архитектору, который работал в Бессарабии. Она отмечает, что в период с 1826 по 1836 гг. он – «кишиневский городской архитектор. Среди первых его работ в Кишиневе окончание кладбищенской церкви “Всех святых”, достройка нового дома Е. К. Варфоломея, решенного в духе классицизма и переустроенного для казенного помещения, впоследствии известного как Губернаторский дом» [249, с. 427]. Автор отмечает участие архитектора И. Гаскета в строительстве Вознесенской, Харлампиевской кишиневских церквей, в проектировании городских фонтанов, лютеранской кирхи, мощении улиц и др.

Как один из соавторов монографии «Centrul istoric al Chişinăului la începutul secolului al XXI-lea. Repertoriul monumentelor de arhitectură» (2010), Е. Рыбалко в Приложении в виде биографического словаря архитекторов Бессарабии представляет архитекторов, творчество которых было связано с Бессарабией [297, р. 553-560]. Это – Иосиф Беттини, являвшийся бессарабским архитектором в 1819–1822 гг., и землемер Богдан Эйтнер (1798 – 2 апреля 1872), который был автором проектов жилых домов по образцовым проектам и занимался топографической съемкой в 1825–1827 гг. По мнению Е. Рыбалко, Илья Фрапполи (Фраполли – прим авт.) составил смету для строительства Кафедрального собора, а военный инженер Андрей Иванович Глейнинг (Глейниг – прим авт.) был архитектором в 1827 г.; губернатор Бессарабии Иван Гартинг вместе с архитектором Михаилом Озмидовым разрабатывали план 1817 г. и проекты Кишиневского госпиталя и острога. Исследователь отмечает, что в Бессарабии Николай Павлович Голиков (1817 – после 1870) был автором проекта богадельни, построенной в Кишиневе в 1846 г.; архимандрит Иоанникий, в миру Щапов Иван Федорович, 1776–1852 (в миру, согласно формуляру, Шиков – прим. авт.), являлся автором проектов кишиневских зданий Митрополии и Семинарии, построенных в 1817–1830 гг.; Андрей Иванович Росицкий был помощником архитектора Михаила Озмидова и Иоганна Спета. О Луке Карповиче Заушкевиче историк дополнительно сообщает, что в 1851 г. он разделил город Кишинев на части, улицы и кварталы,

переулки и т. д. Е. Рыбалко считает, что Иосиф Шарлемань-Бодэ (1782–1861), являлся автором проекта Кишиневского костела (в 1840 г. проект на строительство этого сооружения подписал Шарлемань 2, или Людвиг Шарлемань – прим. авт.). Из всех представленных в Биографическом словаре архитекторов Е. Рыбалко наиболее подробно описывает деятельность Александра Иосифовича Бернардацци (1831–1907), автора ряда архитектурных памятников, многие из которых и сегодня украшают Республику Молдова.

Историк Дину Поштаренку посвящает свою статью «Mihail Ozmidov, primul arhitect și inginer cadastral al Basarabiei din perioada țaristă» [308] (2007) основным этапам жизни одного из первых архитекторов из землемеров Бессарабии, подробно описав историю о том, как в 1812 г. помощник архитектора М. С. Озмидов был вызван из Ясс в Кишинев для предполагаемой застройки города. Автор отмечает участие этого архитектора в разработке планов Кишинева, а также в проектировании зданий кишиневской тюрьмы в 1815 г. и госпиталя в 1817 г.

В литературно-документальном издании «Архитектура старой Одессы» [277] Б. Эйдельман (2007) обращается к истории архитектурного прошлого Одессы, создавшего ее своеобразный облик. Приложение данного сборника состоит из отдельных статей об известных зодчих города, в том числе о Боффо и Фраполли, которые были знамениты своим творчеством и в Бессарабии в первой половине XIX в.

В монографии «Arta urbanizmului în Republica Moldova: privire de ansamblu» [313] (2008) архитектор М. Шлапак представляет обзор градостроительного искусства края. Автор этого труда прослеживает многовековой процесс развития строительства молдавских городов. М. Шлапак впервые применила метод синтеза при изучении работ, связанных с градостроительством в Молдове. В частности, в одной из глав книги, обращаясь к периоду с начала XIX в. по 1944 г., она рассматривает вопрос возникновения и развития городов Бессарабии, включая г. Кишинев. Автор осуществляет обзор всех планов города, в том числе созданных в первой половине XIX в. Так, в 1813 г. бессарабский землемер М. Озмидов подготовил первый проект плана Кишинева [313, с. 104]. Затем, в 1817 г., согласно другому плану М. Озмидова, были возведены Кафедральный собор, здание Митрополии, заложен Городской сад. В 1829–30 гг. в топографической съемке приняли участие Бессарабский землемер Эйтнер и областной архитектор Глейнин (Глейниг – прим. авт.) Также М. Шлапак называет таких архитекторов как А. Мельников, проектировщика Кафедрального собора, указав даты строительства 1832–1836 гг., и автора Триумфальной арки Л. Заушкевича (1840) [313, с. 104]. В материалах, касающихся строительства других городов, М. Шлапак упоминает архитектора Домбровского – по проектированию г. Измаила, а так-

же Ферстера и Деволана – по их деятельности, связанной с г. Бендеры. В данной монографии на румынском языке было систематизировано, обобщено и введено в научный оборот большое количество практического и теоретического материала по градостроительному искусству Молдовы. Библиографический словарь-справочник представляют искусствовед Константин Шишкан и музыковед Сергей Пожар. В первом томе – «Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях (XIX в. – начало XX в.)» [275] (2009), наряду со сведениями о художниках, скульпторах, композиторах и других творческих выдающихся личностях, обобщена информация и о бессарабских архитекторах первой половины XIX в., а именно: Аврааме Мельникове, Луке Заушкевиче, Михаиле Озмидове, Осипе Гаскете, Франсе Боффо, архимандрите Иоанникии, а также Богдане Эйтнере и Александре Бернардацци. Но в работе имеется ряд расхождений с документальными материалами и есть много неточностей приведенных сведений.

В историко-архитектурном сборнике «Зодчие Одессы» [205] (2010) архитектор Валентин Пилявский представляет в виде биографических очерков архитекторов Одессы, которые своим профессиональным и жизненным опытом способствовали развитию причерноморских и европейских городов. Также автор рассказывает об эпохе классицизма в Одессе и появлении нового поколения архитекторов, когда генерал-губернатором Новороссийского края становится Михаил Воронцов. На передний план архитектурной жизни города выдвигаются военные инженеры Григорий Морозов и Михаил Любенков, а также архитекторы Георгий Торичелли, Франс Боффо, Иван Козлов, и другие, которые участвовали как в застройке Одессы, так и Бессарабии.

Другой справочник В. Пилявского – «Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие» [204] (2010) – предлагает широкому кругу читателей информацию об одесских зданиях и их создателях. Сюда включены данные о наиболее важных инженерных сооружениях и архитектурных памятниках, а также имеются интересные сведения о таких одесских архитекторах, как Г. Торичелли, Ф. Боффо, М. Любенков, Е. Морозов и о тех, чья деятельность относится к более позднему периоду, – А. Бернардацци, Г. Лонском, В. Домбровском, А. Щусеве, творчество которых связано и с Бессарабией.

Еще одна монография Валентина Пилявского «Архитектура Одессы: стиль и время. Архитектурно-историческое эссе» [203] (2010) завершает трилогию автора, посвященную развитию зодчества в Одессе. Он описывает стилистические архитектурные особенности Одессы от самого ее зарождения до сегодняшних дней, когда в первые десятилетия существования города особое воздействие на рядовую застройку оказала «народная архитектура южных областей России, Украины, Молдавии, Валахии, болгарской Добруджи, Греции,

Крыма и Турции [203, с. 4].

Авторы Николай Калинин и Марина Земляниченко в монографии «Романовы и Крым» [48] (2010), отмечают, что в городе Ялта, церковь Иоанна Златоуста была построена по проекту Г. Торичелли [48, с.14].

Во время исследования темы диссертационного исследования нами были подготовлены и опубликованы статьи, посвященные архитекторам и землемерам М. Озмидову, Б. Эйтнеру, Иоанникию, А. Мельникову, Ф. Боффо, Д. Торичелли, династии Шарлемань и др.

1.2. Источники исследования

Для написания данной работы автор использовал ряд документов, среди которых – «Полное собрание законов Российской империи», в котором содержатся указы императоров России, начиная с 1812 г., а именно: трактат о мире между Россией и Оттоманской Портой в 1812 г. [206, с. 316-322], об устройстве Кишиневско-Хотинской епархии в 1813 г. [206, с.17-22], устав образования Бессарабской области 1818 г. [206, с. 222-280], об учреждении Строительного комитета в Кишиневе и Измаиле в 1826 г. [206, с. 16], об утверждении при Бессарабском областном правлении, по архитектурской части должностей областного архитектора и двух его помощников в 1828 г. [206, с. 239], о предоставлении Бессарабской казенной палате утверждать и выдавать планы с межевыми книгами на земли, отводимые церквям в 1829 г. [206, с. 139], о назначении должности особого архитектора по карантинной части при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе в 1836 г. [206, с. 97] и др.

Также был использован «Свод законов Российской империи. Том 12, часть 1. Устав Строительный» [256]. Согласно этому Своду, проекты и сметы зданий рассматривались в ведомстве Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Для решения вопросов, связанных со строительством в губерниях и областях, в том числе и в Бессарабии создавались губернская или областная строительные комиссии, которые находились в подчинении у Главного управляющего путями сообщений и публичными зданиями. В таком же подчинении были городские строительные комитеты.

Кроме того, автор данного исследования обратился к материалам архивов и библиотек Кишинева, Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы.

В таких архивных фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) г. Санкт-Петербурга, как Правительствующий Синод, Главное управление путей сообщения и публичных зданий, Техническо-Строительный отдел МВД, Академия худо-

жеств и др.; автором были выявлены и изучены важные документы о разработке плана г. Кишинева в 1832–1835 гг. [237], о строительстве в первой половине XIX в.: Кишиневских зданий Митрополии и Духовной семинарии [233], первого острога [245], госпиталя [240], лютеранской кирхи [243], католического костела [242], Кафедрального собора [235] и многих других архитектурных объектов, на которые имеется проектная документация. Также в архивных документах была обнаружена дополнительная информация о творчестве многих зодчих XIX в., таких как Михаил Озмидов [236], Иосиф Гаскет, Франс Боффо, Георгий Торичелли [230], Лука Заушкевич, братья Шарлемани [232] и др.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) г. Москвы, в фонде Инспекторского департамента были обнаружены личные дела некоторых бессарабских архитекторов и военных инженеров, в которых содержится ряд документов, а именно: о производстве штабс-капитана Любенкова в капитаны в 1839 г. [222], формулярный список о службе и достоинстве капитана Михайло Тимофеевича Любенкова за 1841 г. [223] и об определении его в качестве помощника Одесского полицмейстера инспектором работ Одесского Строительного комитета в 1840 г. [220], об увольнении со службы капитана 7-го пионерного батальона Андрея Ивановича Глейнига в 1826 г. [221], о награде уже подполковника Глейнига в 1862 г. [224] и «о назначении его чином полковника за усердную службу в 1863 г.» [225] и др. Также в вышеуказанном архиве, в фонде Каталога военно-ученого Архива Главного управления Генерального штаба, было изучено Статистическое описание Бессарабии или Буджака [227], Военно-статистическое обозрение Бессарабской области за 1848 г., составленное подполковником Дараганом [228], согласно которому Кишинев «отстроился в продолжение каких-нибудь 10-ти – 15-ти лет» [228].

В Государственном архиве Одессы и Одесской области (ГАОО), в фонде Управления Новороссийского и Бессарабского губернатора впервые был обнаружен ряд архивных документов, связанных с архитектурой Бессарабии, включая историю строительства тюремных зданий (тюремных замков) в городах Кишиневе и Измаиле в 1840–1842 гг. [27, 24,]. Автор диссертационного исследования рассмотрел материалы о создании и правилах Кишиневского и Измаильского строительных комитетов [18], о постройке церквей в Бессарабии в 1828–1835 гг. [19], об отводе земли под строительство Кишиневского католического костела в 1825 г. [17] и Евангелической церкви в 1831 г. [20], о построении публичных и частных зданий города Кишинева в 1835 г. [22], об устройстве создания Кишиневского фонтана в 1831 г. [21] и др., а также содержательные документы относительно творчества в Бессарабии таких архитекторов, как Ф. Боффо, Б. Эйтнер, Г. Торичелли, И. Гаскет, Л. Заушкевич и деятельности инженеров – полковника Морозова и капитана Любен-

кова.

В Национальном архиве Республики Молдовы (НАРМ) по теме исследования автором также были обнаружены и изучены различные документы. В таких архивных фондах, как: Канцелярия Бессарабского Губернатора (1812–1917), Бессарабское Губернское правление (1828-1918), Городская Кишиневская дума (1817–1915), Землемеры Кишинева (1835–1917), Кишиневская Духовная Дикастерия (1812–1832), Проекты и планы Бессарабии (1817–1860) и многие др.; впервые были выявлены различные архивные документы, касающиеся творческой деятельности бессарабских архитекторов. Среди них – формулярные списки зодчих с подробным описанием основных событий их жизни, различная переписка относительно строительства многих архитектурных сооружений, сметы, проекты, планы и другие важные материалы.

В Адрес-календарях, или так называемых «месяцесловах с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова», начиная с 1815 г. по 1851 гг. [61-81], изданных при Санкт-Петербургской Императорской Академии наук содержится краткая информация об отдельных архитекторах и землемерах по Бессарабской области.

Также для данного исследования были рассмотрены материалы многочисленных газет и журналов, таких как: «Бессарабские губернские ведомости», «Кишиневские Епархиальные Ведомости», «Бессарабский Вестник», «Зодчий», в которых содержатся важные сведения об истории Бессарабии, Кишинева, других бессарабских городов, а также о тех зодчих, которые внесли значительный вклад в строительство Бессарабского края. Таким образом, автор диссертационной работы предлагает рассмотреть творчество архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в.

Необходимость комплексного исследования предложенной темы обусловлена следующими причинами:

- фрагментарностью ее освещения и существованием многочисленных противоречивых данных;
- необходимостью выявления роли архитекторов, землемеров и военных инженеров в градостроительстве Бессарабии, а также изучения созданных ими архитектурных сооружений, являющихся уникальными памятниками;
- важностью подтверждения авторства произведений отдельных архитекторов.

Данная диссертация представляет собой первую попытку освещения творческой деятельности зодчих Бессарабии указанного периода.

Целью настоящей работы является комплексное исследование творчества архитекторов, военных инженеров и землемеров, работавших в Бессарабии в первой половине XIX в. Для ее достижения намечено решение следующих конкретных **задач**:

1) выявление новых документов и материалов в библиотеках и архивах Республики Молдова, Украины и России, относящихся к архитектурным памятникам и их авторам – зодчим Бессарабии рассматриваемого периода;

2) определение влияния законодательства Российской империи в области строительства и архитектуры на градостроительство Бессарабии, включая деятельность зодчих, участвовавших в проектировании бессарабских городов;

3) анализ архитектурных творений зодчих Бессарабии первой половины XIX в.;

4) освещение деятельности Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов края, а также Бессарабской строительной и дорожной комиссии, в которых принимали участие зодчие Бессарабии;

5) представление персоналий архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., а также составление перечня основных архитектурных сооружений и биографического словаря зодчих. Данная диссертация представляет собой первую попытку освещения творческой деятельности зодчих Бессарабии указанного периода.

Решенная научная задача заключается в комплексном освещении творчества архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., что привело к объективной оценке творческой деятельности зодчих, ввиду выявления их роли и влияния на архитектурно-градостроительную среду края.

Методология научного исследования. В основу диссертационного исследования положены культурологический и сравнительно-исторический методы с применением иконографического, архивоведческого, архитектурного, искусствоведческого и сравнительного анализа. К разработке данной темы были привлечены результаты работ предшественников, законодательные акты в области архитектуры и строительства, а также материалы архивных фондов разных стран.

Новизна и научная оригинальность исследования заключается в том, что впервые подробно рассматриваются материалы, связанные как с законодательством в области архитектуры и строительства, так и с деятельностью бессарабских зодчих первой половины XIX в. В научный оборот введен ряд ранее неопубликованных документов – формулярные и кондуитные списки архитекторов-градостроителей, материалы об участии Измаильского, Кишиневского и других строительных комитетов, а также Бессарабской до-

рожной комиссии в застройке городов, включая карты, чертежи, проекты, рисунки, фотографии и др. Изучение документов, обнаруженных в архивах Республики Молдова, Украины и России, позволило автору выявить более 30 ранее неизвестных имена архитекторов, военных инженеров и землемеров Бессарабии, принимавших участие в строительстве отдельных объектов, которые и сегодня являются культурным наследием Республики Молдова. Также составлен перечень, содержащий данные о наиболее значимых зданиях и сооружениях, в том числе и не сохранившихся до наших дней. Впервые представлен краткий биографический словарь зодчих, состоящий из 80 персоналий.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью и новизной рассматриваемых вопросов, которые расширяют и углубляют научные знания об основных тенденциях и особенностях архитектурно-градостроительного процесса в Бессарабии в рассматриваемый период.

Практическая значимость и внедрение результатов исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке предложенной тематики. Результаты исследования будут полезны для историков, архитекторов, инженеров, археологов, искусствоведов, реставраторов, музееведов, студентов профильных отделений колледжей и высших учебных заведений. Вместе с тем, материалы диссертации внесут определенный вклад в дело выявления и сохранения историко-архитектурного наследия Республики Молдова.

К настоящему времени в изучении творчества архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в. наметились вопросы, потребовавшие тщательного историографического и археографического исследования. Ни в дореволюционной литературе, ни в более поздних работах данная тема не была специально освещена. В диссертации впервые представлены четыре периода накопления и изучения материалов, связанных с деятельностью зодчих в Бессарабии, а именно: 1-й период – (XIX в. – н. XX в.); 2-й период – (1918–1940 гг.); 3-й период – (1945–1991 гг.); 4-й период – (1991 г – XXI в.). Также в диссертационное исследование включены материалы, касающиеся творческой деятельности зодчих в градостроительстве Бессарабского края, начиная от записок путешественников, архивных документов и заканчивая трудами современных ученых.

1.3. Выводы по главе 1

1. В качестве первоначального этапа фигурирует период, когда после 1812 г. Бессарабская область становится одной из провинций Российской империи. На основании существующих описаний, посвященных Бессарабии, можно отметить, что тема творчества

зодчих края практически не освещена. Большинство авторов уделяли внимание лишь краткому описанию архитектурных памятников этого периода. При этом часто не назывались зодчие, которые проектировали и составляли сметы для строительства. И, конечно же, очень много имен архитекторов, военных инженеров и землемеров было незаслуженно забыто. Авторы (П. Свиньин, Ф. Вигель, В. Курдиновский., И Коль), в лучшем случае, лишь упоминают фамилии некоторых первых архитекторов и инженеров – таких, как Гартинг, Озмидов, Эйтнер, Фраполли. Не удивительно, что как в написании инициалов имен, фамилий, так и дат, связанных с сооружениями памятников, часто встречаются неточности и ошибки. В начале 1900-х гг. авторы (И. Халиппа, П. Крушеван, П. Лотоцкий), кроме уже указанных выше, называют архитекторов Глейнига, Беттини и архимандрита Иоанникия.

2. В межвоенный период (1918–1940) в отдельных исследованиях (В. Курдиновский, Шт. Чобану, П. КонстантINESКУ-Яшь, Шт. Берекет) главный акцент делается на подробном описании архитектурных памятников в Бессарабии, особенно православных церквей и традиционного молдавского жилища с сохранившимся в них национальным колоритом. Но при этом творчество архитекторов не освещается.

3. В советский период (1945 г. – 1991 гг.) появляется ряд трудов о молдавском зодчестве, включая архитектурно-планировочное развитие Кишинева и других бессарабских городов. Чаще всего исследователи (В. Смирнов, В. Ульянов, И. Пилат, И. Эльтман, Н. Лейбошиц и др.) упоминают известного петербургского профессора А. Мельникова, а также его проекты Кишиневского кафедрального собора и колокольни, представляя историю сооружения этих памятников. Автор Б. Мовчан доказывает, что Мельникову принадлежит проект Спасо-Преображенского собора в Болграде, а также относит к его заслугам строительство некоторых домов в этом городе по «образцовым проектам». Самое подробное исследование по творчеству А. Мельникова принадлежит архитектору М. Тубли, который всесторонне и тщательно изучил работы этого известного зодчего. Наряду со сведениями о Мельникове, в научных исследованиях 1970–1980-х гг. появляются некоторые данные об авторе кишиневской Триумфальной арки или Святых врат, – Л. Заушкевиче. Причем первоначально, и достаточно долгое время, многие авторы (Г. Ременко, Н. Юрченко) указывали неверные инициалы имени архитектора, а также допускали ошибку в дате сооружения этого памятника. Также в работах 1980-х гг. часто можно встретить имя автора памятника Кагульской битве в Вулканештах – архитектора Боффо. Некоторые авторы (Г. Ременко) допускали ошибки в инициалах этого зодчего, другие (В. Ульянов и И. Пилат) ошибочно указывали на его российское происхождение. Вместе с тем, в начале 1980-х гг. отдельные авторы (Г. Н. Логвин) подчеркивали особый местный колорит в градострои-

тельстве Бессарабии и стремлении местных архитекторов к построению трехконхового храма и национальной трактовке, проявлявшейся в декоре сооружений первой половины XIX в.

4. В конце 80-х гг. XX в. работах Е. Рыбалко, В. Боровского, Я. Тараса, помимо уже известных имен, речь идет о таких бессарабских архитекторах, военных инженерах и землемерах, как Л. Заушкевич, И. Гаскет, А. Вейсман, В. Домбровский, Е. Ферстер, П. Алексеев, К. Поморцев, С. Микулин, А. Шашин, В. Морган и др.

5. Начало 90-х гг. XX в. было отмечено появлением новых работ в области истории и развития архитектуры Молдавии по рассматриваемым проблемам. А. Тораманян в своем архитектурном исследовании упоминает мастера Вардана, который занимался реконструкцией Армянской церкви в Кишиневе в начале XIX в. Особенно после провозглашения независимости в Республике Молдова в 1991 г. в научной литературе расширяется спектр рассматриваемых проблем. И. Бубис посвящает свою монографию известным зодчим Бернардацци, подробно описывая творчество этой династии архитекторов, в том числе Александра Бернардацци, который с 1856 г. начал работать в Кишиневе в качестве помощника Бессарабского архитектора. Надо отдать должное исследователям, посвящающим свои статьи критике реставрационных работ вновь отстроенной колокольни и потерпевшему изменения после реконструкции Кафедрального собора. Среди них – архитекторы Е. Богнибов и П. Думитрашку, которые анализируют некоторые кишиневские памятники этого периода, критикуя реставрацию Кишиневского Кафедрального собора (А. И. Мельников) и положительно отзываясь о реконструкции Триумфальной арки (Л. Заушкевич).

6. В ряде научных работ начала XXI в. (М. Шлапак, Т. Нестерова, П. Старостенко) фигурируют имена бессарабских архитекторов. В своих монографиях эти авторы развивают тему, связанную с развитием архитектуры и персоналиями зодчих. Н. Юрченко сравнивает аутентичные сооружения Кафедрального собора и колокольни, построенные по проекту архитектора Мельникова, с современными памятниками, которые после проведения реставрационных работ. В это же время она посвящает одну из своих статей истории строительства тюремного замка, автором которого был известный итальянский архитектор Г. Торичелли. С. Ильвицкая и Е. Рыбалко вводят в научный оборот ряд новых имен зодчих, составив краткий биографический словарь архитекторов Бессарабии XIX–XX вв. Исследователь Д. Поштаренку пишет историческую статью о первом бессарабском землемере М. Озмидове.

7. Украинские архитекторы В. Тимофеенко и В. Пилявский в своих трудах, посвя-

щенных архитектуре Одессы, отмечают зодчих Ф. Боффо, Г. Торичелли, И. Козлова, а также военных инженеров Е. Ферстера, М. Любенкова, Г. Морозова и других, работавших в Бессарабии в первой половине XIX в. Российский автор В. Антонов в сборнике о зодчих Санкт-Петербурга более подробно представляет творчество архитекторов А. Мельникова, А. Штауберта и братьев Шарлеманей, а В. Исаченко является автором-составителем биографического словаря строителей Санкт-Петербурга.

8. В основе настоящего исследования находятся многочисленные документы из архивов Молдовы, России и Украины. Источниковедческая база включает ряд статей из Полного Собрания Законов и Строительного Устава Российской империи; месяцесловы и адрес-календари с указанием данных об архитекторах и землемерах; бессарабскую прессу, содержащую статьи по истории архитектурных сооружений и деятельности зодчих, которые дополняются картами, топографическими съемками, чертежами, рисунками, фотографиями, проектами зданий и сооружений, построенных в первой половине XIX в.

2. АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

2.1. Законодательные акты в области архитектуры и градостроительства

После того, как в 1812 г. территория Бессарабии в результате подписания Бухарестского мира вошла в состав Российской империи, законодательство России в области строительства и архитектуры стало распространяться, в том числе и на Бессарабскую область [295].

В это время в России, как уже отмечалось, действовал Строительный устав [256], основанный на законах Российского Императора, впервые изданный в 1832 г. Он был переработан и дополнен в 1842 и 1857 гг. и до конца XIX в. переиздавался ежегодно без изменений. Согласно этому уставу все государственные здания, которые не относились к особым ведомствам, состояли в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий. К ним, в частности, относились: все присутственные места в губернских, областных, портовых и уездных городах; казначейства и денежные кладовые; тюремные помещения; дома генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов, начальников областей, градоначальников и председателей губернских присутственных мест; дома для размещения полиции, полицмейстеров и городничих; мосты, переправы и набережные; гауптвахты, жандармские конюшни, карантин, а также другие воинские и гражданские здания.

При этом проекты и сметы таких строений рассматривались в ведомстве Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Для решения вопросов, связанных со строительством в губерниях и областях, в том числе и в Бессарабии, создавались губернские или областные строительные комиссии, которые были в подчинении Главного управляющего путями сообщений и публичными зданиями. Это касалось и городских строительных комитетов. Состав губернских и областных строительных и дорожных комиссий определялись штатом, во главе которых находились начальник губернии или области и канцелярия. Губернские и областные землемеры приглашались в комиссию только в отношении дел по дорожной части, требовавших обмера земли. Строительная и дорожная комиссия обеспечивала постройку, переделку, ремонт, надзор за исправным содержанием всех казенных и общественных зданий в губернии, кроме состоящих в особых ведомствах, а также занималась рассмотрением смет и т. д.

Начиная с 1816 г., Главное управление путей сообщения и публичных зданий ежегодно выделяло так называемый строительный капитал на сооружение и ремонт общественных зданий, возводимых по утвержденным планам, фасадам и сметам. Для облегче-

ния строительных работ в правительстве создавались «образцовые» чертежи, которые рассылали по всем губерниям, чтобы «они служили руководством не только при постройке новых, но и при переделке старых зданий, где удобность позволит» [256, с. 27].

«Образцовые» проекты издавались в виде отдельных альбомов и в приложениях к Полному собранию законов. Так, в 1803 г. были выпущены «образцовые» проекты казенных зданий, в 1809 г. – «фасадов жилых домов, в 1811 году – второй выпуск проектов «образцовых» фасадов жилых домов, в 1819 г. – проекты станционных домов, в 1824 году – церквей, в 1828 году – тюремных зданий, присутственных мест и домов вице-губернаторов, в 1830 году проекты на устройство селений и в 1831 году – проекты почтовых домов» [6, с. 119]. Для руководства государственным и частным строительством по типовым проектам и будучи заинтересованным в благоустройстве городов, правительство Российской империи в 1806 г. учредило специальный Строительный комитет с чертежной, в котором работали такие известные архитекторы, как Луиджи Руска, братья Иосиф и Людовик Шарлемани, Давид Висконти, Авраам Мельников и др.

Согласно правилам, утвержденным Министерством внутренних дел России, планы и сметы любого казенного здания перед строительством или его перестройкой необходимо было отправлять в Петербург для согласования их соответствия «образцовым» проектам. Если планы зданий были составлены с отступлениями от образцовых, их предполагали возводить около площадей и на главных улицах города, обязательно предоставляя на «высочайшее» утверждение.

С 1829 г. «образцовые» чертежи хранились в строительных и дорожных комитетах. При составлении таких проектов на казенные постройки необходимо было представлять планы местоположения предполагаемого возведения здания с описанием части улицы, площади или квартала, для того чтобы в будущем правильно рассчитать фасад. Причем, с 1831 г. на чертеже фасада здания изображали в качестве масштаба фигуру человека «вышиной в два аршина восемь вершков или в 5 футов и 10 дюймов английской меры» [132]. С помощью этого можно было судить о высоте предполагаемого здания. В декабре 1831 г. такой циркуляр относительно «обозначений на всех архитектурных чертежах человеческой фигуры» [132, л. 8] был подписан Бессарабским гражданским губернатором Акинфием Ивановичем Сорокунским. Также на каждом чертеже, кроме подписи составителя, имелись год, месяц и число. Еще с 1803 г. в губерниях, при составлении смет на новые общественные здания учитывалось строительство каменных зданий. Этот закон касался и деревянных зданий, возводимых на каменном фундаменте. Особенно важные проекты, которые требовали вложения значительных сумм, представлялись губернатору на «высо-

чайшее» утверждение. Архитекторы и те, кто составлял сметы, должны были руководствоваться специальным Урочным уложением. И если они отступали от правил, установленных для составления и проверки смет, к нарушителям применяли меры согласно Уложению о наказаниях. Сразу после утверждения предназначенной для этого денежной суммы приступали к строительству государственных зданий.

С 1839 г. все общественные сооружения, перестройка и ремонт зданий должны были быть освидетельствованы и проверены, все ли выполненное соответствует смете, фасаду и плану, правильно ли израсходованы материалы и, как это показано в расчетах; прочно ли были произведены все работы, действительно ли выделенная сумма, использована по назначению.

«Образцовые» проекты прошли серьезный путь развития на фоне историко-архитектурного развития Бессарабии в первой половине XIX в., где наблюдались периоды упадка и подъема, характеризующие социально-экономическую жизнь края. Они были разработаны известными российскими зодчими с использованием классической ордерной архитектуры. «Большой объем проектной документации (главный фасад, потолочные планы, разрезы, перспектива) выполнялись тушью, с использованием акварели. Белилами акцентировались наиболее эффективные фрагменты»[322]. Проекты отличались особым профессиональным мастерством и выдержанным стилем. «Воплощенные в них высокая градостроительная дисциплина и единое художественное мировоззрение обусловили архитектурную цельность ансамблей центров городов» [6, с. 200] Российской империи в первой половине XIX в., включая бессарабские города.

Новые «образцовые» проекты разрабатывались не только для жилых домов, но и для строительства госпиталей, тюремных замков, карантинных, почтовых станций и др. Это было продиктовано временем, когда городское жилищное строительство и планировка перестали соответствовать новым требованиям. Согласно законодательству в области строительства и архитектуры, они стали обязательными как для утверждения высших органов власти, так и для застройки. В Строительном уставе ряд законодательных статей посвящается «образцовым» (нормальным) проектам, благодаря которым облик городов менялся в лучшую сторону.

С 1837 г. старые здания позволяли сносить только после разрешения высшего руководства того ведомства, которому они принадлежали. Исключение составляли лишь те случаи, когда здания могли угрожать падением из-за последствий пожаров, наводнений, землетрясений. В этом случае такие сооружения можно было разрушать.

Особое внимание уделялось сохранности памятников и древних зданий. С 1822 г. был принят ряд законов, согласно которым строжайше запрещалось «разрушать остатки древних замков, крепостей и других зданий древности» [256, л. 41].

Другие важные законы касались строительства тюрем. В 1828 г. в губернских городах тюремные здания строились в соответствии с утвержденным образцовым планом. В архивном фонде Бессарабского областного правления имеются так называемые «Нормальные Проекты тюрем для уездных и областных городов Бессарабии, изданные в 1846 г. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий» [146, л. 41]. Согласно плану тюремного помещения на 300 арестантов (П.1.3) представлен фасад, план первого этажа, а также – следующие примечания: арестанты для свиданий могут быть доставлены в столовые, а посторонние посетители – в умывальные комнаты, отделенные от столовой двойными решетками с обязательным присутствием караульного. Важно было при составлении данных проектов учитывать размеры камер для пересыльных арестантов.

В малых губернских тюрьмах могли быть небольшие отступления от образца. Начиная с 1848 г. тюрьмы должны были строить так, чтобы несколько отдельных комнат имели один выход в один коридор, чтобы часовой мог охранять несколько арестантских камер. При составлении проектов тюрем учитывались следующие правила: пространство должно было соответствовать числу арестантов; место для тюрьмы – сухое, ровное, следовало заранее осмотреть; число камер для содержания арестантов должно было быть по числу разрядов преступников, что также определялось в образцовом проекте.

В данном уставе содержались статьи, касающиеся отчетности и ответственности по строительной части. С 1844 г. подтверждалось, что лица, не имеющие свидетельств от Академии художеств либо от строительных департаментов, а также не получившие звания архитектора, не допускались к постройке зданий в городах. Архитекторам и тем, кто должен был руководить казенными постройками, строго запрещалось участвовать в поставке каких-либо строительных материалов, за что они могли подвергаться взысканиям и наказаниям. Если же архитекторы допускали ошибки, они должны были переделывать все сооружения за свой счет.

При строительстве каждый зодчий был обязан учитывать меры предосторожности во избежание пожара, соблюдая все нормы безопасности. 31 октября 1831 г. Бессарабский гражданский губернатор А. Сорокунский подготовил предписание в адрес исполняющего должность областного архитектора о необходимости строгого соблюдения за прочностью построек и ответственности зодчих за несчастные случаи, о чем уведомил Бессарабское областное правление [132, л. 1-1 об.]. Например, особыми правилами руководствовались

при строительстве церковных и других молитвенных домов, которые также, как и православные церкви строили с «ведома местного епархиального начальства и с разрешения или Святейшего Синода или самого епархиального начальства» [256, с. 47]. В Святейшем Синоде утверждались планы, фасады о построении церквей в городах и на городских кладбищах, рассмотренные Строительными и Дорожными Комиссиями. Так, в октябре 1831 г. для удобства бессарабских архитекторов было принято решение: осматривать ветхие здания церквей и выбирать место для строительства новых сооружений храмов раз в год, 1 мая [132, л. 5-5 об.]. При этом строго запрещалось разрушать древние церкви без уважительной причины. В случае необходимости построить новое церковное здание на месте обветшавшего, необходимо было собрать все сведения об истории данного памятника и показать его планы и фасады. Но «древний, как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти» [256, л. 47] не разрешались. Епархиальные архиереи должны были наблюдать, чтобы ни в одной древней церкви не было никаких исправлений, обновлений живописи и других предметов старины. На основании Указа Святейшего Правительствующего Синода от 25 апреля 1841 г. его высокопреосвященству Димитрию Архиепископу Кишиневскому и Хотинскому, в основном «при составлении таких проектов преимущественно и по возможности сохраняем был вкус древнего византийского зодчества» [190, л. 7] с фасадами первоначального вида. На любые изменения в строительстве следовало получить разрешение от Святейшего Синода. Новые церкви в монастырях обычно сооружали собственными силами, но при этом епархиальное руководство предоставляло планы и фасады на рассмотрение Святейшего Синода. Начиная с 1800 г. в губерниях возводились преимущественно каменные церкви. Образцами служили проекты для составления православных церквей, составленные профессором архитектуры Константином Тоном [321]. Однако, повсеместно разрешалось строить и деревянные церкви. Как правило, это происходило в тех местах, где не было необходимых материалов для построения зданий из камня, а также там, где прихожане не имели достаточно денежных средств, для возведения капитальных строений. Тем самым отменялся указ 1800 г. о запрете на строительство деревянных церквей. Начиная со 2 октября 1835 г., в Бессарабии вновь разрешалось строить деревянные церкви, но при этом рекомендовалось, чтобы новые постройки, «по мере возможности, рассмотрены были для большей прочности на каменном фундаменте» [188, л. 1 об.]. Губернаторы старались давать разрешение на отвод самых удобных и приличных мест для строительства новых церковных зданий. Архиереи обычно определяли тип церкви (соборная, приходская, кладбищенская, монастырская),

устанавливая количество приделов и колоколов, а также вместимость городского или сельского храма. Надзор за строительством каменных церквей поручали только архитекторам. Известно, что в Бессарабии на период с 1812-1813 гг. насчитывалось 775 храмов [266, с. 295]; из них только 40 были построены из камня, 1 – из кирпича, то есть 95% церквей были деревянные, причем не рубленные, а плетневые.

Из переписки с Бессарабским гражданским генерал-губернатором, хранящейся в НАРМ, известно о получении в 1825 г. книги «Собрание планов, фасадов и профилей для строительства каменных церквей» [186]. Здесь представлен 31 проект церквей, с профилями и шаблонами разных частей каждого фасада и подробное описание [96], как составлять смету, правильно класть фундаменты, выводить стены, арки, столбы, купола и крыши, производить разные кровельные и другие строительные работы.

В тех епархиях, где приходы располагались на огромных пространствах, и прихожане не могли посещать приходскую церковь, с 1841 г. епархиальное начальство разрешало строительство молитвенных домов.

Начиная с 1830 г. построение церквей других конфессий производили по планам и сметам, утвержденным местными дорожными и строительными комиссиями, руководствуясь общими правилами гражданской архитектуры. Так, при составлении планов для церквей протестантского вероисповедания строители учитывали, чтобы форма здания была квадратной, крестообразной или другой, алтарь находился с восточной стороны и без какой-либо роскоши внутри, чтобы все части строения были хорошо освещены и было достаточно пространства в середине церкви, и т. д. Церкви римско-католических, армяно-григорианских и протестантских исповеданий старались строить на каменных фундаментах с разрешения Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

С 1835 г. губернское начальство должно было давать разрешение на сооружение еврейских синагог и молитвенных школ. При этом здания, по правилам, строили вдали от христианских церквей. Новые подобные здания возводили согласно утвержденным и одобренным планам и фасадам, учитывая наличие добровольных пожертвований, собранных еврейским обществом. Например, в городе, где домов евреев было не больше 30, полагалось наличие одной молитвенной школы или на каждые восемьдесят еврейских домов строили по одной синагоге.

Также с 1841 г. сохранялись как древние часовни, построенные в честь предков, некоторых святых икон и особенных исторических или церковных событий, так и новые, которые сооружали по планам и фасадам согласно разрешениям епархиального начальства.

В строительном уставе отдельные статьи посвящались построению общественных зданий, таких как гостиные дворы и городовые амбары, помещения для ночных сторожей и военного караула, а также заведения Приказов общественного призрения. К примеру, полицейские будки в городах строились согласно утвержденному чертежу в 1848 г., а для военного караула основными постройками были «платформы на гауптвахтах, с принадлежностями, и шлагбаумы» [256, л. 59].

Больницы и дома для умалишенных, богадельни, сиротские, рабочие и смирительные дома относились к зданиям ведомства Приказов общественного призрения. С 1823 г. они строились согласно высочайше утвержденным планам по особым правилам. Так, больницы старались располагать в городе, вдали от всех строений, болот и фабрик. Главный корпус проектировали внутри двора, а перед больницей сажали кустарники и невысокие деревья. Больничные палаты разделяли на мужские и женские; имелись палаты для больных с острыми заболеваниями, для заразных и выздоравливающих пациентов и т. д. При больнице размещали церковь, а также аптеку, приемную и другие подсобные помещения.

Особые правила распространялись и на устройство улиц, площадей, мостов, и тротуаров. С 1817 г. при создании новых улиц учитывалось, чтобы они были шире предыдущих примерно на 10–15 сажень. Также они должны были быть без ям, бугров и доходить вплоть до самых домов, для чего использовали труд арестантов, отбывающих наказание в городах, исключая особо опасных преступников. Для осушения улиц применяли булыжники, плиты, хорошо обожженный кирпич или доски, с помощью которых обустроивали канавки. В городах запрещалось укладывать мостовые из бревен или плах, в основном предписывалось их делать каменными. Мостики через поперечные канавки сооружали во всю ширину улиц. Для пешеходов со стороны канав тротуары настилали в местах, где не было камня, обкладывая с обеих сторон специальными плахами, прикрепленными кольями или плетнем и оставляя промежутки для стока воды. В НАРМ, в архивном фонде Кишиневской городской думы хранятся дела, содержащие сведения об устройстве улиц старого г. Кишинева в 1825 г. [163] и о мостах, находившихся на Кишиневской городской земле в 1826–1827 гг. [164].

Согласно Строительному уставу с конца XVIII в. каждый город строился в соответствии с утвержденным планом. В свою очередь с начала XIX в. все частные здания в городах строились «по изданным для них Высочайше утвержденным фасадам» [256, л. 76] При этом учитывалось, чтобы в середине фасада было окно, а не простенок; в каменных строениях окна имели высоту не менее двух с четвертью аршин, а ширину – до одного

аршина с четвертью, исключая мезонины и антресоли; простенки между окнами не были уже ширины окна; высота от окон до кровли, включая карниз, была не менее одного аршина с четвертью; разделение и украшение окон соответствовало утвержденному фасаду; для маленьких домов высота окон определялась из расчета, – не менее двух аршин, а ширина – один аршин и два вершка. Местному начальству предписывалось наблюдать за правильными пропорциями кровли по отношению ко всему строению. Это касалось только тех построек, которые выходили фасадом на улицы, в отличие от частных домов внутри дворов, где сами хозяева могли определять высоту крыш.

Начиная с 1817 г. дома красили «следующими цветами: белым, палевым (тускло-желтый – прим. авт.), бледно-желтым, желто-серым, диким (все оттенки серого – прим. авт.), бледно-розовым и сибиркою (все оттенки белого – прим. авт.) с большей примесью белой краски» [256, л. 77]. В НАРМ, в фонде Кишиневской городской думы, хранится переписка Бессарабского областного правительства с полициями об окраске в один цвет всех зданий по Бессарабской области в 1818–1819 гг. [160]. Были разработаны 16 дощечек с наложенными на них цветами и разрешалось красить дома только на основании предложенных красок.

Также фасады могли быть раскрашены разноцветными красками, но это тоже необходимо было отобразить в плане фасада, представленного к утверждению, которое происходило следующим образом: генерал-губернатор или дорожные и строительные комиссии утверждали фасады на частные каменные постройки, согласованные с образцовыми проектами. В столицах губернских городов устанавливались особые правила, согласно которым при строительстве новых зданий, как и при перестройке существующих, подробные планы расположения всех частей по этажам рассматривались в соответствующих строительных комиссиях. Постройка деревянных домов, имеющих до пяти окон, разрешалась городничими при согласовании их с «образцовыми» проектами.

Общие правила касались городских частных каменных строений, а именно: на чердаках и крышах должны быть брандмауэры, отделяющие дома; каменные строения располагали рядом на расстоянии не меньше двух сажень; запрещалось строительство пристроек для лестниц, галерей, которые выходили за пределы здания и могли быть опасны при пожаре; не разрешалось штукатурить частное или казенное каменное здание, если после окончания его постройки не прошел год (с целью соблюдения архитектурных требований для просушки стен); решетки на балконах и террасах следовало изготавливать из железа или чугуна; запрещалось строить как двухэтажные дома из дерева, так и деревянные на каменных погребках; мезонины строили, не считая этажей.

Важно было соблюдать определенные правила и во внутреннем устройстве домов. Так, в целях предосторожности от пожара, во дворах не должно было быть много строений. Бани строили как можно дальше от частного дома и покрывали черепицей или гонтом. В подземных строениях печи закладывали под землей и не прислоняли их к деревянной стене, оставляя рядом пустое место. Вблизи печных труб не клали деревянные брусья. При этом по имеющимся чертежам и описанию архитектор должен был следить как за устройством новых печей, так и за перенесением их в другое строение. Заборы и ворота у частных домов в городах строились по фасадам, высочайше утвержденным в 1811 г.

В столицах губерний сады и огороды тоже обносили специальными заборами, а в уездных городах делали частокол по разрешению местной полиции. Это правило не распространялось на главные улицы, где, также как и в этих городах, должны были быть заборы из досок, бревен или камня.

С 1827 г. в губернских и уездных городах, владельцы так называемых «маломерных мест», то есть домов, расположенных по улице на расстоянии не менее десяти саженей, имели право ремонтировать свои ветхие деревянные строения, а построенные новые деревянные здания должны были отделяться друг от друга брандмауэрами. В городах владельцы несли ответственность за устранение неисправностей или сноса после предупреждения полиции при осмотре ветхого строения, подлежащего ремонту или сносу. Кроме того, домохозяева отвечали как за землю, на которой строили здание, так и за разрешение на постройку согласно утвержденным планам и фасадам.

С 1804 г. согласно Уставу фабричной и заводской промышленности для строительства частных фабрик и заводов в столицах и других городах необходимо было специальное разрешение губернского начальства. Никакие правила относительно фасадов, высоты крыш и других архитектурных особенностей не касались заводских и фабричных строений в отличие от частных, так как наружный вид должен был соответствовать внутреннему расположению, исходя из предназначения здания. Так, торговые бани строили недалеко от воды, бойни для скота размещали далеко за городом, соблюдали меры предосторожности при сооружении зданий с газовым освещением.

Подобно правилам, которые учитывались при строительстве городов в первой половине XIX в., существовали особые положения о постройках в селениях. С 1830 г. «под именем селений разумеются местечки, села и деревни» [256, с. 97], и начальники губерний занимались устройством новых селений согласно плану и определенным правилам: для селения старались выбрать удобное место недалеко от рек, проток и ручьев; сельские церкви, гостиные двory или лавки для ярмарок строили на площадях, а постоянные двory

и гостиницы для приезжих – недалеко от площадей; питейные дома располагали вдали от церквей; кладбища размещали позади селений, не ближе чем в полуверсте от них и др.

В крестьянских дворах строения были тоже разные: каменные, деревянные и ма-занки. Между домом и амбаром оставляли незастроенное пространство, используемое для установления ворот. В глубине двора располагали конюшню и хлев, на определенном расстоянии друг от друга. Дворы отделяли от улиц с помощью заборов или частоколов. Колодцы и пруды выкапывали там, где не было рек и озер. Количество их зависело от нужд сельских жителей. Крестьяне могли иметь каменные или деревянные дома по своему усмотрению, увеличивая или уменьшая размеры своих владений, при этом всегда соблюдая меры предосторожности на случай пожара. При этом учитывали главное правило: «чтобы жилые деревянные дома от других соседствующих домов были не ближе шести сажен» [256, л. 105]. Также согласно утвержденным планам в казенных селениях строили общественные здания (магазины, мельницы, фабрики, плотины). В НАРМ, в фонде Бессарабского губернатора, хранится дело [89] о подробных правилах расположения крестьянских дворов от 30 ноября 1830 г. В соответствии утвержденного положения об устройстве селений в отношении на имя Бессарабского губернатора разъяснялось следующее: 1) для построения новых сел или возобновления прежних после пожаров, использовать новые планы, отличающиеся от ранее изданных в 1817 г.; 2) примеры фасады главных строений подготовить и отправить начальникам губерний для того, чтобы следовать им при строительстве; 3) подавать планы и по частям, то есть отдельным листам для использования в качестве образца. Именно в этом деле хранится Положение об устройстве селений, в котором учитывается, чтобы улицы были правильными и прямыми, и «в таком селении, которое многолюдно, надобно, чтобы среди оного была площадь, а в самых больших и торговых и более одной» [89, л. 2]. Если села устраивали при речках, ручьях и протоках, необходимо было строить дома на расстоянии 15 и более саженей от берегов, «чтобы предупредить тем повреждение строений и сделать свободнейший проезд во время разлития воды» [89, л. 2]. Церковь в селе предполагалось строить на площадях, в приличном месте. Там же можно было располагать гостиные и постоялые дворы, а также торговые лавки. Недалеко от площадей можно было размещать школы, в тех селах, где не имелось площади, церкви следовало возводить на широких проезжих улицах, «наблюдая, чтобы строения, как крестьянские, так и все другие, не менее как в двадцати саженях со всех сторон от церквей были располагаемы» [89, л. 3]. При этом важно, что «питейные дома на больших улицах должны быть от церквей не ближе, как в сорока саженях» [256, с. 100].

Отдельная глава посвящалась расположению крестьянского хозяйства, для которого отводилось, «где место и удобность позволит, в ширину 14, а в длину до 60 сажень... дабы крестьяне получали для усадьбы своей большее количество земли в длину» [89, л. 3]. Там, где было много камня, строения в крестьянских дворах возводили на каменном фундаменте, вместо так называемых черных изб начинали строить печи с каменными трубами, выводя их по верху крыши. В каждом дворе деревянный жилой дом необходимо было располагать по линии улицы, на расстоянии не ближе 6 сажений от соседних построек и др. [89, л.3].

И, наконец, особое внимание в Строительном уставе Российской империи уделялось постройке станционных домов в селениях, которые были достаточно распространены в первой половине XIX в., в том числе в Бессарабии. В НАРМ хранится дело, датированное 1834 г., – об устройстве почтовых домов по планам, утвержденным в 1931 г. [134, л. 3]. Это были здания, сооружаемые на почтовых трактах, как правило, каменные, прочные, с целью предоставления ночлега проезжающим.

2.2. Создание и деятельность Кишиневского, Измаильского и других Строительных комитетов, Бессарабской дорожной и строительной комиссии

К началу XIX в. в некоторых южных городах – Одессе, Таганроге, Керчи действовали строительные комитеты. Согласно архивным документам такой комитет был создан уже в 1820 г. в Измаиле [95] и занимался решением вопросов, связанных со строительством в городах и портах карантинных, гаваней, водопроводов и других сооружений, тщательно контролируя работы в соответствии с действовавшим законодательством. По их завершении ответственные за осуществление контроля чиновники должны были освидетельствовать прочность строений и представить доклад на эту тему Военному губернатору.

Следует отметить, что в апреле 1823 г. деятельность Измаильского строительного комитета была прекращена в связи с небольшим числом построек в городе. Однако уже в марте 1825 г. Управление Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника по Бессарабской области подготовило отношение на имя Бессарабского генерал-губернатора о необходимости вновь открыть строительный комитет в Измаиле [95, л. 1-2 об.] Также в это время строительный комитет был открыт в Кишиневе, и были приняты предложенные в 1820 г. правила по его руководству. Бессарабский областной архитектор Гаврила Гордеев и землемер Михаил Озмидов подписали это решение.

Из переписки [18] Бессарабского вице-губернатора Ф. Вигеля к графу М. Воронцову об открытии в 1825 г. строительных комитетов в Измаиле и Кишиневе следует, что по замыслу комитет с самого начала создавался, чтобы наблюдать за качеством строений в крае, не допуская отступлений от действующих правил. К сожалению, как сообщал Ф. Вигель, эти нормы не всегда соблюдались. Он считал, что в данном комитете должны быть те, кто «по знаниям своим или роду службы могут быть полезны по строительной части» [18]. Кроме составления новых проектов, этот комитет должен был подготовить соответствующие правила для зданий по части предосторожности от пожаров и необходимости соблюдать чистоту в большом городе, найти возможность для сохранения чистого воздуха, спроектировать улицы в нижней части города Кишинева по правильным линиям и перенести бойни, саловарни, кожевенные и другие заводы в удаленные места. В его обязанности также входило проектирование садов и фонтанов для украшения города, рассмотрение и утверждение фасадов, планов, смет, как для строящихся объектов, так и для предполагаемых и многое другое. Гражданский губернатор должен был наблюдать за деятельностью такого комитета. Речь шла пока о создании временного строительного комитета.

Полномочный Наместник Бессарабской области граф Михаил Семенович Воронцов признал необходимым учредить в Кишиневе особый Строительный комитет для заведования как общественными, так и частными постройками. На этом же основании он предполагал основать Строительный комитет в Измаиле, предоставив проект положения для Кишиневского комитета, подобный тому, который был издан для Одесского строительного комитета. Согласно закону Российской Империи № 443 от 30 июня 1826 г., было принято положение «Об учреждении Строительного комитета в Кишиневе и Измаиле».

В соответствии с установленными правилами, в ведении Кишиневского строительного комитета были следующие вопросы: составление планов и смет построек, сбор сведений о ценах на строительство, заготовка материалов, постройка и ремонт, осмотр сооружений, отчетность о расходах денежных сумм, наблюдение прокурора за строительством и др. При Одесском строительном комитете состояла чертежная, где должны были храниться все планы и чертежи зданий и прочих устройств, а также копии, сделанные с планов и чертежей зданий и сооружений Новороссийского края и Бессарабской области, включая образцы и важные документы, относящиеся к строительной части. Ежегодно на содержание чертежной выделяли определенные суммы из доходов г. Одессы, из общих земских сборов Новороссийских губерний и 10- процентного Бессарабского капитала. В

чертежной могли работать люди, имеющие определенный опыт в архитектуре, а также, в качестве помощников, – воспитанники сиротских домов.

В НАРМ, в фонде Канцелярии полномочного наместника Бессарабской области, хранится дело с Проектом правил для руководства Кишиневского строительного комитета, подготовленного 30 июня 1826 г. [157]. В состав комитета в г. Кишиневе входили Бессарабский гражданский губернатор, по одному члену – от Верховного Совета, дворянства, городской голова и других городских обывателей, по 2 члена от купечества, городской архитектор, уездный землемер и секретарь. Комитет состоял в подчинении полномочного наместника Бессарабской области графа Воронцова, который отвечал за все постройки – как казенные, так и частные и общественные. Кишиневский комитет был обязан осуществлять строгое наблюдение за точным исполнением утвержденного плана строения, никто не имел права «производить никаких построек без назначения комитета» [157, л. 11].

На основании Указов Правительствующего Сената от 17 апреля и 13 июня 1833 г. была создана также Бессарабская областная строительная комиссия в г. Кишиневе «под председательством г. Бессарабского гражданского губернатора, асессора областного правления, областного архитектора и помощника его» [133, л. 24] для ведения дел по строительству в Бессарабской области и согласованных совместных действий с Кишиневским строительным комитетом. Эта комиссия, в основном, решала вопросы, связанные с исправлением дорог, ремонтом мостов, распределением подрядов на постройки новых дорожных участков. В ее обязанности также входили: осмотр, ремонт, перестройка зданий, сбор сведений о справочных ценах на строительные материалы и многие др. Бессарабскому губернатору представлялись денежные отчеты обо всех действиях этой дорожной комиссии. 5 сентября 1833 г. согласно докладу в Бессарабское областное правление сообщалось о передаче в комиссию всех дел по строительной части – а именно: о постройке каменного моста в 1821 г. недалеко от м. Атаки, о сборе средств на сооружение нового моста в 1824 г. при реке Реут и г. Бельцы, о починке и постройке мостов в Оргеевском уезде в 1825 г., о постройке конюшен в Аккермане, разных почтовых станций и других сооружений вплоть до 1833 г. по Бессарабской области. В сентябре этого же года в Измаильское градоначальство было также сообщено о создании данной комиссии и о предоставлении всех сведений по строительству. 22 ноября 1833 г. документ об официальном открытии Бессарабской областной строительной комиссии был подписан асессором, а также исполняющим должность областного архитектора А. Глейнигом и его помощником Л. Заушкевичем.

В 1833–1836 гг. Кишиневский строительный комитет активно участвует в сооружении Кафедрального собора в г. Кишиневе. Так, в сентябре 1836 г. этот комитет сообщал об окончании художником Иваном Ковшаровым работ [103, л. 242-242 об.] по росписи иконостаса и назначении особой комиссии для освидетельствования этого. Одновременно Бессарабская областная строительная комиссия представляла утвержденные чертежи для паникадила вышеупомянутой соборной церкви. Таким образом, эти строительные организации осуществляли учет и контроль над новыми объектами, сооружаемыми в Бессарабии.

В 1838–1839 гг. вновь происходит реформирование строительных структур. Был издан Указ о передаче функций Измаильского Строительного Комитета Кишиневскому. Это отражено в переписке с бессарабским областным правлением.

К сентябрю 1845 г., кроме Кишиневского строительного комитета были образованы временные комитеты в Аккермане и Хотине. В исполнение их функций входило: наблюдать за возводившимися сооружениями «по фасадам высочайше утвержденным, распоряжаться отводом под постройки городских земель, примеряясь к планам городов» [143, л. 24 об.-25], осуществлять надзор за возведением и ремонтом обывательских домов. Эти правила действовали, начиная с 14 декабря 1844 г., и все строительные комитеты были обязаны их соблюдать до окончательного устройства городов Кишинева, Измаила, Аккермана и Хотина. Так, к примеру, в 1846 г. Аккерманский строительный комитет представлял в Бессарабское областное правление планы и фасады, составленные местным землемером, на постройку новых домов для жителей Аккермана.

В НАРМ хранится дело о ликвидации Строительного комитета в Кишиневе и Измаиле за 1854 г. [141]. Только в 1857 г., после его закрытия, все основные функции были переданы в ведение вновь созданной Кишиневской строительной и дорожной комиссии. К этому времени в ее обязанности входили: постройка, переделка, ремонт и надзор за содержанием казенных, общественных зданий и сооружений, за исключением относящихся к особым ведомствам; устройство губернских и уездных городов, составление и представление их проектов; наблюдение за крепостями и другими древними зданиями, а также сооружение и сохранение памятников и монументов; устройство и наблюдение за содержанием в исправном состоянии всех дорог: грунтовых, почтовых, торговых и военных, а также мостов, переправ, перевозов; содержание в порядке планов городских зданий и сооружений, всех карт и описаний дорог, которые были в ведении комиссий; наблюдение за маршрутной картой военных дорог; рассмотрение проектных планов и составление смет на устройство проселочных дорог в казенных селениях; сбор сведений о справочных ценах на строительные материалы и рабочую силу и др.

Комиссия занималась ремонтными работами, распоряжаясь денежными суммами, не превышающими смету и разрешенными начальниками губерний, а также следила за проектами капитальных перестроек. Эта комиссия отвечала за то, чтобы проекты на возведение зданий и сооружений соответствовали всем правилам архитектуры и строительного искусства, чтобы в них не было недостатков и излишеств. Проекты подлежали тщательному обсуждению, чтобы после их утверждения не приходилось вносить каких-либо изменений и дополнений. Особое внимание уделяли составлению смет, представленных согласно проектам, а также правильным справочным ценам и другим уже существующим постановлениям по предполагаемому сооружению. Все работы должны были производиться «своевременно, успешно, прочно, правильно, по всем согласно утвержденным проектам и оканчивались непременно к определенному сроку» [256, с. 16]. Денежные суммы, предназначенные для строительства, следовало использовать бережно и правильно. Комиссия следила за состоянием дорог, причем, дороги разделяли на участки, для каждого из которых были выделены рабочие и подготовлены строительные материалы. Она также проверяла, утверждала сметы на работы, кондиции на постройки и сооружения, подряды на поставку строительных работ, а также разрешала постройку частных деревянных и каменных домов в губернских и уездных городах.

Процесс активных реорганизаций, происходивших в строительных комитетах и дорожных комиссиях Бессарабии в первой половине XIX в., является свидетельством того, что применительно к деятельности этих организаций правящая власть старалась найти наиболее эффективные методы и подходы с целью правильного и рационального распределения функциональных обязанностей всех тех, кто должен был отвечать за строительство и содержание дорог.

2.3. Основные архитектурные стили и направления

В первой трети XIX в. русский классицизм в архитектуре вступает в завершающую стадию своего развития. Известно, что корни классического периода уходят в далекое античное наследие. Классицизм (франц. *classicisme*, от лат. *classicus* – образцовый) – художественный стиль и эстетическое направление в европейской культуре XVII–XIX вв.

Главные особенности этого стиля в России проявляются в использовании ордерной системы; применении простых и ясных форм, строгой симметрии, четкой соразмерности частей и подчинения их общему замыслу, а также в предпочтении прямых линий и пропорциональности. Основываясь на лучших традициях Греции и Рима, классицизм характеризуется спокойной гармонией цветовых пастельных оттенков, благородством декора, а

также присутствием простоты и лаконичности форм в отделке, практичностью и целесообразностью. В сооружении зданий в классическом стиле достаточно важно было придерживаться принципов стилевого рационализма, геометризации и конструктивности, чтобы достичь большей выразительности за счет немногочисленных геометрических форм. И особенно следует подчеркнуть использование типовых «образцовых» проектов, в соответствии с которыми в XVIII–XIX вв. велось строительство российских городов.

Идеи классицизма особенно ярко проявились как в градостроительных проектах, так и в концепции по упорядочению плановой застройки всех губернских и уездных городов России. Еще в начале XVIII в. начинается узаконенное строительство массовых жилых зданий по «образцовым» проектам. Благодаря данному новому методу началась абсолютно другая застройка городов Российской империи с одновременной реорганизацией строительного дела. Конечно же, это отразилось на развитии архитектуры Бессарабии после 1812 г., хотя во вновь образованной Бессарабской области одним из главных условий управления этим краем было решение всех вопросов «по здешним правам и обычаям» [128, л. 4]. Возможно, именно поэтому, в сооружениях первой половины XIX в., встречаются черты, присущие молдавскому зодчеству. К этому же времени можно отнести проявление классического стиля в архитектурных сооружениях – культовых, общественных и жилых, постройках Бессарабии.

Говоря о столице Бессарабии, следует отметить, что Кишинев в конце XVIII в. – н. XIX в., расположенный на северо-западе и юго-востоке, «будучи еще владением монастыря Галата граничил с другими вотчинами этого монастыря: Боюканами и Мунчештами» [283, с. 76]. В тот период на холмах старого города из самых первых построек сохранились Мазаракиевская (1752), Рышкановская (1777), Армянская (1803), Ильинская (1806) и Благовещенская церкви (1807), имеющие характерный и традиционный для молдавского средневекового зодчества трехлепестковый план и так называемый «молдавский свод». Св. Архангело-Михайловская церковь – (или Старый собор), в г. Кишиневе была построена в 1810–1815 гг. Но до нашего времени сооружение не сохранилось. Изучая сохранившиеся фотографии и документы, можно сделать вывод о традиционности собора. «Центральная его часть, организуемая двумя апсидами, более развита и раскрыта на алтарь, благодаря чему внутреннее пространство приобретает целостный вид. Архитектурно-пространственная композиция здания развивается в глубину по продольной оси и заканчивается полукруглой алтарной апсидой» [10, с.16] (П.1.4).

Свято-Георгиевская церковь, построенная в Кишиневе мастером Иваном Зайчуком [297, р. 40] (П.1.5.) на средства болгарских переселенцев, предлагает удачное сочетание

архитектуры классицизма и молдавского средневекового стиля. Документы свидетельствуют о 1819 г. как дате ее постройки [187, л. 1]. Свято-Георгиевская церковь имеет трехчастную структуру плана. К нефу, включающему полукруглую апсиду с жертвенником и ризницей, а также наос и пронаос, пристроен притвор с колокольной. Криволинейные углубления в боковых стенах наоса напоминают боковые апсиды трехконховых молдавских церквей. Такие же углубления присутствуют и в пронаосе. Интересной особенностью храма является имитация молдавского свода на угловых трюмах и парусах, переходящего в цилиндрический барабан, украшенный декоративными ложными арками. Внешний декор культового сооружения выполнен в духе классицизма – это широкий карниз с дентикулами, лопатки, креповки, треугольные фронтоны и флесь, венчающая колокольную.

Вознесенская церковь была сооружена в 1830 г. также по инициативе прихожан болгарской общины. Прямоугольный объем нефа с колокольной, расположенной над западным притвором, напоминали архитектуру старомолдавских церквей. Высокий восьмигранный барабан над центральной частью нефа увенчан полусферическим куполом. Такой же купол перекрывает колокольную с арочными проемами. Алтарная часть представлена полукруглой апсидой, а у западного и южного входов находятся двухколонные портики [49, с. 168] (П.1.6.).

История Всесвятской церкви в г. Кишиневе начинается с 16 марта 1818 г., когда кишиневской жительнице Елене Матасарице было позволено построить на городском кладбище новую каменную церковь во имя Святителя Николая [183, л.5]. «План, выданный покойным митрополитом, находился у мастера Краевского, который подрядился строить эту церковь» [183, л.7-7 об.]. Документы свидетельствуют, что в 1822 г. она была заложена и переименована в кладбищенскую во имя всех святых, и только в феврале 1826 г. каменное строение стало считаться законченным, и эта церковь была «иконостасом и прочими нужными утварями и ризницею украшена» [183, л. 64]. Храм-ротонда построен в стиле классицизма. Основной объем круглый, который завершается большим куполом, расположенном на низком цилиндрическом барабане с оконными проемами на нем. Двухъярусная колокольная с венчающим ее куполом расположена над притвором, примыкающим к основному объему с западной стороны. Пилястры стен, завершающиеся карнизом, также подчеркивают классический стиль. Ранее здесь была открытая галерея с колоннами (П.1.7.).

Составленный на основе топографической съемки и утвержденный в 1834 г. генеральный план Кишинева (П.1.8.) наметил его дальнейшее развитие как будущей европей-

ской столицы. Был определен центр города, его главная площадь. В 1836 г. здесь появляются Рождественский кафедральный собор и колокольня. По проекту профессора Петербургской Академии художеств архитектора А. Мельникова, в стиле позднего русского классицизма возводятся эти крупнейшие сооружения того времени, ставшие главной доминантой города. И это уже «не скромный образец классической провинциальной архитектуры, а типичный памятник русского классицизма» [283, с.79] (П.1.9.).

В Болграде Спасо-Преображенский собор, построенный в 1833–1838 гг. (П.1.10), поражает схожестью с кишиневским Рождественским собором, автором которого был петербургский архитектор А. И. Мельников «Так, из всех проектов Исаакиевского собора только в вариантах Мельникова мы находим точно такую же обработку оконных проемов основного четверика» [82, с. 206]. Покровский собор в Измаиле (П.1.11.), автором колокольни которого считается одесский архитектор Иван Козлов, хорошо сочетался с первоначальной типовой постройкой этого города.

В 1836 г. в Кишиневе на средства купца Харлампия была построена Харлампиевская церковь. Крестово-купольное строение, с портиками, высоким барабаном, который завершается большим сферическим куполом; а стены, декорированные пилястрами, имеющие карнизы и тяги – все это напоминает о преобладании русского классического стиля [49, с. 513] (П.12.)

Освящение церкви во имя великомученика Феодора Тирона, известной также под названием Чуфлинской, состоялось 6 июля 1858 г. Она была воздвигнута на средства купца первой гильдии Анастасия Чуфли, в память и по завещанию его старшего брата Федора, в части города, именуемой Пески или Кавказ. Церковь украшена большими и малыми куполами на 8-гранных барабанах [49, с. 459]. Звонница, высокая, восьмигранная, имеющая 4 проема; перекрыта высоким шатром (П.1.13.).

В 1825 г. в Бендерах была сооружена соборная Преображенская церковь в самом городе с тремя престолами: Преображенским, Успенским и Николаевским (П.1.14.).

Другая каменная церковь во имя Святого Александра Невского, построенная в 1833 г., находилась в крепости. До 1807 г. этот храм занимал турецкую мечеть, но с 1822 г. старое здание начало разрушаться. Тогда был выделен участок для строительства, расположенный на главной крепостной улице – Цареградской (Константинопольской, позднее Софиевской), на месте старых торговых лавок между цитаделью и Цареградскими (Константинопольскими) воротами. В 1828 г. было начато возведение нового храма, а в 1833 г. строительные работы завершились. Храм на 600 молящихся фигурирует в списке губернских военных церквей Российской империи конца XIX в. [43, с. 48] (П.1.15.). Подчиненная

крестообразному плану, церковь Св. Александра Невского состоит из алтаря, наоса и нартекса. Вертикальными составляющими здания являются колокольня с арочными проемами, башня над наосом с восьмиугольным основанием и частично цилиндрическим, а частично восьмигранным барабаном, а также три декоративных башенки на крыше. Все эти башни имеют покрытия в виде шлема с дольками. Фасады боковых частей наоса выполнены, как и фасады нартекса, в духе архитектуры классицизма: портик-ризалит, состоящий из четырех пилястр с дорическими капителями, поддерживающих невысокий антаблемент и триглифно-метопный фриз, завершенный треугольным фронтоном. Все окна первого этажа храма заключены в резные наличники. Мощный карниз дублируется на фасаде наоса объемным пояском. Отдельные архитектурные и декоративные детали, а также планировочные приемы напоминают церковь Св. Александра Невского, построенную несколько позднее в Хотинской крепости. Пластика фасадов основывается на декоративных и архитектурных элементах из арсенала архитектуры неоклассицизма. Отметим, что внешний вид храма не особо изменился в течение времени, лишь крыша на колокольне из первоначального проекта была заменена на шлемовидное покрытие.

В Бельцах, согласно опубликованным источникам, в н. XIX в., Николаевская церковь была возведена боярином Георгием Панайотом по проекту прибывшего из Галиции архитектора Вейсмана. «Уникальное произведение представляет собой единственный образец архитектуры церкви такого типа на территории Молдавии. Оно сооружено по типу базилики: двусветные боковые нефы отделены от центрального нефа мощными столбами, на которых возведены стены верхнего среднего яруса» [257, с.81]. В углах размещены служебные помещения, прорезанные в верхних ярусах нефов прямоугольными проемами. Продольные стены снаружи украшены плоскими лопатками, наличниками и развитыми карнизами с фризом, имитирующим зубчики.

В Сороках, в числе городских зданий находились одна православная каменная церковь, одна еврейская синагога и три молитвенных дома.

В первой половине XIX в. в Хотине насчитывалось три православных церкви, из которых две каменные и одна деревянная; каменная армяно-григорианская церковь, одна каменная еврейская синагога и 6 деревянных молитвенных домов.

Но в это время церкви в стиле классицизма стали появляться не только в городах. Почти в каждом селе или так называемом местечке сооружались новые, в основном, каменные церкви, которые, как правило, заменяли ветхие деревянные, камышовые и плетневые храмы. Так, к примеру, в 1837 г. в местечке Липканах, недалеко от усадьбы помещиков Росетти-Рознован, была сооружена церковь Святой Екатерины – достаточно редкий

для Бессарабии тип храма с двумя колокольнями. Влияние архитектуры классицизма подчеркивает симметрично-осевая композиция. Центральным объемом является кубообразный наос с примыкающими к нему алтарем и пронаосом. Перед входом храма поставлены башни колоколен с двух сторон четырехколонного дорического портика. В стенах верхних ярусов башен оставлены арочные проемы, а внутри устроены винтовые лестницы [257, с. 94].

Также мы можем отметить рост многочисленных монастырей в этот период в Бессарабии, в которых наряду со старомолдавскими церквями, начинали сооружать храмы в предпочтительном для того времени византийском стиле. Св. Михайловская церковь в монастыре Жабка (П.1.16.), фасад которой решен в виде портика, увенчанного сложным, фигурным аттиком, поддерживаемым четырьмя изящными дорическими колоннами, была построена в 1825 г. Над кровлей возвышается граненый купол на восьмигранном декоративном барабане. Строение перекрыто скатной кровлей. Здания келий, построенные в середине XIX в., в плане, – прямоугольные, располагаются на высоком цоколе. На восточные фасады выходили открытые галереи с приземистыми колоннами упрощенного тосканского ордера [257, с. 384].

Каменная зимняя церковь Св. Митрофана в Каларашевском монастыре была построена в 1853 г. генералом Черкезом. С правой стороны от нее находится деревянная колокольня – старейшее сооружение монастыря. Церковь св. Митрофана, возведенная на верхней террасе, отличается раздробленностью композиции. Вытянутое по продольной оси здание состоит из притвора, центральной и алтарной части из трех апсид. Перед входом в храм – четырехколонный портик, увенчанный треугольным фронтоном, опирающимся на колонны тосканского ордера. Над нефом возвышается луковичный граненый купол на световом барабане. В объемно-планировочном решении и декоре церкви чувствуется влияние русского зодчества [257, с. 504] (П.1.17.).

В 20–30-е гг. XIX в., в основном, возводились постройки в классическом стиле, но в архитектуре некоторых зданий Бессарабии уже во второй половине 30–40-х гг. XIX в. начинают проявляться черты неоготики (псевдоготики) и романтизма.

Неоготика (псевдоготика) – стилевое направление в архитектуре, которое происходит от классицизма и является его составной частью на новом этапе развития. Основными характерными чертами неоготического направления являются: соединение ясных классических композиций с использованием элементов готики и европейского средневекового зодчества, а также воспроизведение пространственных решений с помощью новых конструкций и материалов.

В Кишиневе, по проекту итальянского архитектора Г. Торичелли в 1838 г. было построено здание лютеранской кирхи в Кишиневе в неоготическом стиле (П.1.18.).

В 1840 г. здесь же возводится здание римско-католической церкви. Это было прямоугольное в плане, трехнефное сооружение, главный фасад которого был обращен на центральную Московскую улицу, отмеченное двумя башнями, перекрытыми пологими куполами. Углы башни на верхнем ярусе были решены в виде полуколонн ионического ордера. Первоначальный проект и смета на строительство костела составил городской архитектор И. Гаскет, но окончательный проект был утвержден Петербургским архитектором Л. Шарлемань (Шарлемань 2) (П.1.19.).

В первой половине XIX в. в центре г. Кишинева развернулось строительство крупных административных зданий. В 1814 г. на ул. Московской появляется Митрополия с домашней церковью и хозяйственными постройками (на месте нынешнего здания правительства – прим. автора). Автор данного проекта – Архимандрит Иоанникий (П.1.20.). «Двухэтажное, разделенное поэтажной тягою, оно не имеет черт молдавской народной архитектуры. Композиция его предельно проста; строгая симметрия в расположении частей здания, выделенный центральный вход с нависающим над ним балконом, по бокам два ризалита, украшенные пилястрами и завершенные треугольными фронтонами» [283, с. 76]. В данном сооружении ярко проявились черты классицизма, что выражается в простой композиции, наличии оконных переплетов над ризалитами, симметричности и т.д.

В стиле классицизма были построены и первые здания тюрьмы (острога) в 1815 г., и госпиталь в Кишиневе в 1816 г., по проектам архитектора М. Озмидова и И. Гартинга.

Другой пример влияния русского классического стиля – это здание Духовной семинарии, построенное в 1817 г. по проекту этого же архитектора Иоанникия. Оно появилось недалеко от здания Кишиневской митрополии на углу улицы Семинарской (ныне ул. Бэнулеску-Бодони) и Киевской (ул. 31 августа) (П.1.21.). В то время это было первое учебное заведение, в котором получали образование не только дети священников, но и др. социальных слоев. «Двухэтажное здание семинарии, лишенное каких-либо декоративных украшений, отличается простотой и лаконичностью, характерной для провинциальных сооружений эпохи классицизма: строго симметричная композиция фасадов, высокий цоколь, прямоугольные, без наличников, окна и традиционный элемент главного фасада – колонный портик на уровне второго этажа» [283, с.77].

Еще одним примером влияния русского классицизма на архитектуру Кишинева в первой половине XIX столетия является двухэтажный доходный дом Монастырских, позднее гостиница «Швейцарская» на ул. Московской (сегодня городская библиотека им.

А. Хаждэу на Бульваре Штефан чел Маре ши сфынт, 148. – прим. авт.) (П.1.22.). Первые две постройки доходного дома с помещениями социального и торгового назначения, находящиеся на углу улиц Московской и Семинарской, были возведены по заказу секретаря Кишиневской Консistorии Ивана Монастырского и его жены Анастасии в 30-х гг. XIX в. [297, р. 470]. Здание было построено на специально отведенном участке для размещения присутственных мест и выполнено по образцам русских классических сооружений. Архивные источники свидетельствуют, что данный памятник имеет симметричный П-образный план. Обращают на себя внимание одинаковые угловые ризалиты с колонными фронтонами, напоминающими портики, присущие зрелому классицизму. Здесь четыре пристенные колонны ионического ордера поддерживают архитрав и треугольный фронтон с дентикулами. Между колоннами в наружной стене был прорезан ряд проемов: с полуциркульным завершением на первом этаже и прямоугольным начертанием – на втором. В пластику уличных фасадов включены межъярусные и венчающие карнизы, наличники оконных проемов, а также ажурный парапет с балюстрадами и столбиками. В центральной части фасадов, выходящих на улицы, расположены входы, акцентированные небольшими балконами с кованым ограждением.

Позднее, в 1840 г., ради огромного четырехсотпудового колокола, предназначенного для колокольни и не подошедшего по ее размерам, на одной оси с Кафедральным собором по проекту архитектора Л. Заушкевича соорудили Триумфальную арку, или «Святые врата» (П.1.23.). Заушкевич создал арку из четырех массивных опор, используя с трех сторон колонны коринфского ордера. «Чтобы зрительно сделать ее легче, он поднял эти колонны на высокое основание, продолжив вертикальное членение слегка выступающими пилястрами верхней части арки, которые находятся на одной оси с колоннами. Композиционную завершенность арке придают богато орнаментированные архитрав над капителями колонн, карнизы и декоративное панно с часами» [283, с. 80]. Это сооружение отличается спокойным величием и строгостью композиции. И вновь присутствуют элементы классицизма – «гладкие поверхности стен собора и колокольни здесь явно контрастируют с обилием декора арки, а крупные тяжелые формы первых – с легкостью и изменчивостью пластического решения “Святых” ворот» [283, с. 80]. Но этот комплекс стал, скорее всего, памятником позднего русского классицизма или ампира. Также для этого стиля было характерно, когда главные фасады зданий выходили на красные улицы, выделяясь четким построением: рустованного цоколя; использованием междуэтажных тяг, расчленяющих поверхности ярусов, пилястрами ионического, дорического или коринфского ордера, украшавших простенки; окнами, обрамленными наличниками, с завершением всей компо-

зиции антаблементом с орнаментальным фризом, увенчанным аттиком. Вокруг архитектурного комплекса заложили бульвар (ныне Соборный сквер – прим. авт.). Впоследствии о бульваре вместе с городским садом (ныне городской парк Штефан чел Маре – прим. авт.), который был основан в Кишиневе в 1818 г. и назван Александровским, стали говорить как о едином парковом пространстве. Это объясняется тем, что бульвар и сад в плане представляли прямоугольники и были спроектированы, как и регулярные парки, что также соответствовало принципам классицизма и проявлению их в Бессарабии. В Аккермане, в новой части города, также был посажен публичный сад, за которым прямо на берегу лимана возвышались «великолепные по наружности, двухэтажные военные казармы, с офицерским флигелем и четырьмя, по углам, круглыми башнями» [43, с. 140]. Казармы эти были построены в 1838 г. и предназначались для двух батальонов.

Романтизм также является стилевым направлением в архитектуре классицизма, основой для которого становится готика. Для данного направления в первой половине XIX в. характерно соединение традиций древнегреческой, римской архитектуры и других культур с особым предпочтением использования восточных элементов. Кроме этого, в строительстве, как правило, отсутствовали четкие правила и запреты, а также доминировали пастельные тона. Применялись разные арки, беседки, украшающие здания, а строительство башен имитировало древние оборонительные сооружения. При устройстве парков, фонтанов, водоемов стирались грани между естественным и искусственным подходами, особенно проявлялась свобода творчества зодчих.

Архитектор Г. Торичелли подготовил проект тюремного замка в Кишиневе. Это здание строилось с 1834 по 1864 гг. (П.1.24.). Подобно крепости, кишиневский острог представлял собой единый замкнутый объем с неприступными зубчатыми стенами и достаточно большим внутренним пространством двора с постройками, имеющими разное хозяйственное предназначение. Строение, похожее на средневековый замок, в плане представляло собой квадрат со срезанными углами, на оси каждого из которых располагались четыре башни прямоугольной формы. Кроме Торичелли, в строительстве замка принимали участие архитекторы Ф. Боффо, И. Гаскет, Л. Заушкевич и военные инженеры М. Любенков и Г. Морозов.

В течение 1829 г. тюремные замки начали возводить в Бендерах, Бельцах, Хотине практически по одному и тому же «образцовому» проекту, со строительством башен в готическом стиле. Причем Измаильский острог начали строить в 1831 г. В Аккермане тюремный замок, автором которого считается архитектор Л. Заушкевич [287, с 154], соору-

жался в 1837 г. также в стиле готики. Позднее тюрьмы строились в Бендерах согласно проекту 1842 г., в Кагуле – в 1849 г., а в Рени и в Оргееве – в 1850-х гг.

Элементы готики украшали каменный мост, который упоминается в документах за 1821 г. Перекинутый через овраг, пересекал дорогу, ведущую из местечка Атаки в с. Каларашовка. «Главный конструктивный элемент моста арка, пролетом 8 м – упирается на две пирамидальные пяты». [257, с. 505]. Два контрфорса поддерживают мост с обеих сторон. Проезжая часть шириной 6 м ограничивается перилами. Общая высота сооружения 14 м. Мост сложен из блоков тесаного косоуцкого камня.

В 1849 г. недалеко от Вулканешт по проекту архитектора Ф. Боффо была сооружена «триумфальная колонна дорического греческого ордена» [259, с. 17] – в память о событиях, связанных с разгромом турецких войск в 1770 г. армией генерала Петра Румянцева (П.1.25.). Это еще один пример проявления ампира, подчеркивающего закат классического стиля. В данном памятнике он представлен в виде памятной колонны. Как правило, градостроительные и художественные идеи этого направления были продиктованы политической жизнью, когда мемориальная архитектура служила для прославления и увековечивания военных подвигов.

Что касается жилой застройки, в н. XIX в. по своему внешнему облику Кишинев мало напоминал город. Он был вытянут вдоль правого берега реки Бык и состоял из разобщенных неблагоустроенных слобод, кривых улиц и переулков. Не было четко обозначенного центра и общественных зданий. А такие строения, как дома Загородного и Стоянова (П.1.26.) представляли собой достаточно яркие примеры рядовой застройки того периода. Это были «типичные образцы молдавского сельского жилища. Одноэтажные, на высоком подклете, с характерным выносом кровли, которую поддерживают резные декоративные колонки, образующие традиционную террасу; с кладовой, расположенной тут же, под террасой, с небольшим приусадебным хозяйством за домом. Эти дома, хотя и принадлежали, по-видимому, зажиточным горожанам, выделялись среди остальной застройки разве что размерами» [283, с. 76]. И, конечно же, этим они отличались от сооружений классического стиля, который в то время главенствовал в архитектуре России. В облике частных жилых домов бояр Катаржи, Варфоломея (П.1.27.), Доница и некоторых других крупных чиновников и купцов прослеживались классические принципы в сочетании с местным народным колоритом. «Главная отличительная черта жилых домов того времени – наличие открытой галереи, свидетельствующей, с одной стороны, о следовании традициям молдавского жилища, с другой – о влиянии русского усадебного строительства эпохи классицизма» [283, с. 78]. Именно открытая галерея молдавского жилого дома, а

также, выполненные первоначально из дерева колонны преобразались в тяжелые, несущие опоры тосканского ордера и будущий портик в общественных и жилых учреждениях. Такие колонны, как правило, опирались на землю или могли образовывать двухэтажные галереи, подобно знаменитому дому Гладилина (П.1.28.). В это время в строительной практике обычно использовали бутовый камень, котелец-ракушечник и кирпич-сырец, из которого возводили стены, а дерево служило для устройства галерей и изготовления карнизов.

Город Бендеры вообще не отличался особенными постройками в архитектурном отношении, кроме нескольких вновь выстроенных частных домов, служащих его украшением. Все остальные дома были небольшие, одноэтажные, крытые шелевками или драпировками. Предместья города состояли из обыкновенных сельских построек.

В Болграде в основе «образцовой» застройки находились особенности стиля молдавского сельского национального жилища, но уже чувствуется влияние классицизма, благодаря которому новые дома приобретали городские очертания. Не исключено, «образцовый дом» с портиками-галереями в Измаиле был построен по проекту А. И. Мельникова в 20–30-е гг. XIX в.» [82, с. 201] (П.1.29.).

Проекты «образцовых» кварталов в России были разработаны архитектором Василием Гесте (William Hastie). В 1809 г. он разработал в Царском Селе планы этого города и зданий для его застройки, что явилось основой для составления образцового проектирования. С начала XIX в. этот известный зодчий шотландского происхождения сделал «Царское Село своей «творческой лабораторией», распространяющей передовой градостроительный опыт по всей России. Альбомы с «образцовыми фасадами» жилых домов, составленные архитекторами В. Гесте и Л. Руска, направлялись в провинцию для руководства при застройке запроектированных геометрически правильных городских кварталов. В дополнение к альбомам «Собрания фасадов», вышедшего с 1809 по 1812 гг. в пяти выпусках, непосредственно самим В. Гесте были разработаны 26 образцов различных вариантов квартальной застройки, которые также в виде гравированных альбомов (исполненные по заказу – прим. автора) рассылались по губерниям для использования при проектировании кварталов и разделении их на участки [328].

Архитекторы и землемеры руководствовались проектами жилых кварталов, напечатанных в альбоме «Разделение жилых кварталов на обывательские места», составленном зодчим Гесте. Эти гравированные чертежи состояли «из 19 планов кварталов и 7 планов площадей, оглавления и четырех листов с заглавиями» [6, с. 121], с выгравированным именем Гесте на последнем 26-м чертеже. На них не был указан масштаб, кварталы как и

владельческие участки, были неравноценны и количество владений в каждом участке было разным; одинаковой была только ширина участка в каждом квартале – 15 саженой. Все это составляло трудности при определении размеров кварталов, площадей, владений. Проекты кварталов Гесте предусматривали застройку улицы по красной линии сооружениями, которые были расположены симметрично по его фронту, при этом подчеркивая ось домов на углах и по оси квартала. «Каждый владельческий участок имел сад, огород и двор с хозяйственными постройками. Этот принцип размещения домов на территории квартала и система нарезки владельческих участков выдержан во всех «образцовых» планировках, собранных в альбоме, даже на малоудобных по форме (сегмент, ромб, треугольник и т. п.) кварталах» [6, с. 122].

Постепенно расширялись границы новых городов в Бессарабии. Прямоугольная и четкая сетка широких улиц соответствовала градостроительной практике застройки южных городов России. В старом городе предпринимались попытки спланировать улицы и кварталы: некоторые дома сносились, улицы выравнивались. «В соответствии с классическими градостроительными приемами сети улиц приобретают регулярное начертание, а дома возводятся преимущественно по “образцовым” проектам начала XIX в.» [283, с. 78]. Были предприняты первые шаги по городскому благоустройству. Появились уличные фонари, осушались болотистые земли нижней части города. Архитектура того периода была ордерной, кварталы и площади в городах строились в виде геометрических фигур с правильными углами и зданиями, симметричными в объеме.

В это время в основу разработки «образцовых» проектов жилых домов, усадеб, кварталов был положен так называемый принцип «регулярности», который служил главным фактором и при планировке города.

2.4. Архитектурно-планировочная организация городских поселений Градостроительство Бессарабии после 1812 г. развивалось согласно российским законодательным нормам в области архитектуры. В создание неповторимого облика местных городов внесли свою лепту многие, в том числе известные зодчие того времени – представители разных стилей и направлений. Почти все уездные и губернские города Бессарабии начинали вновь проектировать согласно принципам стилевого рационализма и застраивать, используя альбомы с «образцовыми» проектами.

До образования Бессарабской области официально статус города имели: Бендеры, Тучков (Измаил), Аккерман, Килия, Рени и Хотин.

После 1812 г. в градостроительстве Бессарабии начинается процесс как коренной перепланировки городов, так и их быстрой застройки. Согласно законодательным нормам того времени, города проектировали в соответствии с «высочайше» апробированными планами. Для этой работы привлекали квалифицированных и опытных архитекторов, военных инженеров, землемеров из разных губерний. Первая попытка составления плана Кишинева была предпринята в 1813 г. Затем, в 1817 г., по проекту одного из первых архитекторов – Михаила Озмидова, был определен центр города, спланированы новые улицы и кварталы. застройка велась преимущественно западнее старого города, на склоне, возвышающемся над застроенной болотистой долиной. Новый район получил название верхнего города. Здесь появились первые прямые и широкие улицы. К 1818 г. Кишинев и Бельцы тоже стали называться городами, причем Кишинев с этого периода становится столицей Бессарабии. Позднее городской статус получили Сороки, Оргеев, Кагул и Болград. Также, следует выделить из них города с крепостями, а именно: Бендеры, Аккерман, Измаил, Хотин и Сороки.

Одним из первых, кроме Кишинева, застраивался г. Бендеры. В соответствии с утвержденным в 1813 г. планом этого города, «разбивка жилых кварталов намечалась от крепости. Территория, отведенная под застройку, в плане представляла собой вытянутый прямоугольник, меньшей стороной, обращенный к реке» [10, с. 11].

Проект по г. Болград, расположенного на восточном берегу озера Ялпуг, плана по систематизации был подготовлен в 1821 г. [313, с. 38]. Строгая геометрическая планировка улиц разделяет город на правильные квадраты. Причем, каждая поперечная улица ведет к озеру Ялпуг и регулярному парку, созданному здесь в стиле классицизма.

В 1831 г. инженер-полковник Алексеев составил план г. Килия. Согласно его проекту, вся площадь город делилась на 186 одинаковых прямоугольных жилых кварталов [10, с. 13]. Главная площадь была окружена кварталами, где предполагалось строительство здания присутственных мест и городской ратуши. На другой площади, Купеческой, собирались построить торговые ряды. Но в данном проекте не учитывалась река Дунай, на берегу которой располагался город.

План Кагула был составлен землемером Степаном Микулиным и утвержден в 1845 г. Вся территория города была разделена на квадратные кварталы со стороной в 50 саженей. Несмотря на геометрически правильную регулярную планировочную систему, «С. Микулину все же удалось довольно-таки удачно вписать прямоугольную сетку жилых кварталов в сложный участок местности, ограниченной с трех сторон непригодными для застройки землями, расположенными в районе реки Балача и ее притока» [10, с. 13].

Согласно плану г. Сороки, составленному землемером В. Скавронским и утвержденному в 1846 г., вся площадь из жилых кварталов располагалась в бассейне реки Днестр. В этом случае в проекте тоже использовалась регулярная система разбивки улиц, и был учтен сложный рельеф местности с расположенной на ней крепостью. «Скавронский пытался также максимально сохранить существующие жилые здания, подчинив их размерам и конфигурацию проектируемых кварталов, несмотря на то, что большая часть из них была застроена деревянными домами» [10, с. 13].

Первый план г. Бельцы был составлен землемером К.А. Поморцевым [10, с.13], однако утвердили его только в 1846 г. Главная цель данного проекта состояла в сохранении исторической городской структуры. В основе этого плана находились несколько площадей, вокруг которых группировались жилые кварталы, имевшие радиальную направленность. Интересно, что в Бельцах торговые и хозяйственные постройки составляли единую композицию с церковью, расположенной в центре гостиного двора, недалеко от одной из торговых площадей. В дальнейшей практике градостроительства Бессарабии такой подход, в отличие от русских городов, не получил широкого распространения.

Кроме рассмотренных городов с регулярной планировкой, в городах Аккерман и Бельцы для проектирования использовалась радиально-веерная планировочная структура. Согласно проекту областного землемера Богдана Эйтнера, было учтено значение Аккермана как портового города, к центру которого сходились все торговые пути в строго радиальном направлении. При этом жилая застройка была разрешена вдали от расположения крепости, из-за чего замедлялось быстрое развитие города.

Подобно Кагулу, в 1849 г. в Измаиле (Тучков) также утвержден проект города, представлявший собой в плане территорию, разбитую на 459 прямоугольных, практически равных по размерам жилых кварталов, находящихся восточнее крепости, ниже по течению Дуная [10, с. 11-12]. Измаильский архитектор И. Домбровский [313, с. 125] составил данный проект согласно принципам классицизма. Главный Дунайский проспект делил Измаил на две неравные части и являлся главной осью в композиции планировочной структуры города. Предполагалась застройка 5 площадей, гостиных рядов, причем, основной Св. Преображенский собор должен был размещаться на оси Дунайского проспекта (П.1.30.).

В НАРМ содержатся сведения о том, что ходе переписки с Бессарабским областным правлением о доставлении планов городов Бендер, Хотина, Килии и Измаила землемер Богдан Эйтнер [140, л.4] в июне 1851 г. сообщал о дополнительной съемке г. Килия, которой занимался младший архитектор Бонташ в 1849 г. Также Эйтнер подтвердил, что

«высочайше утвержденные планы» городов Бендеры и Хотин уже находились в ведении Министерства внутренних дел.

В 1849 г. также были разработаны планы городов Оргеева и Рени [142], а в 1852–1853 гг. проекты Измаила и Килии были вновь пересмотрены. Причем на плане Оргеева кварталы не были разбиты на жилые участки, а улицы не имели 10-саженной ширины, полагающейся по закону, в то время как на проекте г. Рени были вновь спроектированы улицы, и намечалось расширение города.

Таким образом, в градостроительстве Бессарабии, согласно законодательным нормам в архитектуре первой половины XIX в., на смену свободной системе улиц приходит регулярная застройка. В соответствии с канонами классицизма, применявшимися в русском градостроительстве, были разработаны и утверждены проектные планы бессарабских городов.

2.5. Выводы по главе 2

1. В первой половине XIX в., согласно Строительному уставу Российской империи, особые правила действовали в области строительства и архитектуры на территории России и всех прилегающих к ней губерний и областей, включая Бессарабию. Основной особенностью этого периода было использование «образцовых» проектов, как для казенных зданий, так и для частных построек. Они создавались с учетом строительства города в целом, разрабатывались и рассылались по губерниям в виде серий проектов, куда входили планы домов, различающихся по размерам, этажности, внешнему декору и др. Сам метод применения «образцовых» (нормальных) проектов, особенно для фасадов, благотворно сказался на достижении целостной застройки бессарабских городов. Но в то же время эти проекты не учитывали климатических условий и национальных особенностей разных городов Бессарабского края, поэтому могли быть только основой, на которой впоследствии разрабатывались новые проекты. Был издан ряд законов, направляющих деятельность местных архитекторов, установивших правила построения фасадов, высоту и длину жилых домов, расстояния между зданиями и др.

2. В бессарабских городах создавались строительные комитеты и дорожные комиссии, которые совместно с Департаментом государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел и гражданскими губернаторами отвечали за благоустройство городов и селений и следили за правильностью возведения строений в Бессарабии, не допуская никаких отступлений от действующих нормативов в архитектуре. Согласно архивным документам, в них активно работали зодчие Бессарабии. Постоянное

реформирование строительных организаций в первой половине XIX в. свидетельствовало о непрерывном поиске более эффективных форм для четкого определения функций, правильного ведения дел в строительстве и наблюдения за состоянием дорог в Бессарабии.

3. После 1812 г. в Бессарабии при упорядочении кварталов и улиц в городских поселениях стала использоваться регулярная планировка. Появились «высочайше» утвержденные проекты следующих городов: Кишинев (1834 г.), Бендеры (1813, 1849 гг.), Болград (1821 г.), Килия (1831 г.), Кагул (1845 г.), Сороки (1846 г.), Измаил, Оргеев (1849 г.) и др. Во всех этих городах архитекторы и землемеры предложили регулярную «гипподамову» планировку, кроме Аккермана и Бельц (1846 г.), где использовалась радиально-выерная планировочная структура.

4. В начале XIX в. российским архитектором В. Гесте по просьбе Строительного комитета были разработаны «образцовые» проекты, которые отправляли во все губернии России, в том числе и в Бессарабию. В целом, эти проекты сыграли важную роль в застройке бессарабских городов в первой половине XIX в.

5. В этот период в Бессарабии – как при возведении общественных строений (здания Кишиневской митрополии и семинарии, Триумфальная арка в Кишиневе и др.), культовых сооружений (Кишиневский кафедральный собор, Бендерский и Болградский Преображенский соборы и др.), так и жилых построек (дома Варфоломея, Катаржи и др. в Кишиневе, здания в Измаиле и Болграде и др.) – проявлялись черты русского классицизма. Тем не менее, при этом частично мог сохраняться местный национальный колорит (дома Варфоломея, Катаржи, а также Георгиевская, Чуфлинская, Вознесенская и другие церкви).

6. В 30–40-х гг. XIX в. в Кишиневе по проекту итальянского архитектора Г. Торичелли были сооружены здания евангелической церкви и тюремного замка в стиле псевдо-готики и романтизма, что свидетельствовало о начале перехода от классицизма с его строгими канонами ордерной системы к новым, более свободным архитектурным формам. Художественные идеи ампира находят свое отражение в Триумфальной арке в Кишиневе, спроектированной архитектором Л. Заушкевич и Памятнике Кагульской битве в Вулканештах. Соответственно, можно говорить о намечавшемся переходе от принципов классицизма к эклектике в архитектуре Бессарабии, ярко проявившейся в сооружениях зодчества второй половины XIX в.

7. В то же время, согласно «образцовым» проектам, продолжается строительство зданий для почтовых экспедиций, карантинных домов, богаделен, конюшен, госпиталей и других сооружений, возникновение которых было продиктовано временем и

способствовало быстрому росту городов и сел Бессарабии. Хотя до настоящего времени, застройка Бессарабии первой половины XIX в. сохранилась лишь частично, имеющиеся немногочисленные архитектурные памятники, безусловно, являются ярким свидетельством творческих достижений зодчих в эпоху классицизма.

3. СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА ЗОДЧИХ БЕССАРАБИИ

(1812 – 30-е гг. XIX в.)

Период 1812 – 30-е гг. XIX в. в Бессарабии – это начальный этап градостроительной политики Российской империи, основанной на быстром росте «образцовых» центров на территориях, приобретенных в результате внешних военных конфликтов. С одной стороны, можно говорить о явном градостроительном прогрессе, а с другой – об отходе от прежних методов, принятых в строительстве. Новая власть обращалась к услугам специалистов, имеющих собственное представление об «идеальных» городах. Применение жестких геометрических планов и схем могло приводить к формальному делению поселений на равные квадратные или прямоугольные кварталы, при этом окружающий ландшафт и климатические условия часто не принимались во внимание. Иногда контраст между старой, средневековой частью города и новой был совершенно разительным. Следует отметить, что в данный период облик бессарабских городов был обусловлен спецификой русской градостроительной школы, и, конечно, «лицо» населенных пунктов Бессарабии напрямую зависело от таланта и мастерства зодчих, приглашенных из Российской империи и Европы.

Градостроительство Бессарабии было отмечено началом топографических съемок, проводившихся, в основном, землемерами и военными инженерами. Первый план Кишинева, составленный в 1813 г., не сохранился. Но позднее в 1817 г. был создан новый план города, к которому прилагалось описание всех городских зданий с указанием имен их владельцев. Также в период 1812 г. – начало 30-х гг. были составлены первые проекты бессарабских городов, таких как Бендеры, Килия, Аккерман и Болград.

Для проектирования общественных зданий использовались правильные геометрические фигуры, ставшие основой для многих городских планировочных схем. Первоначальная застройка бессарабских городов характеризовалась использованием безордерных композиций. Примером могут быть складские помещения или провиантские магазины и соляные конторы, спроектированные архитекторами, землемерами и военными инженерами. Используя нормальные проекты, «достигалась не только экономия во времени проектирования и сокращение штата проектировщиков, но и обеспечивалось единство стиля и достаточно высокое качество массовой застройки [194, с. 120]. Предполагалось строить неограниченное количество объектов в пределах одного, нескольких городов или всего государства. Это касалось строительства не только жилых домов, церквей, но и таких сооружений, как тюрьмы, госпитали, казармы, карантин, здания присутственных мест,

станционные и почтовые дома, мосты и др.

Известно, что классический архитектурный стиль в своем развитии прошел несколько стадий: от раннего до зрелого и позднего классицизма. В зодчестве Бессарабии ранний период его развития приходится на 1812 – начало 30-х гг. XIX в. Согласно Строительному уставу законодательство Российской империи в архитектурной области начинает распространяться на все ее губернии, в том числе и на Бессарабию, когда основные принципы сооружения зданий регламентировались «альбомами образцовых фасадов» или «образцовыми» проектами, которые были разработаны мастерами классического стиля в Санкт-Петербурге.

После создания в 1813 г. Кишиневской и Хотинской епархии митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони настоял на сооружении митрополии в 1814 г., а в 1817 г. – на строительстве семинарии. В это же время в Кишиневе были возведены первые здания острога и госпиталя также в стиле раннего, провинциального классицизма. Фасады новых сооружений решались, в основном, с использованием строгой симметрии. Так, в НАРМ хранится дело по рассмотрению предписания Министерства полиции о постройке фасадов частных домов в Бессарабской области согласно утвержденным планам в период 09.04.1814–15.06.1815 гг. [85]. Характерно, что было подготовлено свыше 200 проектов, и при этом строго требовалось точное соблюдение норм утвержденного образца.

Все вопросы, связанные с открытиями строительных комитетов Измаила и Кишинева решались именно в период 20-х гг. XIX в. Измаильский строительный комитет начал действовать в 1820 г., а в 1825 г. такой же комитет был создан и в Кишиневе. Согласно правилам, утвержденным 30 июня 1826 г., в ведении Кишиневского комитета находились городской архитектор и главный смотритель «за производством казенных построек и починок, из чиновников, знающих совершенно архитектуру» [92, л. 15]. В это время принимается ряд мер по благоустройству городских населенных пунктов.

3.1. Персоналии зодчих и их творения

После 1812 г. проявилось творчество многих ярких индивидуальностей, талантливых архитекторов, военных инженеров и землемеров, усилиями которых в своей основе и был создан архитектурно-исторический облик Бессарабии. Среди них: Франс Деволан, Егор Ферстер, Антон Тирнберг, Иван Гартинг, Михаил Озмидов, Иосиф Беттини, Андрей Росицкий, Михаил Нейман, архимандрит Иоанникий, Гавриила Гордеев, Богдан Эйтнер, Андрей Глейниг, Иоганн Спет, Александр Штауберт и др.

3.1.1. Ф. Деволан, Е. Ферстер

Один из первых военных инженеров, чье имя связано с историей строительства Бессарабии – **Франс Павлович Деволан (Francois Sainte de Wollant)** (1752–1818, Санкт-Петербург) (П.1.31.). Прибыв из Голландии, он приступил к службе в России, начиная с 1787 г. К этому времени он уже был опытным специалистом в области градостроительства и оборонного зодчества, так как проходил службу в голландских колониях Северной Америки, где принимал участие в составлении топографических съемок, возведении крепостей и разработке различных картографических материалов, а позднее – в подготовке атласа юго-восточной части Голландии [205, с. 7]. В 1788-1790 гг. в армии князя Г. Потемкина отвечал за строительные заказы верховного командования, составлял проекты новых поселений и построил ряд фортификационных объектов. Исполнял должность первого инженера армии, участвовал в компании против турок – осаде и взятии Каушан, Аккермана, Паланки, Аккермана, Измаила, Килии и других населенных пунктов на Дунае.

С этого времени сохранился топографический план Бессарабского укрепления Паланки, подписанного Ф. Деволаном 24 сентября 1789 г. [302, с. 108-110]. Здесь крепость трапециевидного плана усилена земляными бастионами-бурчами, а также двумя каменными башнями – угловой цилиндрической и въездной призматичной [276, с. 69]. Еще один топографический план, составленный Ф. Деволаном в Молдавии – это план Бендерской крепости и села Новые Парканы, расположенного на левой стороне Днестра [326, 10.10. 2015] Здесь наряду с оборонительным сооружением, выполненном в лучших западноевропейских фортификационных традициях, изображено приднестровское поселение, расположенное на пересечении двух взаимно перпендикулярных артерий, ведущих за пределы застроенной территории [276, с. 69].

Ф. Деволан руководил Экспедицией южных крепостей, целью которой было укрепление новых имперских рубежей. В результате рекогносцировочных работ на Днестре, в Причерноморье, Крыму и Приазовье были запроектированы и построены крепости в Тирасполе, Овидиополе, Кинбурне, Перекопе, Евпатории, Севастополе, Феодосии, Керчи и на Таманском полуострове [205, с. 8]. Важнейшая роль в системе Днестровской оборонительной линии предназначалась Тираспольской бастионной твердыне, которая должна была противостоять Бендерской, расположенной на противоположном берегу Днестра [260, с. 71-72]. Она имела вытянутую звездообразную форму, не отличаясь геометрической четкостью плана. В ее состав входили шесть бастионов и внешняя система укреплений, состоящая из оборонительного рва, плацдармов, контргард тенального начертания,

прикрытого пути и кронверка [276, с. 70]. Внутри находилась парадная площадь внушительных размеров, посередине которой была возведена церковь Св. Андрея в виде ротонды [314, р. 151-156].

Овидиопольская крепость планировалась Ф. Деволаном как твердыня, противостоящая Аккерманской. Симметричная относительно продольной оси, тенального начертания, она оборонялась плацдармами и полубастионами, характерными для голландской фортификационной школы [276, с. 71].

Вместе с другими военными инженерами голландский наемник участвовал в создании системы городов в конце XVIII – начале XIX вв., которые впоследствии стали территориями земель юга Украины, Крыма и Молдавии. Он участвовал в разработке градостроительных планов Николаева, Новочеркасска, Каменск-Шахтинска, Бахмута и др. Благодаря его стараниям были основаны такие города как Одесса, Тирасполь, Перекоп, Овидиополь, Григориополь и Вознесенск. Так город Тирасполь, запроектированный Деволаном в 1792 г., имеет форму прямоугольника с отсеченным юго-западным углом, разбитым, согласно «гипподамову» принципу, на равновеликие прямоугольные и квадратные жилые кварталы. Большая площадь, выходящая торцом на Днестр, становится главным композиционным узлом всего поселения. Вдоль реки проходит широкий проспект, застроенный наиболее значимыми зданиями.

Представляет интерес проект еще одного городского поселения, находящегося ныне на территории Республики Молдова, разработанный Ф. Деволаном в 1792 г. Это город Григориополь, основанный в честь главнокомандующего российской армией Григория Потемкина, куда были переселены 600 армянских семей из Бессарабии. Его планировка подчинена в целом прямоугольной сети, и лишь у поворота Днестра используется двухлучевая система [260, с. 160-161]. Главная площадь города обращена торцовой стороной к воде. В центральной части планировалась постройка соборной церкви, гостиного ряда, консистории, торговых рядов и др.

Еще один молдавский город, запроектированный Ф. Деволаном – это поселение Новые Дубоссары [260, с. 162]. Но здесь, ввиду недостатка средств, проект не был реализован полностью, и большая часть города сохранила нерегулярную, паутинообразную структуру.

В 1797 г. голландский наемник получил чин генерал-майора и возглавил Департамент фортов и крепостей Санкт-Петербурга, Кронштадта, Шлиссельбурга, Архангельска и Москвы. Как член инженерной экспедиции Военной коллегии занимался укреплением ряда населенных пунктов Российской империи.

На протяжении 1800–1810 гг. он занимался широкомасштабными гидротехническими работами, а также проектировал и строил дороги шоссейного типа. С 1812 г. Ф. Деволан был призван в действующую армию и исполнял должность главного управляющего путями сообщений до окончания наполеоновских войн. Последние годы жизни жил в Санкт-Петербурге и работал в департаменте водных коммуникаций в качестве инженера-гидравлика и градостроителя.

Франц Деволан умер 13 ноября 1818 г. в Санкт-Петербурге. Он оставил заметный след в развитии инженерного искусства в разных уголках Российской империи, в том числе и в Бессарабии. Первый инженер в армиях Григория Потемкина и Александра Суворова; архитектор Одессы, Тирасполя и других городов; строитель первого чугунного моста в Санкт-Петербурге; создатель самой большой водной системы в Европе, связавшей Санкт-Петербург с Волгой и так далее, прошел путь от простого голландского капитана до российского министра [197]. К 200-летию основания Одессы, учитывая выдающиеся заслуги Ф. Деволана, была открыта мемориальная доска и установлен бронзовый бюст у въезда в Одесский торговый порт.

Вместе с Ф. Деволаном работал военный инженер **Егор Христианович (Крестиннов) Ферстер (Georg von Foerster)** (1756 – 04.11.1826, Бендеры). Его формулярный послужной список хранится в РГВИА г. Москвы [226, л. 336-341]. Он происходил из брауншвейгских дворян. В 1786 г. Ферстер из капитанов прусской армии был принят в российскую армию в чине подпоручика и зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. Впоследствии он прославился, как российский командир эпохи наполеоновских войн. Предложения Ф. П. Деволана по созданию генерального плана Одессы были поддержаны Е. Ферстером, в то время занимавшего пост начальника инженерной команды Экспедиции по строительству одесской гавани. Позднее этот выдающийся специалист возглавил Строительный Комитет Одессы, созданный благодаря деятельности Деволана [205, с. 7]. С 4 сентября 1808 г., в качестве коменданта в Одесском строительном комитете осуществлял надзор за строениями и оборонительными казармами [226, л. 338].

Участвовал в боях с турками в 1806–1807 гг. В начале военного похода была взята крепость Аккерман, и Егор Ферстер некоторое время исполнял там обязанности коменданта. В декабре 1806 г., будучи командиром отряда, участвовал в осаде Килии. Но 3 марта 1807 г., при неудачной попытке штурма Измаила, получил тяжелое ранение, был вынужден отступить и оставить театр военных действий.

В 1809 г. Е. Ферстер был направлен в распоряжение черноморских крепостей и назначен командиром отряда. За отличие и мужество, проявленное при осаде крепости в Анапе, был произведен в чин генерал-майора. В Отечественную войну он сражался в армии князя Петра Ивановича Багратиона, где стал начальником инженерных войск и руководил укреплением военных позиций, ремонтом дорог, постройкой мостов и др. За участие и проявленную храбрость в Бородинском сражении получил орден Святой Анны 1-й степени. Также он был награжден золотой шпагой с алмазами за то, что участвовал в боях под Малоярославцем, Вязьме и под Красным. В 1813 г. Егор Ферстер возглавлял инженерную команду в Польской армии и руководил осадными работами под Гамбургом.

12 июня 1815 г. по предписанию генерал-лейтенанта и кавалера Карла Ивановича Оппермана он был прикомандирован в Бессарабию «для обозрения крепостей Аккермана, Килии, Измаила и Бендер и сочинения на оборону оных новых проектов» [226, л. 341]. А 15 августа 1816 г. военного инженера Ферстера направили в Рени «для снятия на план удобного места с целью сочинения плана будущей новой крепости на Дунае» [226, л.341].

В РГВИА, в фонде Главного инженерного управления, хранится ряд дел, связанных с проектированием и строительной деятельностью этого специалиста, а именно: о рассмотрении проекта генерал-майора Ферстера по реконструкции Измаильской крепости и укреплении ее земляной обсыпкой (16 октября 1815 – 25 мая 1816 г.) [209], проект начальника инженеров Южной армии, а также инженера и генерал-майора Ферстера по реконструкции Килийской крепости с препроводительным рапортом за 1815–1816 гг. [211], проекты инженера и генерал-майора Ферстера и генерал-лейтенанта Оппермана по реконструкции Бендерской крепости за 1816–1817 гг. [312], проекты начальника инженеров 2-й армии, инженера и генерал-майора Ферстера о реконструкции Аккерманской крепости со сметами расходов материальных и денежных средств за 1816 г. [210] и др.

5 ноября 1817 г. Е. Ферстер был назначен командиром Дунайского инженерного округа в должности командира инженеров 2-й Польской Армии. Известны его проекты по осмотру крепостей в Бессарабии на левом берегу Днестра. Это подтверждается архивными документами, хранящимися в РГВИА, такими как заключение генерал-майора Ферстера о состоянии крепостей Тирасполя и Одессы за 1818 г. [213], а также переписка генерал-майора Ферстера по инженерной части о трех проектах по укреплению Хотинской крепости в 1818 г. [214] и др.

В РГВИА также хранятся сметы, составленные военным инженером Е. Ферстером. Это: краткая смета расходов на усиление Хотинской крепости [217], смета, составленная на сооружение каменных построек, жилых домов для офицеров и казарм для солдат в Из-

маильской крепости за 1819 г. [215, 216], а также докладная записка инженера и генерал-майора Ферстера о перестройке Измаильского укрепления в первоклассную крепость и о сооружении при ней бассейна для стоянки гребной Дунайской флотилии [208], представленные им в 1819–1820 гг. Но данный вариант модернизации Измаильской бастионной крепости, состоящей из укрепленного опорного пункта, бассейна для стоянки гребной флотилии и кронверка, как и другой оригинальный проект, предусматривающий строительство кронверка на озере Чатал, не были реализованы.

В последние годы своей жизни военный инженер находился в Бендерах, руководя проектными работами по усилению крепости. 20 сентября 1821 г. был произведен в чин генерал-лейтенанта. Занимал пост Управляющего Херсонским округом. Егор Ферстер скончался в Бендерах по болезни 4 ноября 1826 г., где и был похоронен на городском кладбище.

3.1.2. И. Гартинг, М. Озмидов, А. Тирнберг

У истоков проектирования по составлению плана Кишинева стоял военный инженер, генерал-майор, один из первых военных начальников Бессарабской области **Иван Маркович Гартинг (Johann Festus Harting)** (1768–1831) – Бессарабский гражданский губернатор с 17 июня 1813 г. по январь 1816 г.

И. Гартинг родился в 1768 г. Был крещен с именем Жан-Фестус. Его родители – представители известной голландской аристократии. Освоив знания военной инженерии, в 1783 г. И. Гартинг уезжает в Россию и здесь, в чине прапорщика вступает в российскую армию. В 1786 г., будучи военным инженером, участвует в боевых действиях российских войск в Финляндии. Позднее переезжает на юг, на Черноморское побережье. В 1789 г. он был в российских воинских частях, осаждавших крепости Кинбурн, Очаков. В 1792 г. его в качестве обер-квартирмейстера отправляют в Польшу. В 1794 г. инженер значится в составе русских войск в Персии, а 1798 г. – в Австрии. В 1799 г. И. Гартинг в составе армии А. Суворова принимает участие в походе в Италию, переходит Альпы, руководит инженерными работами при осаде Турина, где получает серьезное ранение. К этому времени Гартинг имел уже воинское звание инженера и генерал-майора. В ноябре 1800 г. он получает направление в Херсон и вступает в должность командующего южными крепостями и инженерной командой. В составе государственных комиссий проверял состояние крепостей, как на юге, так и на севере России.

В «Записках Императорского Одесского Общества Истории и Древностей», в статье, посвященной гражданскому устройству Бессарабской области в 1812–1828 гг., гово-

рится об истории Бессарабии во время управления Ивана Марковича Гартинга «в самую критическую эпоху ее гражданственности, когда не были установлены еще потребные органы власти и когда экономический быт народа находился в состоянии совершенного расстройства» [42, с. 135].

С самого начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Гартинг принимал в ней участие, организовывая саперные и инженерные работы при штурме почти всех турецких крепостей в Дунайских княжествах. В 1809 г. получает назначение на должность командующего частями Дунайского инженерного округа. После передислокации в середине 1812 г. Дунайской армии на север России для отражения нападения французских войск продолжал оставаться в Бессарабии на этой должности. Одновременно ему было поручено помогать в управлении только что назначенному здешним гражданским губернатором Скарлату Стурдзе. 7 июня 1813 г. император Александр I даёт указание отстранить тяжело больного Стурдзу от должности губернатора до его выздоровления и назначает на его место Гартинга. В НАРМ хранятся дела: «Об увольнении Скарлата Стурдзы от должности Бессарабского гражданского губернатора по болезни за период с 17 июня по 7 августа 1813 г.» [180], а также «Отношение инженера, генерала Гартинга о принятии им управления гражданской властью в Бессарабской области в 1813 г.» [181].

Согласно его формулярному послужному списку, в 1783 г. Иван Маркович Гартинг был прапорщиком; 1786 г. – подпоручик; 1789 г. – поручик и капитан; 1796 г. – майор; 1797 г. – подполковник; 1798 г. – полковник.

В 1799 г. И. М. Гартинг становится уже генерал-майором. В должности губернатора ему, как, пришлось столкнуться с большими трудностями. Это объяснялось тем, что Бессарабия ещё не имела своего административного статуса. Лишь только в 1818 г. был принят «Устав образования Бессарабской области» [87], и г. Кишинев стал столицей этого края. Согласно этому Уставу от 29 апреля 1818 г, а также Положению о главном управлении колониями Южного края России от 22 марта 1818 г., внесенным в свод законов Российской империи, можно сказать о существенных различиях положения жителей Бессарабии по сравнению с населением других Российских губерний. Прежде всего, они были освобождены от рекрутской повинности. Кроме того, жители Бессарабии могли владеть собственной землей, либо поселяться на землях владельцев, заключая с ними контракты на взаимовыгодных условиях. Гартинг, как военный представитель, используя при управлении области дисциплину армии, попытался противостоять местной боярской элите во главе с бессарабским митрополитом Гавриилом Бэнулеску-Бодони. Их разногласия дошли до Российского императора. Александр I принял сторону противников Гартинга, так как

ему была необходима поддержка и участие местной аристократии и крупных землевладельцев. Он «писал, что с прискорбием узнал о злоупотреблениях, вызвавших бегство жителей за Прут в Молдову, сообщал, что посылает наместника для исправления ситуации, а также высказывал свое намерение и впредь уважать местные законы и обычаи» [55, с. 117]. Поэтому 10 сентября 1817 г. император уволил Гартинга с поста губернатора, оставив без пенсии, а также сняв его с должности окружного командира по инженерной части дунайских крепостей. Впоследствии наместником Бессарабской области был назначен подольский военный губернатор А. Н. Бахметев, а гражданским губернатором стал екатеринославский гражданский губернатор Калагеоргий.

Тем не менее, Гартинг не покинул Бессарабию. Он жил в своем поместье в Оргеевском уезде. Гартинг был кавалером ряда орденов: Св. Георгия 3-й степ., Св. Владимира 2-й степ., Св. Анны I-й степ., большого креста ордена Сардинского королевства Лазаря и Маврикия, а также был командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Награжден золотой шпагой с алмазными украшениями и надписью «За храбрость».

Будучи помещиком, Гартинг владел вотчинами Погребены, Суслены и Будешты в Оргеевском уезде. В НАРМ хранится «дело по рассмотрению прошения отставного инженера, генерал-майора и кавалера Гартинга о дозволении ему выстроить новую каменную церковь в 1821 г. с. Погребены Оргеевского уезда» [184]. Иван Маркович просил на основе приложенного плана (в деле план отсутствует) разрешить ему заменить деревянную постройку церкви каменной и назвать в честь равноапостольных царей Константина и Елены. В результате переписки с протоиереем Назарием Гинкуловым было получено разрешение от митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони [184, л. 3] на это строительство.

Умер Иван Маркович Гартинг 20 августа 1831 г. Сведения о его инженерных заслугах И. М. Гартинга более подробно будут изложены далее, при изучении творчества одного из первых землемеров и архитекторов Бессарабии – Михаила Семеновича Озмидова.

Согласно законодательству первой половины XIX в., наблюдение за строительством по губернии возлагалось на гражданских губернаторов; в помощь им при губернских правлениях создавались специальные строительные комитеты, в состав которых входили полицмейстер, областные архитектор и землемер. Они обеспечивали города планами и фасадами, наблюдая за частным строительством на местах. Применение «образцовых» проектов способствовало стилевой целостности городов и являлось лучшим способом в максимально короткий срок провести застройку городов, в соответствии с запросами времени.

Один из первых землемеров и архитекторов Бессарабии – **Михаил Семенович Озмидов** (1782–1826) [291]. В его формулярном списке о службе [158, 13-13 об.] (П.2.1.) имеются биографические сведения. Он родился в 1782 г. в Екатеринославской губернии и по своему происхождению был дворянином. После окончания Киевского народного училища в 1799 г. работал учеником у городского архитектора Андрея Меленского (1766–1833) в штате Градской Полиции г. Киева. «За ревностное, усердное и рачительное исполнение обязанностей, в особенности за деятельность при построении различных публичных и партикулярных каменных и деревянных зданий, и при снятии в 1803 г. генерального плана г. Киева» [124, л. 3 об.]. М. Озмидов был удостоен высоких чинов, пройдя путь от коллежского канцеляриста и регистратора до губернского секретаря и титулярного советника. В 1811 г. он, оставив пост помощника архитектора в Киеве, был вызван в Яссы для устройства селитроварен. Занимался снятием генерального плана города Ясс, приводил в порядок каналы и мостовые, причем исполнял все эти поручения «с отличным успехом и неутомимой деятельностью, с совершенным по его должности искусством» [124, л. 4]. Ведь не зря в 1812 г. историк-краевед И. Халиппа отмечал, что зоркий глаз митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони наметил Озмидова в работники по устройству новой Бессарабской области на должность губернского архитектора.

21 июня 1813 г. Бессарабский губернский архитектор, титулярный советник Озмидов получил от бессарабского гражданского губернатора Стурдзы предписание о создании плана нового города Кишинева, согласно которому в старом городе запрещалось строительство без разрешения губернского архитектора, чтобы город мог «иметь единообразие и приятный вид» [84, л. 1148].

В 1813 г. инженер-землеустроитель Озмидов составил план г. Кишинева, который, к сожалению, не сохранился. Однако в нем линии улиц не были точно обозначены, поэтому и произошла беспорядочная застройка домов, из-за которой впоследствии планировка улиц была затруднена [279, с. 66].

В этот период очень остро встал вопрос о строительстве городского госпиталя: «Беззамедлительное учреждение в губернском городе Кишиневе городской больницы, с одной стороны крайне необходимо, а с другой – удобоисполнительно» [38, с. 2]. 14 мая 1814 г. был создан специальный комитет для ее строительства, куда входил и Бессарабский гражданский губернатор Иван Гартинг, а также архитектор и землемер Михаил Озмидов. Согласно подписанному 5 июля 1814 г. контракту со Строительным комитетом, дворянин Лаврентий Краевский и кишиневские жители Илья Трубоч и Константин Тоня, под наблюдением Озмидова, приступили к застройке каменного Городского госпиталя с

флигелями, корпусами и службами в Александровской части города. [292].

15 июля 1816 г. в рапорте Полномочному наместнику Бессарабской области Алексею Николаевичу Бахметьеву сообщалось об окончании строительства каменной больницы, примерно, на 70 человек. Согласно описи нововыстроенного городского госпиталя, «он состоял из одного главного корпуса и 5 флигелей с каменной решеткою с передней стороны и плетневою вокруг двора и сада огороженный» [38, с. 28]. Планы 1816 г. вновь выстроенного госпиталя с подписями инженера, генерал-майора Гартинга и бессарабского губернского землемера и архитектора, титулярного советника Михаила Озмидова хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербурга) [240].

Главный корпус (П.1.32.) граничил с частным жилищем и выходил на Александровскую улицу – «длиною 16 и шириною 8 сажень, высоту же от земли к средней от всех четырех углов пропорции 8 арш. 13 вершков» [38, 28]. Он вмещал 6 палат для больных, 2 комнаты – приемный покой и 4 комнаты для обслуживающего персонала. Стены корпуса были выложены на извести, с карнизами, и с передней стороны от подъезда – с четырьмя колоннами и фронтоном, а также с двумя брандмауэрами под крышей. В 24 окнах – «столько же летних и зимних переплетов; летние переплеты были окрашены масляною краскою, при них коленчатые слесарные железные петли, такие же шпингалеты и с медными кольцами, а зимние переплеты – глухие. В каждом по одной форточке, на медных коленчатых петлях и при каждой форточке крючок и медное кольцо» [38, с. 29]. Крыша корпуса была обрешечена, укреплена железной оковкой и покрыта еловым гонтом с тремя слуховыми окнами, из которых в одном большом среднем имелась дверь на железных петлях, а на двух других – стеклянные переплеты.

Второе здание – левый угловой флигель (П.1.33.) был выстроен для помещения аптеки и проживания в нем аптекаря – длиной 5, шириной 4 сажени. Высотой от земли в среднем от всех четырех углов в пропорции 6 аршин и $6\frac{1}{4}$ вершков. В нем было три комнаты и сени. Стены данного флигеля, выложенные из камня на извести, с карнизом, снаружи и внутри были оштукатурены и побелены. С одной стороны – каменное крыльцо со ступенями, полы вымощены камнем, потолки сделаны на балках из еловых досок в накладку, четыре двери на слесарных коленчатых железных петлях. Для входа на чердак имелась переносная лестница. Крыша была «остропилена, обрешечена и покрыта еловым гонтом, с одним окном со стеклянным переплетом» [38, с. 29-30].

Третье здание – правый угловой флигель для проживания смотрителя госпиталя и лекаря. Длина – 5, ширина 4 сажений. Высота от земли в средней от всех четырех углов пропорций – 6 аршин и $3\frac{1}{4}$ вершка. В нем – 3 комнаты и сени, выложены из камня на из-

вести. С карнизом, внутри оштукатурены и отбелены, с одной стороны - каменное крыльцо со ступенями. Полы вымощены камнем, потолки сделаны на дубовых балках из дубовых досок в накладку и далее описание такое же, как флигеля, расположенного с левой стороны.

Четвертое здание – кухня (П.1.34.), длиной – 9, шириной – 4 сажени, высотой же от земли в среднем от всех четырех углов пропорции – $5\frac{1}{2}$ аршин. Состоит из двух комнат и сеней. Стены этого флигеля также выложены из камня на извести, с карнизом, снаружи и внутри оштукатурены и побелены. Две печи – русские кирпичные и один такой же большой очаг в сенях. Укреплены железными сваями для прохождения дыма через одну трубу, которая была выведена по верху крыши. Остальные – лестница, крыша и др. такие же, как и у вышеописанных флигелей.

Следующий, пятый флигель (П.1.35.), в котором располагалась прачечная с амбаром для мертвых тел, был длиной $9\frac{1}{2}$ сажени, шириной 3 сажени, высотой же от земли в средней от всех четырех углов пропорции – $5\frac{1}{2}$ аршин. Состоял из больших сеней, комнаты и амбара для мертвых тел. Стены этого флигеля были выложены из камня на извести, с карнизом снаружи и внутри были оштукатурены и побелены. С одной продольной стороны – два каменных крыльца. Полы вымощены камнем. Потолки – такие же, как и в других флигелях. В комнате – одна русская кирпичная печь с чугунной вьюшкой и полудверцами, а в сенях – очаг и два чугунных котла с печками для нагревания воды. Остальные – лестница, крыша и др. такие же, как и у вышеописанных флигелей.

Шестой флигель предназначался для вспомогательных служб госпиталя, длина которого 9 сажени, 2 аршина. Ширина – 3 сажени, а высота в пропорции – 4 аршина 13 вершков. В этом флигеле находился амбар, «под которым размещался погреб для варки, кладовая для съестных продуктов и конюшня на четыре лошади» [38, с. 31-32] (П.1.36.). Двустворчатые три двери – из дубовых досок на железных петлях. Также на территории городской больницы был построен колодец, сделанный из камня, с двумя деревянными срубам, расположенными внизу иверху. При колодце имелся вал и две бадьи, окованные железом, а также канат для вытягивания воды.

С передней стороны госпитального двора, между главным корпусом и двумя угловыми флигелями, была решетчатая ограда с каменными столбами и двое ворот, длина которых – 34 сажени. Столбы и цоколь этой ограды были выложены из камня на извести, также оштукатурены и побелены. Деревянные дубовые ворота и решетка были окрашены черной масляной краской. Сами ворота крепились на железных крестовых петлях.

С верхней части ограды с передней стороны весь квартал, огороженный вокруг, занимал пространство длиной 91, шириной 60 саженой; сад также был отгорожен от двора оградой из плетня, сделанной в 1814 г. При больнице имелся недавно разведенный регулярный сад с небольшими деревьями.

Таким образом, начатое 7 июля 1814 г. строительство каменного Городского госпиталя было окончательно завершено 15 июля 1816 г.

Одновременно по проекту этого же архитектора, Михаила Озмидова недалеко от госпиталя был выстроен и первый каменный острог, часть планов которого тоже хранится в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) [245]. Тюремный замок на «220 человек арестантов мужского и женского пола, не считая при нем больницу на 14 человек» [38, с. 23] 21 ноября 1815 г. был завершен и освящен. И тогда же был занят арестантами и обеспечен всем необходимым (П.1.37.).

В 1817 г., по поручению наместника А. Бахметева, тот же Озмидов составил детальный план города Кишинева (П.1.38.), в который внес как уже существовавшие в то время улицы, так и те, которые предполагалось проложить. Практическая реализация плана 1817 г. началась немедленно. Намеченные прямоугольные кварталы с определением главной улицы, центральной и торговых площадей, а также с выделением мест для возведения важных общественных зданий «верхнем городе» Кишинева. «Одновременно в старой части города, расположенной внизу, «стали появляться первые жилые дома по образцовым проектам. Строительство их могли позволить себе богатые чиновники и бояре, занимавшие ответственные посты в городском правлении. К таким домам относится большинство сооружений, возведенных незадолго до и в сам период пребывания А. С Пушкина в Кишиневе» [286, с. 54]. Так, в НАРМ хранится дело по рассмотрению предписания Министерства полиции о постройке фасадов частных домов в Бессарабской области согласно утвержденным планам в период с 09.04.1814–15.06.1815 гг. [85]. Характерно для этой серии проектов, что их было подготовлено свыше 200, а также строго требовали точного соблюдения норм утвержденного образца.

Пример такого «образцового» проекта – дом для полиции г. Хотина, составленный архитектором **Антоном Тирнбергом** в 1815 г. [86] (П.1.39.). Казенное строение представляет собой в плане вытянутый прямоугольник. Перед основным объемом находится открытая галерея. Входной узел выделен портиком с треугольным фронтоном и двумя столбами квадратного сечения с постаментами, но без капителей. Мотив таких же столбов повторяется по всей длине галереи. На плане отмечены помещения для людей, арестантская, караульная, канцелярия, производственный архив и др. Видно, что проектировщик при-

бегнул к упрощенным архитектурным элементам из арсенала классицизма.

В 1818 г. Озмидов подготовил карту Бессарабии [147] (П.1.40.) с указанием шести уездов. В этом же году, для того чтобы «восстановить порядок, на предмет построения в г. Кишиневе новых домов» [156] была создана особая комиссия, в состав которой вошел и Озмидов как областной архитектор. Он являлся автором сметы и планов [88, л. 14-17] деревянных сарая, караульни, конюшни и амбара для пожарных инструментов, лошадей и людей, которые должны были быть размещены в каждой части г. Кишинева.

В архивном фонде Бессарабского Верховного Совета хранится дело о постройке казенных зданий и острогов в Бессарабской области за период с 1819 по 1825 гг. [127], из которого следует, что на областного землемера Озмидова в 1820 г. была возложена обязанность по составлению «плана и сметы на постройку в Кишиневском остроге одной казармы» [127, л. 38]. (П.1.41.). Также Михаил Семенович должен был отправиться в города Бендеры, Аккерман, Измаил, Хотин и Бельцы для осмотра мест, предназначенных для постройки острогов. К примеру, Озмидов так определил место Ясского цинутного острога в городе Бельцы: «пространством на 100 сажень, горизонтально ровное и с твердым грунтом местоположения, лежащее при выезде из города в местечко Фалешты» [127, л. 61 об.].

В январе 1820 г. Бессарабский Верховный Совет поручил архитектору Озмидову составить сметы и планы фасадов на каменные строения: для соляной конторы [161, л. 1] и чиновников, проживающих там, а также караульни и сарая с показанием всех денежных средств, необходимых для их сооружения.

Рапорт Михаила Озмидова, составленный в октябре 1822 г., подтверждает, что именно он составил смету и подготовил планы на постройку провиантских магазинов в м. Леово и м. Бричанах (Бричень) [91].

В ноябре 1823 г. М. Озмидов участвовал в восстановлении Болгарской Вознесенской соборной церкви в г. Кишиневе, разрушенной после пожара в июне того же года. Он составил проект каменной трехэтажной колокольни для этой церкви [185, л. 31 об.]. Для совершения временного богослужения настоятели и прихожане данной церкви просили сделать внутри колокольни алтарь с иконостасом подготовленном на холсте, а также для моления пристроить с передней стороны колокольни небольшой притвор с крышей, дверьми и окнами, изготовленными из деревянных досок. Согласно представленному в декабре 1823 г. плану этой звонницы (П.1.42.), «архитектор Михайло Озмидов (подпись архитектора на плане – прим. авт.) предусмотрел устройство престола, жертвенника, алтаря с иконостасом, временную деревянную пристройку притвора, лестницу на колокольню, а также часть стен от разрушенной церкви, которые были сооружены вновь летом того же

года» [185, л. 31 об.].

В Месяцесловах на период с 1815, 1818-1825 г. [61, с. 526; 62, с. 527; 63, с. 561; 64, с. 562; 65, с. 471] – по Бессарабии Михаил Озмидов числился губернским архитектором и областным землемером.

Таким образом, согласно документальным материалам в 1822, 1823, 1824 гг. – надворный советник Озмидов одновременно исполнял должности областного землемера и архитектора, вплоть до увольнения в 1824 г., связанного с ухудшением его здоровья.

Также в НАРМ хранятся рапорты областного архитектора и землемера Озмидова относительно постройки частных домов жителей Бессарабской области в период 10.01.1824–15.04.1825 гг. [93]. В этом отношении типовые проекты первой половины XIX в. отличались действующей теорией «регулярной» застройки городов, которая была закреплена в планах, разработанных еще в конце XVIII в. «Регулирование планировки городов закончилось почти повсеместно, причем жилые и общественные сооружения закрепили центры и основные улицы городов» [93].

В 1825 г. Михаил Семенович находился на строительстве хотинских аптечных зданий. В НАРМ, в деле «О постройке аптечных зданий в г. Хотин в 1826–1827 гг.» содержатся сведения о том, что сметы, планы, фасады им были составлены. Так, в Рапорте Хотинской Градской полиции сообщалось, что в 1826 г., «29 декабря, в 9 часов утра областной архитектор, находящийся в комитете, учрежденном для наблюдения за постройкой аптечных складов Волею Божией, умер» [129, л. 34].

Озмидов ушел из жизни на подъеме карьеры, в возрасте 45 лет, в отличие от своего отца, дворянина Семена Дмитриевича, скончавшегося в 1835 г. в возрасте 90 лет, о чем свидетельствует запись, сделанная в метрической книге Кишиневского кафедрального собора [191, л. 59 об.].

3.1.3. И. Беттини, А. Росицкий, М. Нейман

Одновременно с М. Озмидовым, который исполнял роль Кишиневского городского архитектора и землемера, в 1819 г. Бессарабским областным архитектором был назначен **Иосеф Беттини**. Это произошло во время управления генерал-губернатора Бахметева, который стал новым полномочным заместителем Бессарабского края. Согласно Месяцесловам он числился бессарабским архитектором в 1820-1821 гг. [63, с. 560; 64, с. 562]. Именно Беттини одному из первых было поручено составить смету на осушение болотистых мест г. Кишинева. Архитектор предложил «сделать канавы по обеим сторонам улиц и

прибавить или убавить во многих местах высоту их посредством нивелирования» [7, с. 1], а также провести одну прямолинейную улицу до реки Бык, с каждой из сторон которой, сделав по одному глубокому рву и тротуарами для пешеходов. По мнению Беттини, при пересечении улицы старого города с вновь построенной, все стоячие и дождевые воды должны были стекать прямо в реку. Но, несмотря на то, что данный проект заслуживал внимания, он остался нереализованным.

Архивные документы подтверждают, что 11 апреля 1819 г. бессарабского областного архитектора Беттини командировали в м. Леово для составления плана и фасада карантинных и таможенных построек [90, л. 8]. Также И. Беттини известен как автор еще одного неосуществленного проекта Кишиневского городского здания присутственных мест. (П.1.43.). В Национальном архиве РМ был обнаружен «план и фасад казенного здания для помещения областных бессарабских присутственных мест» [152], выполненный архитектором и инженером Иосифом Беттини. Двухэтажное, П-образное в плане здание ограничивает с трех сторон внутренний дворик, в который выходит галерея с колоннами. Центральная входная часть выделена ризалитом, где шесть дорических колонн поддерживают парадный балкон с балюстрадами. На втором этаже ризалита находится пристенный портик с шестью ионическими пилястрами. Над оконными проемами расположены прямоугольные ниши, а углы ризалита подчеркнуты рустами. Пилястры поддерживают раскрепованный антаблемент с дентикулами. Над фризом на небольших постаментах находится скульптурная группа из шести фигур-воинов в античных доспехах, два из которых поддерживают овальный медальон с рельефным гербом Российской империи. Портик завершен сверху треугольным фронтоном. Стены первого этажа здания обработаны рустами, а над каждым оконным проемом расположены горельефы в виде мужской головы. Стены второго уровня расчленены по вертикали лопатками с пьедесталами, а над окнами находится симметричный лепной декор. По горизонтали главный фасад расчленен тягами и карнизом с дентикулами. Кроме главного входа, расположенного по оси, в здании предусмотрено два вспомогательных, подчеркнутых балкончиками на консолях. Архитектурное решение отличается монументальностью, простотой и особой выразительностью, характерной для высокого классицизма.

В архивных фондах НАРМ сохранился еще один нереализованный проект Беттини – эскиз здания присутственных мест [151] (П.1.44.), составленный в 1832 г. и предполагаемый для строительства в Кишиневе. Выполненный карандашом фасад двухэтажного здания завершен с двух сторон пристенным портиком с треугольным фронтоном. Но здесь отсутствуют промежуточные пристенные колонны, а две крайние относятся к коринфско-

му ордеру. Окна первого этажа с полуциркульным завершением отделаны с трех сторон рустами, а оконные проемы второго этажа имеют прямоугольные наличники. Главный вход акцентирован высоким парапетом-аттиком с раскреповкой, а плоскость фасадной стены завершена широким карнизом.

Андрей Иванович Росицкий (1786 – после 1860 г.) – архитектор и землемер. Исполнял должность городского архитектора Кишинева с 18 января 1822 по 20 июня 1823 г. (П.2.2.). Затем, занимая должность Бессарабского областного землемера, был назначен в качестве помощника архитектора в 1823 г. В 1826 г. значился как коллежский регистратор и был помощником Бессарабского областного архитектора М. Озмидова. В 1827 г. А. Росицкого назначили помощником областного архитектора И. Гаскета. В 1828–1829 гг. он был утвержден помощником областного архитектора А. Глейнига, в 1830 г. – помощником областного архитектора Спета. Работал вместе с архитектором Иосифом Гаскетом по возведению тюремных острогов в городах Бельцы, Бендеры, Хотине [99]. Составлял сметы для этих тюремных сооружений в 1829 г. Находясь в Бендерах на строительстве острога, в марте 1830 г. А. Росицкий освидетельствовал почтовые станции в Бахмуте, Тешкуре-нах (Тешкурень), Надушите Ясского уезда [130, л. 401-402], подтвердив, что, постройки были довольно прочные и сооружены согласно планам и фасадам. Вместе с тем, во избежание пожара, архитектор Росицкий предлагал исправить камышовые крыши, трубы и установить вьюшки на голландских печах. В 1830-1831 гг. проектировал православную церковь в г. Сороки, вместо разрушенной во время землетрясения 1829 года [299, р. 158].

В НАРМ хранятся несколько чертежей острога, предназначенных для постройки в Бендерах, Бельцах [99, л. 118, 174] и Хотине [99, л. 177], подписанных Кишиневским городским архитектором Иосифом Гаскетом (П.1.45.). Здесь запроектированный «типовой» тюремный комплекс обнесен высокой каменной оградой прямоугольного плана с угловыми круглыми башнями для часовых. Входной двухэтажный *плат-форт* включает ряд вспомогательных помещений, таких как офицерские и солдатские караульные, комнаты секретного назначения, часовню и др. Во дворе тюремного комплекса расположены казармы на 10 мужчин, 10 женщин, и 16 надзирателей, больница на 12 человек, арестантские камеры, баня, кухня, кладовые, погреба и др. Внешний облик острога напоминает средневековое оборонительное сооружение – это каменные стены с чередующимися небольшими стрельчатыми нишами, в которых находятся бойницы, декоративные башенки с шатровым верхом на крыше, угловые сторожевые башни с щелевидными амбразурами и плат-форт с входными воротами, завершенными стрельчатой аркой, а также окнами с такими же завершениями.

Интересно, что сохранился еще один проект на строительство тюремного острога в г. Хотине (П.1.46.), который подписал зодчий **Михаил Нейман** [154]. Дата составления проекта не указана. Согласно чертежу, типовой план острога очень похож на вышеописанный, который был предназначен для строительства острога в Бендерах и Бельцах. Он отличался лишь внутренним устройством помещений, рассчитанный на большее количество людей, в которых надо было разместить: казармы на 18 арестантов, 43 человека, 18 женщин и др., а также галереи и дворы для арестантов, чего не было в проекте И. Гаскета.

Свято-Вознесенский собор в г. Аккермане был возведен в 1815–1820 гг. (П.1.47.) по проекту архитектора Михаила Неймана на месте одного из старых турецких кладбищ. Строительство в центре города возглавлял настоятель церкви Казанской Божьей Матери Федор Малявинский. Изначально это культовое сооружение имело форму корабля, но в 1830 г. к центральному объему были пристроены три монументальных четырехколонных портика. Между рукавами креста появились небольшие помещения, закругленные с внешней стороны. Пространственная структура культового сооружения характерна для бессарабских церквей того времени: четыре мощных пилон несут при помощи подпружных арок купол на цилиндрическом световом барабане. Использованные архитектурные элементы специфичны для русского классицизма: колонны тосканского ордера, треугольные фронтоны, декоративные пилястры и архивольты, карнизы с дентикулами, декор фриза и основания барабана с чередующимися прямоугольными нишами и рельефными окружностями, круглые окошки в верхнем регистре и др. Купол венчает глухой фонарь с яблоком и крестом. К Свято-Вознесенскому собору примыкает восьми-ярусная колокольня, высотой более 40 м.

Согласно архивным документам, 26 мая 1826 г. М. Нейман подготовил план и фасад здания Кишиневской богадельни, которую предполагалось построить в качестве пристанища для калек и бродяг [98, л. 12]. Он исполнял должность помощника Бессарабского областного архитектора в 1825–1838 гг. [65, с. 471; 66, с. 490; 67, с. 504; 68, с. 512; 69, с. 535; 70, с. 403; 71, с. 411; 72, с. 413; 73, с. 415; 74, с. 428; 75, с. 418; 76, с. 440; 77, с. 491; 78, с. 470].

3.1.4. Архимандрит Иоанникий, Г. Гордеев

Достойное место среди персоналий бессарабских архитекторов занимает **Иоанникий** [294] – автор проектов Кишиневской Митрополии и Духовной семинарии. Согласно формуляру, Архимандрит Иоанникий – «...из великороссов, купеческий сын, женат не был, в мире называли Иваном, по прозванию Шиков» [263, с. 91]. Хотя согласно другим

архивным источникам, он был сыном купца Черниговской губернии, слободы Климовой Феодора Щапова и матери Матроны, «в светском звании именовался Иоанном» [182, л. 4]. (П.2.3.).

Родился в 1777 или 1776 г. Самостоятельно обучился российской грамматике, географии, рисованию, гражданской архитектуре и таким наукам, как перспектива, основам латинского языка и партикулярным дисциплинам. «В 1796 г. перешел в Молдавию, в надежде на получение монашества» [182, л.4]. 23 июня 1798 г. постригся в монахи, находясь в Молдавском Нямецком монастыре. Там же, будучи в монашеском чине, занимался перепиской отеческих книг, переводимых старцем Паисием, с единогреческого на славянский язык. В 1801 г. Иоанникий был на Афонских горах. Затем, через год, в Цареграде был принят в число певчих, где в течение трех лет местный архимандрит обучал его грамматике, математике и искусству рисования.

В ноябре 1805 г. определен в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую лавру, где был принят митрополитом Амвросием на службу и 27 мая 1807 г. «рукоположен в иеродьякона преосвященным Амвросием митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским. Там же, в Лавре, Иоанникий продолжил обучаться «гражданской архитектуры перспективам от вольных учителей» [182, л. 4 об.]

С 5 сентября 1810 г., в соответствии с отношением Преосвященного митрополита Гавриила к митрополиту Амвросию Новгородскому и Санкт-Петербургскому, переведен в Яский штат и назначен ризничим.

После заключения Бухарестского мирного договора в 1812 г., одним из главных вопросов стало создание Кишиневской епархии. Митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони представил доклад в Священный Синод «о знатном» количестве церквей в этой области, состоящей из 755 сел и 749 городов, «об отдаленности ее от других российских епархий, о разности языка и обычаев, обитающих в ней народов» [58, с. 1, 2]. Поэтому после переезда преосвященного экзарха в Кишинев, создания новой епархии и открытия здесь в 1813 г. Духовной семинарии Иоанникий был отозван из Ясс и сразу же определен «крестовым иеродьяконом домашней Митрополитанской преосвященной церкви» [182, л. 2]. В 1814 г. Иоанникий становится семинарским учителем рисования, позднее – учителем арифметики. «В нем экзарх нашел незаменимого труженика с несомненно большими дарованиями» [265, с. 145].

В это время остро встает вопрос о строительстве нового каменного здания для этого первого учебного заведения, так как первоначально семинария находилась в церковном доме Архангело-Михайловской церкви, известной под названием «старого собора». Но

данное помещение не удовлетворяло растущие потребности семинарии, ведь ежегодно количество учащихся и классов увеличивалось. Более того, митрополит Бэнулеску-Бодони хотел, чтобы Духовная семинария заняла достойное место в Бессарабском крае. Ведь на тот период там обучались дети не только духовенства, но и светские юноши, дети купцов и дворян. «Семинария сия, – писал он в 1815 г., – будучи смежна с Молдавиею, Болгариею и Австрийскими пределами, должна иметь вид привлекательный и делающий честь попечению Российского правительства о просвещении» [265, с. 145].

Из обширной площади 130x130 саженей, занятой под строительство духовных учреждений, митрополит Гавриил определил для семинарии северную часть 130 саженей в длину по Семинарской улице и 35 саженей в ширину по Московской улице. Здания семинарии начали строить в 1813 г.

В Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) хранится дело Святейшего Правительствующего Синода за 1814 г. об устройении зданий для Кишиневской Митрополии [233]. В своем рапорте в Святейший Синод митрополит Кишиневский и Хотинский Гавриил от 18 ноября 1814 г. сообщал об окончании строительства Кишиневской Митрополии. В число построек входили: 1) Корпус – для Архиерейского жилища о 13 покоях, «прилично меблированных», где тогда проживал преосвященный викарий епископ Димитрий. При этом же корпусе выстроена «церковь во именование Пресвятыя Богородицы», довольно вместительная, с пономарней и отделением для ризницы наверху. Церковь была украшена «приличным деревянным иконостасом», стены и свод были расписаны живописью. Четыре колокола, сосуд и необходимое количество книг – все это дополняло инвентарь новопостроенной церкви, которая была освящена митрополитом Гавриилом 12 ноября 1814 г. 2) Вне этого корпуса с северной стороны был построен флигель, состоящий из 12 комнат, в котором располагались Дикастерия с канцелярией и Архивом, охраной, экономическое правление. 3) На той же линии отдельно находился амбар с погребом. 4) Кухня с ледником для архиерейского стола. 5) С южной стороны – флигель, состоящий из 6 келий для ризничих и других монахов. 6) На той же линии расположился амбар с погребом для кухни братской трапезы: 7) Здание, состоящее из 6 комнат для духовных и др. священников служителей было расположено за амбаром. 8) С запада к южной стороне был пристроен корпус для типографии с большим залом для станков и тиснения с кельями и кладовой. 9) На той же линии, расположилась в черном дворе братская трапеза и кухня с пекарней и другими службами. 10) За этим зданием была построена конюшня. 11) Сарай для экипажа был за конюшней. 12) Имелось также еще одно строение для рабочих (П.1.48.).

Все эти постройки были каменные, некоторые покрыты черепицей или гонтом. Двор, в котором находились все эти строения, с трех сторон окружала каменная стена с воротами к Архиерейскому дому, а с четвертой стороны был высажен новый фруктовый сад. В ограде по обе стороны были сделаны два колодца с хорошей питьевой водой. «План ново-построенной Кишиневской Митрополии чертил Кишиневской семинарии арифметики и рисовального класса учитель Иеродьякон Иоанникий» [233, л. 17]. Он участвовал и при постройке в Кишиневе «древней огромной каменной церкви и нового Архиерейского дома» [263, с.92].

В формулярной ведомости об учителях Кишиневской семинарии за 1815 г. имеются сведения, что учитель арифметического и рисовального классов Иеромонах Иоанникий «при постройке новой митрополии был употреблен по части Архитектуры» [192, л. 7 об.-8].

Согласно рапорту митрополита Гавриила, 2 февраля 1814 г., закончив строительство Кишиневского Митрополичьего дома со всеми принадлежащими к нему зданиями, он отправил план в Святейший Правительствующий Синод и одновременно с этим писал о Семинарии как о построенной «на средства доброхотных дателей, более же иждивением митрополитанских доходов, при крайнем ограничении себя и штата» [233, л. 24] его священнослужителей. Для завершения строительства духовной семинарии кроме своих личных сбережений митрополиту Гавриилу пришлось одолжить 30000 левов из местной казны с обязательством выплачивать по 5 тыс. ежегодно из доходов Кишиневской митрополии.

Бендерский кафедральный собор в честь Преображения Господня построен на месте руин турецких казарм по проекту архимандрита Иоанникия. Его закладка состоялась в торжественной обстановке 22 августа 1815 г. Новый городской храм обладал тремя приделами: Никольским, Успенским и Преображенским, причем первые два названы в честь Никольской и Успенской церквей, разрушенных во время работ по дистанцированию города от крепости на 250 саженей. Собор строился до 1820 г. и был освящен в 1827 г., а в 1832 г. завершилось строительство колокольни.

Данное культовое сооружение органично сочетает элементы русского классицизма и молдавского народного зодчества. Композиция храма следует крестово-купольному типу, где над средокрестием возвышается восьмигранная призма светового барабана, завершенная сверху куполом в виде шлема. Нефы разделены мощными вертикальными опорами, а пространственный крест акцентирован повышенной высотой. Интерьер характеризуется цельностью и простором. Боковые ветви креста, выступающие в виде ризалитов на

фасаде, отличаются интересной архитектурной трактовкой. Здесь можно увидеть треугольные фронтоны, парные угловые пилястры и ряд оконных проемов – круглых, прямоугольных, завершенных лучковой аркой и имеющих рельефное обрамление. По горизонтали фасады членятся широкими резными карнизами и фризами. К алтарной части примыкают ризница и жертвенник, а с противоположной стороны к храму пристроена четырехуровневая колокольня квадратного плана. Ее верхний этаж, увенчанный куполом в виде шлема, предназначен для подвешивания колоколов. Снаружи колокольня украшена парными угловыми пилястрами, неглубокими прямоугольными нишами, рельефными полуциркульными арками и др. Похожие архитектурные и декоративные элементы встречаются довольно часто в церквях Бессарабии в первой половине XIX в.

В 1817 г. в Кишиневе рядом с усадьбой митрополита появилось двухэтажное, каменное здание с мезонином, фасад которого выходил Московскую улицу. Длина – 3 сажень, ширина – 7 сажень $\frac{1}{2}$ аршина, высота с фронтоном и крышей – 6 сажень и 2 аршина [201, с. 13].

Главный корпус семинарии (П.1.49.) был выполнен по образцам классических русских учебных зданий. Расположение помещений, как в верхнем, так и в нижнем этаже было одинаковым. «Посередине здания, во всю его ширину находились в обоих этажах залы. В верхнем – парадный зал с хорами для публичных собраний при годовых испытаниях» (экзаменах – прим. автора) [233, л.23]. «Окна, которых (по 3 в каждой зале), выходили на Александровскую улицу; по обеим сторонам – зал, справа и слева, по фасаду и со двора в каждом этаже было по четыре просторные комнаты: по две комнаты с тремя окнами в каждой, с фасада здания и по две таких же комнаты с противоположной фасаду стороны» [201, с. 13]. В зале нижнего этажа, который по своей высоте уступал верхнему, были устроены 4 массивные каменные колонны. «Первый этаж состоял из помещений столовой и четырех классных комнат, на втором над столовой размещались зал для прогулки учеников и еще четыре таких же класса для занятий» [10, с. 29]. Над залой верхнего этажа был устроен невысокий мезонин с тремя окнами по фасаду здания, в котором впоследствии помещалась семинарская библиотека.

Справа и слева от двухэтажного корпуса, на небольшом расстоянии от него с юга и с севера, вдоль двора разместились каменные флигели, которые были предназначены для ректора, инспектора, учителей, учащихся или бурсаков и других вспомогательных служб.

Так, с восточной стороны во двор выходил флигель, состоящий из 12 комнат и предназначенный для преподавателей из семинарского правления. С западной стороны во двор был обращен флигель из шести комнат, в котором жили «благородные пансионеры»

на основании Указа Святейшего Синода об открытии Благородного пансиона для светских детей в 1816 г. Рядом располагался другой флигель, предназначенный для бедных воспитанников и содержавшихся за счет семинарии. Далее – флигель, состоящий из трех отделений: посередине – трапезная для бедных, и по сторонам – пекарня и поварня. Недалеко от этих флигелей была построена семинарская больница для учеников. Затем – амбар, погреб на так называемом черном, втором дворе – сарай для семинарских экипажей, конюшня, служебная изба и баня для семинаристов. А далее – сад, имевший в длину 55 саженей и в ширину – 35 саженей. Все строения, кроме бани, были каменные, покрытые гонтой. Двор был обнесен с трех сторон каменной оградой, а с четвертой стороны, примыкал к семинарскому саду. Въезд в усадьбу Кишиневской Митрополии был со стороны центральной Московской улицы (сегодня – б-р. Штефана чел Маре ши сфынт). Таким образом, 26 сентября 1817 г., духовная семинария уже перешла в помещения, законченные строительством. И к середине XIX в. все эти здания стали неотъемлемой частью комплекса сооружений нового городского центра. Планы Духовной семинарии г. Кишинева, которые проектировал архитектор Иоанникий, хранятся в РГИА (г. Санкт-Петербурга) [234]. (П.1.50).

Возвращаясь к деятельности Иоанникия, следует отметить, что с 1817 г. он был учителем математики, алгебры и математической географии. 23 августа 1817 г. произведен в игумена Городиштского Успенского монастыря, расположенного в Оргеевском уезде на правой стороне Днестра. Согласно документам личного архива Архиепископа Дмитрия Сулимы представлял «собой замечательный предмет церковной древности, заслуживающий внимания и изучения» [59, с. 1251]. Именно здесь Иоанникий прослужил несколько лет.

Кроме этого, он способствовал зарождению типографии. Проявляя искусство в рисовании, умело занимался гравировкой, при этом выполняя разного рода механические и типографические работы. 4 мая 1818 г. Иоанникий был награжден наперсным крестом. 5 марта 1822 г. по указу Святейшего Синода преосвященным Димитрием, Кишиневским и Хотинским архиепископом, Иоанникий был произведен в архимандриты.

За труды в напечатании таблиц взаимного обучения по методу Ланкастера 23 мая 1823 г., архимандрита Иоанникия наградили почетным орденом Св. Анны 2-й степени.

В 1824 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский, преосвященный Димитрий назначил Иоанникия на должность благочинного ревизора ланкастерских школ.

12 января 1828 г. он был определен «благочинным над монастырями и скитами» [59, с. 39] Бессарабии. Впоследствии архитектор Иоанникий был назначен присутствующим

щим Кишиневской Духовной Консistorии, затем, как уже отмечалось, настоятелем, – сначала Городиштского, а потом Гербовецкого монастырей.

Как архитектор, он готовил проекты, наблюдал за «верностью производства всех по строительной части работ» [265, с. 145], а также участвовал в построении каменных церквей в Киприяновском, Гербовецком монастырях. С 1835 г. по распоряжению духовного руководства, архимандрит Иоанникий в качестве архитектора занимался как составлением плана и фасада, так и строительством нового каменного здания Кишиневской Духовной Консistorии. В 1839 г. был назначен членом Строительного комитета для исправления и ремонта здания Кишиневской духовной семинарии.

Почти четверть века архимандрит Иоанникий провел в Гербовецком Свято-Вознесенском монастыре и был достойным преемником архимандрита Серафима, как человек ученый. Архимандрит Иоанникий в «продолжение 25-летнего настоятельства в Гербовце, улучшив хозяйственную часть монастыря, построил каменные здания, обновил церковь (П.1.51.), построенную совместно с Луковым (архимандритом Серафимом) каменную монастырскую церковь и расширил фруктовый сад» [51, с.159], посадив «в нем много деревьев лучших сортов. Строения в нем – каменная церковь (покрытая гонтою, с достаточной в ней утварью, каменный флигель с настоятельскими кельями довольно красивый и просторный, каменный флигель с братскими кельями, каменный большой амбар с обширным под ним каменным винным погребом, каменная кухня, деревянный флигель с братскими кельями и небольшой гостиницей, деревянная братская трапеза и проч.» [274, с. 94]. При монастыре также были три мельницы – водяная, ветряная и конная. При нем также были построены настоятельский дом, братские кельи, где позднее помещалась школа и другие важные монастырские здания.

Согласно одним данным, архимандрит Иоанникий скончался в 1845 г. [58, с. 58], по другим сведениям, – в 1851 г. на 73 году жизни и «погребен за алтарем Успенской церкви подле Серафима» [195, с. 531] в Гербовецком монастыре. «Искусный архитектор, нес и сию должность, составляя планы, фасады и наблюдая за верностью работ» [265, с.145], – так характеризовал его преосвященный Димитрий Сулима. Как при строительстве зданий митрополии, «бурсы», так и при реставрации каменной церкви Киприяновского монастыря и других объектов, «этот муж – памятный в бессарабской епархии своею службою архиерейскому дому, консистории и семинарии, своею многосторонней образованностью и практическими сведениями в архитектуре, по садоводству, вообще, по хозяйству и даже по медицине» [274, с. 93] оставил достаточно яркий след в истории Бессарабии I половины XIX в.

Архитектор, титулярный советник **Гавриил Гордеев** был известен своими работами по благоустройству Кишиневского сада в 20-е гг. XIX в. Согласно месяцесловам он значился областным архитектором Бессарабии в 1825–1826 гг. [65, с. 471; 66, с. 490]. В НАРМ, в деле о посадке молодых деревьев, в городском саду г. Кишинева за период 2 апреля 1825 г. – 31 декабря 1826 г. сообщается, как бессарабскому областному архитектору Гордееву было поручено «управление и улучшение Кишиневского Городового сада» [162, л. 7] городская дума должна была в этом оказывать ему содействие с целью приведения «сего публичного заведения до совершенства» [162, л. 7]. В 1827 г. в нем было высажено 4000 саженцев лесных деревьев [166, л. 22]. В 1829 г. современники описывали «его следующим образом: «казенный сад не обширен, но дорожки в нем правильные» [279, с. 22]. Согласно сохранившимся сведениям, российский император Александр I выбрал место для городского сада, который был заложен при Бессарабском наместнике генерал-лейтенанте А. Бахметеве. На предложение госпожи Бахметевой выбрать место для гуляния Кишиневской публики «государь указал на площадь вблизи архиерейского дома и сада. Место было обнесено забором и засажено деревьями» [279, с. 22]. Сам сад можно охарактеризовать как регулярный, имевший форму квадрата и строго геометрическую планировку аллей, цветочных клумб и газонов (П.1.52.). В 1835 г. городской сад украшали теплица, цветники, павильон в китайском духе, а также карусель и качели [279, с. 35].

3.1.5. Б. Эйтнер, А. Глейниг

В связи с судебным разбирательством в 1825 г. [94] архитектору Гордееву пришлось оставить свою должность. И в апреле 1826 г. обязанности Бессарабского областного архитектора временно стал исполнять землемер, титулярный советник **Богдан Яковлевич Эйтнер** (1798–1872) [293]. Дворянин по происхождению, согласно его формулярному списку [159, л. 3] (П.2.4.) в 1815 г. поступил юнкером в Лейб-Гвардии Артиллерийскую бригаду. Окончив службу в 1817 г., в том же году вошел в состав батареи, квартировавшей в Кишиневе. Здесь в 1819 г. Богдан Эйтнер был прикомандирован к команде инженеров военно-топографической съемки Бессарабии, состоявшей преимущественно из офицеров бывшего корпуса колонновожатых и производившей свои работы с 1817 по 1828 гг.

В 1818 г. в Кишиневе был заложен первый городской парк, или публичный городской сад, который спроектировал архитектор Б. Эйтнер [259, 17].

В артиллерийской бригаде он был прапорщиком, бригадиром-адъютантом и подпоручиком. 4 августа 1825 г. был определен Бессарабским областным землемером. Начиная с 12 октября 1825 г. по 27 ноября 1826 г. кроме этой должности, Б. Эйтнер исполнял

обязанности Бессарабского областного и Кишиневского городского архитектора. Об этом в Национальном архиве РМ имеется дело о вознаграждении Бессарабского областного землемера Эйтнера за одновременное исполнение им с октября 1825 г. по ноябрь 1826 г. обязанностей Бессарабского областного архитектора и землемера [138, л. 9-9 об.]. В это время Эйтнер активно работал в Кишиневском строительном комитете, занимаясь отведением мест под строительство лавок и домов, а также освидетельствованием новых построек в Кишиневе [97, л. 24, 24 об., 25]. В архивном деле о строительстве моста в Кишиневе в 1826–1828 гг. [165] хранится составленный им план каменного моста для сооружения его по дороге, идущей из Кишинева в Бендеры, через проводимый канал для осушения болотистых мест. Согласно чертежу: длина моста – 6 и ширина – 3 сажень [165, л. 3] (П.1.53.).

По распоряжению Комитета, учрежденного для прекращения в г. Кишиневе чумной заразы, первоначально 22 августа 1829 г. Эйтнер был определен начальником Измаильской городской заставы и временного карантина. После закрытия этого карантина Богдан Яковлевич стал управляющим Дубоссарским карантинном. А после появления заразы в предместье г. Кишинева с 30 ноября 1829 г. вновь был назначен областным землемером и по приглашению Комитета содействовал прекращению чумы вплоть до 20 мая 1830 г. «По предписанию Исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского Господина Генерал-губернатора Красовского» [138, л. 10]. Эйтнера прикомандировали к полковнику Генерального штаба фон Ругу для демаркации, согласно мирному Адрианопольскому трактату, российских владений с турецкими. С 19 октября по 2 декабря 1830 г. был в командирован в Валахию и Болгарию, за что в 1831 г. его наградили жалованьем в 500 рублей серебром. За выслугу лет 14 июня 1837 г. титулярный советник Эйтнер был награжден чином коллежского асессора.

Своими трудами Эйтнер стал известен генералу Ивану Инзову, управлявшему Бессарабией на правах наместника, а потом и графу М. Воронцову, который, между прочим, поручил ему осушить, посредством канализации, огромный гнилой пруд, находившийся в нижней части города Кишинева и распространявший злые лихорадки, известные как «молдавские». Согласно Переписке с Бессарабской Врачебной управой о принятии мер к осушению болотистых мест в Кишиневе и Бельцах, речь шла о том, «что в городах Бессарабской области Кишиневе и Бельцах появляются между жителями злокачественные перемежающиеся лихорадки от влияния протекающих там болотистых речек» [121, 1]. Михаил Семенович Воронцов, узнав об огромных болотах и трех прудах со зловонной водой «на речке Бык по всему его протяжению, около областного города Кишинева и обратив свое внимание на вредное влияние испарин на здоровье прибрежных жителей сего города,

учредил на исходе 1824 г. особую комиссию» [121, 2]. Благодаря трудам Эйтнера, как члена этой комиссии, стоячая вода в прудах была спущена. Но этой меры оказалось недостаточно, так как оставалось вредное испарение от болот. Поэтому было решено провести канал протяженностью более чем 6 с половиной верст. Эйтнер составил смету, и 3 сентября 1827 г. прорытие канала было завершено. Место злокачественного пруда заняли огороды и сады, где жители Кишинева посадили огромное количество деревьев и овощей. «И тем отвращена заразительность в воздухе; на противоположном берегу речки Бык, противу фонтана, в окрестности открытых Г. Эйтнером серных источников место... сравнено и бывшие там три источника соединены в один с устройением каменного колодезя с беседкою» [121, 3 об.].

Однако об Эйтнере сохранилась не только положительная информация. «Специальное межевание при нем не дало тех результатов, каких можно было ожидать от его постоянных забот» [60, с. 159-160]. Так писала газета «Бессарабские Областные Ведомости». Что касается этой области, военно-топографическая съемка дала подробные описания только двух степных уездов – Бендерского и Аккерманского, и то только в отношении казенных земель. В НАРМ хранится несколько карт, составленных Эйтнером, включая Почтовую карту (П.1.54.) с показанием уездов Бессарабии [148].

31 января 1841 г. просьбу Богдана Яковлевича о подтверждении дворянского происхождения рассмотрели, и было принято решение: «г. Эйтнера с женой Анной, с сыном Владимиром и дочерьми Анной и Евгенией внести в 3-ю часть родословной книги Бессарабского дворянства» [178, л. 2 об.]. В этом же 1841 г. Эйтнер «за отлично-усердную службу и постоянные труды» [178, л. 24 об.], был переведен в надворные советники. В архивном деле о постройке колокольни на Кишиневской соборной площади, в Рапорте Бессарабского областного землемера Эйтнера от 22 сентября 1841 г. Бессарабскому военному губернатору Федорову сообщалось о том, что освидетельствованы «выстроенные на площади, возле Кишиневской соборной церкви Св. ворота для большого колокола и городских часов» [111, л. 2].

Из переписки канцелярии Бессарабского и Новороссийского губернатора также становится известно о разрешении Богдану Эйтнеру в 1842 г. напечатать в Кишиневской типографии составленную им генеральную карту Бессарабской области [118, л. 1]. В этом же году Кишиневский и Измаильский строительный комитет поручил Эйтнеру составить новое описание Бессарабской области на основе подготовленных планов фруктовых садов, огородов и других заведений для правильного учета отчислений с владельцев поземельной подати [173, л. 6].

В 1845 г. получил знак отличия за 25 лет преданной службы в должности архитектора и землемера. Известно, что он «охотно делился своими богатыми воспоминаниями и служил до последнего времени справочною книгою для всех интересовавшихся прошлым своего края» [60, с. 160]. Как человек, Эйтнер, и «в шестьдесят лет, остался, по душе и по сердцу, прапорщиком двадцатых годов» [60, с. 160].

Таким образом, Б. Эйтнер, наряду с непродолжительным исполнением архитектурских обязанностей, занимал, в основном, должность бессарабского областного землемера, значащегося при Бессарабской межевой конторе [66, с. 490; 67, с. 501; 68, с. 509; 69, с. 533; 70, с. 400; 71, с. 407; 72, с. 413; 73, с. 415; 74, с. 428; 77, с. 489; 78, с. 469; 79, с. 458; 80, с. 429; 81, с. 7], «в которой находился до дня своей смерти, в течение сорока семи лет без нескольких месяцев, служа при трех царствованиях, пяти главных начальниках края и тринадцати губернаторах» [60, с. 160].

Новую топографическую съемку Бессарабии в 1829-1830 г. выполнили землемер Эйтнер и военный инженер, подполковник **Андрей Иоанович Глейниг** (1794 – после 1840). Он начал свою карьеру в 1813 г. со службы юнкером в инженерном корпусе 1-го пионерного полка. В 1827 г. увольняется в должности подполковника, после чего исполняет обязанности Бессарабского областного архитектора до 1828 г. Участвовал в строительстве тюремных замков Бессарабии [167, л. 1] (П.1.55.). В РГВИА г. Москвы хранится дело по представлению Генерал-инспектора по инженерной части об увольнении от службы 7-го пионерного батальона капитана Глейнига в декабре 1826 г. [221].

Из рапорта Андрея Глейнига [221, л. 16], поданного императору России Николаю Павловичу, узнаем, что он, как сын надворного советника, поступил на службу Императорского Величества юнкером в инженерный корпус, начиная с ноября 1810 г. Был произведен в прапорщики в 1-й пионерный полк в феврале 1813 г. Затем в январе 1816 г. по причине расформирования, в чине подпоручика был переведен в 4-й пионерный батальон. В июле 1817 г. Глейниг был уже поручиком в 6-м пионерном батальоне, откуда в ноябре 1819 г. переведен во 2-й пионерный батальон. В 7-й пионерный батальон он перевелся 12 марта 1821 г. в чине штабс-капитана, где, став капитаном в том же батальоне, прослужил до 5 декабря 1824 г. В НАРМ хранится кондуитный список уволенного от службы из 7-го пионерного батальона подполковника Глейнига, составленный 20 февраля 1827 г. [131] (П.2.5.) Согласно этому документу, Андрей Иванович родился в 1794 г., а в отставку по болезни ушел в чине подполковника и «с мундиром» [131, л. 11 об.].

10 мая 1827 г. он сообщал в исполнительную экспедицию Бессарабского областного правительства о представлении составленных им планов и фасадов валькованных до-

миков при станциях Липканы, Новоселица и Атаки Хотинского уезда. Глейниг также подготовил и сметы на сооружение этих станционных домов [130, л. 123 об.-124].

Андрей Глейниг исполнял обязанности Бессарабского областного архитектора в 1828–1829 гг. [68, с. 59; 69, с. 533] и в 1832–1836 гг. [72, с. 413; 73, с. 415; 74, с. 431; 75, с. 418; 76, с. 440]. В его рапорте, направленном в Бессарабское областное правление в начале октября 1829 г., он сообщал, что по предписанию Строительного комитета освидетельствовал законченные постройки при доме Кишиневского еврейского общества [131, л. 26]. Согласно архивным документам за 1833 г. [102], подполковник Андрей Глейниг продолжал значиться исполняющим должность Бессарабского областного архитектора. Он в это время принял участие в строительстве полицейского дома с пожарной каланчой. Ему было поручено составить смету для данного сооружения.

3.1.6. И. Спет, А. Штауберт

В 1829 г. из Одессы в Бессарабию был приглашен **Иван Иванович Спет (Speeth Johann-Peter)** (1772–1831) на должность Бессарабского областного архитектора, чтобы заменить на этом посту временно уволившегося 5 мая 1829 г. областного архитектора А. Глейнига. Согласно месяцеслову он занимал этот пост и в 1830 г. [70, с. 403]. Бывший архитектор Тосканского Герцогства, Спет, известный своими познаниями, согласился заняться строительством в Одессе и Бессарабии.

Родился в 1772 г. в Германии, в г. Мангейм. Азы образования получил в Мюнхене, в семье своего отца, который был музыкантом. В 12 лет продолжил учиться архитектурному мастерству во Франкфурте-на-Майне, у известного зодчего Георга Вебера, с которым у него были родственные связи по материнской линии. Совсем скоро успехи юного архитектора Спета блестяще появились в проектировании и строительстве одного крупного здания на одной из лучших Франкфуртских улиц. Сразу же после этой удачи Иоганн-Петер получил новое лестное предложение по разработке планов для строительства целого комплекса зданий – женского монастыря в том же городе. Известно, что Спет справился с этой задачей, но построить монастырь ему не удалось по причине его секуляризации. Расстроенный неосуществленными планами, он переехал в г. Гейдельберг, где решил посвятить свою дальнейшую жизнь изучению искусства в целом, не забывая при этом об истории архитектуры. И. Спет создал серию интересных рисунков, подготовил несколько архитектурных проектов, «и, что особенно важно, так как свидетельствует о его глубоких познаниях в истории архитектуры, – сделал ряд замечательно удачных и выдержанных по стилю рисунков для реставрировавшихся тогда известных руин Гейдельбергского замка»

[251, с. 242] «Его рисунки обнаруживают несомненный художественный талант и великолепную перспективу. Из них наиболее известны: портрет художника Георгия Пфорра в профиль, 12 видов Гейдельбергского замка, ландшафт с животными, две коровы и всадник» [251, с. 242].

Архитектор Спет получил награду за создание купальни на курорте Швальбаха, а также разделил успех и главный приз с другим живописцем за разработку «Памятника павшим воинам» [251, с. 242]. В Гейдельберге, а позднее в Вюрцбурге Иоганн-Петер стал придворным архитектором, занимаясь, как строительством правительственных зданий, так и реставрацией многих построек. Но после наполеоновских войн, в результате которых г. Вюрцбург перестал существовать, Спет был вынужден заниматься, в основном, частным строительством. В 1824 г. он разработал проект моста через Дунай, который предполагал соорудить недалеко от Вены, но его не утвердили, и уже через два года, а именно 1826 г. архитектор решил перейти на службу в Россию. «Живя в переходную эпоху, Спет, как истинный сын своего времени, выработал своеобразный и оригинальный стиль, комбинацию старых форм с нарождающимися новыми, стиль без застывших очертаний, вечно меняющийся и обладающий всеми качествами памятников переходных эпох» [251, с. 242]. Также на его творчестве сказались впечатления от экспедиции Наполеона и Путешествия Нибура: Под влиянием этого, но в своем стиле, основанном на контрастах, он стал использовать и восточные формы. Поэтому он с азартом взялся именно за египетское зодчество, в котором увидел эти качества [251, с. 242].

Архитектора Тосканского Герцогства Спета представили Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору графу Воронцову, который впоследствии и назначил его на должность Бессарабского областного архитектора. В 1828 г. Иоганну Спету, предложили заняться строительством в Одессе и Бессарабии в течение 10 лет, где он должен был открыть архитектурное училище и литографию для произведений искусства и письма. В НАРМ хранится дело о назначении иностранца Спета на должность бессарабского областного архитектора в 1829 г. [131]. С этого времени было предписано «производить определенному областному архитектором бывшим архитектором герцогства Тосканского вдобавок к штатному жалованью (коего положено 600 руб. серебром) 900 руб. серебром в год из областного десятипроцентного сбора» [131, л. 39]. В месяцслове за 1830 г. подтверждается, что должность обл[астного] архитектора исправлял иностр[анец] Спет [70, с. 402.], который должен был работать одновременно с городским зодчим И. Гаскетом. Но именно на Спета возлагались надежды по созданию нового, особенного стиля в архитек-

туре Бессарабии. И он с большой ответственностью приступил к исполнению своих обязанностей. Задач было поставлено много, но реализовать ему удалось не все.

В июле 1830 г. архитектор Спет составил план, фасад, чертежи и смету на исправление повреждений в Кишиневской Свято-Георгиевской церкви в результате произошедшего в Бессарабии землетрясения 14 ноября 1829 г. Он просил осуществление надзора по ремонту этого храма, так как понимал, что «здешние мастеровые чертежей не понимают и не в состоянии производить работу со всею правильностью и точностью» [187, л. 2-2 об.] (П.1.56.). Также архивные документы подтверждают его участие в строительстве Кишиневского кафедрального собора. В 1831 г. И. Спет скоропостижно скончался, так и не завершив свои задуманные проекты в Бессарабии. Тем не менее, сохранилась информация о его участии в строительстве некоторых архитектурных памятников Бессарабии, включая Кишиневский кафедральный собор.

Для военного гарнизона Хотинской крепости, на месте руин турецких бань, была построена новая каменная церковь в честь Св. Александра Невского. Известно, что автором проекта был архитектор из Санкт-Петербурга **Александр Штауберт** (1780–1843) [319, с. 18]. Происходил из обер-офицерской семьи. В 1801 г. А. Штауберт начал службу в артиллерийской экспедиции, через год его перевели в инженеры, в в 1804 г. ему поручили постройку военно-сиротского дома в С-Петербурге. Затем преподавал строительное искусство в инженерной школе. В 1813 г. А. Штауберт был назначен архитектором Инженерного департамента С-Петербурга. За заслуги в сооружении им многочисленных казенных и частных построек награжден разными орденами, алмазными знаками и др. Среди его работ в Санкт-Петербурге: Военно-сиротский дом на Московском проспекте, 17 (1806–1809), госпиталь лейб-гвардии Финляндского полка на Большом проспекте Васильевского острова, 65 (1818–1820), здание морской тюрьмы на набережной реки Мойки, 103 (1828–1829) и др., а также – собор Иоанна Предтечи в Шлиссельбургской крепости, проект арестантской казармы в Омске, Александро-Невский Собор в г. Бобруйске (Белоруссия), в том числе, проект церкви Александра Невского в Хотинской крепости.

Известно, что строительство крепостного храма длилось с 1830 по 1835 гг. [199, с. 369]. Композиция объемов, обусловленная крестообразным удлинённым планом, соответствует внутренней структуре здания: алтарь, наос, пронаос и притвор. Центральная часть наоса перекрыта сферическим куполом, опирающимся на четыре столпа и треугольные паруса, а его боковые части перекрыты коробовыми сводами. Внутри главного помещения храма можно увидеть разные виды розеток, оживляющих своды и арки, а также карниз с дентикулами. Боковые рукава внутреннего креста акцентированы на фасадах при помощи

закругленных ниш, в которых помещены по две пилястры с капителями. Они поддерживают триглифно-метопный фриз, заимствованный из дорического ордера, над которым находится большой полуциркульный проем, декорированный сверху маленькими трапециевидными нишами с рельефными розетками. Между пилястрами находится прямоугольная ниша, а с обеих сторон расположены удлиненные окна. Восточная стена алтаря имеет два оконных проема, которые фланкируют с фасада прямоугольную нишу. И проемы, и ниша декорированы треугольными фронтончиками, а алтарная часть покрыта двухскатной крышей. Пронаос освещается прямоугольными окнами, украшенными на фасаде резными наличниками и фронтончиками. Наос, превышающий по своей высоте алтарь, имеет шлемовидное покрытие с четырьмя двухскатными арочными проемами. Купол увенчан башенкой с луковичной главкой. Башня-колокольня, доминирующая по высоте, надстроена над притвором и тайницей. Следующий уровень – ярус звона, предназначенный для колоколов, имеет квадратный план со скошенными углами. Над ним возвышается невысокая восьмигранная призма. Башня-колокольня имеет покрытие в виде луковицы. На фронтоне над главным входом находится стилизованное рельефное изображение Всевидящего ока. Фасады наоса и колокольни украшены карнизами с оригинальными модульонами. Видно, что отдельные архитектурные формы заимствованы из архитектуры классицизма, но некоторые детали принадлежат старорусскому зодчеству: раскреповки, горизонтальные тяги, ниши и др. В НАРМ [155] (П.1.57.) хранятся чертежи церкви Св. Александра Невского в Хотинской крепости, выполненные в 1852 г. командующим Дунайским инженерным округом, архитектором А. Лехнером.

Таким образом, в 1812 г. – 1830-е гг. XIX в. в создании многочисленных памятников зодчества нашло отражение творчество талантливых архитекторов, военных инженеров и землемеров Бессарабии. Под их руководством разрабатывались новые регулярные планы бессарабских городов и фортификационных укреплений, строились здания митрополии, семинарии, церквей, а также госпитали, тюрьмы, станционные, почтовые, полицейские, карантинные дома и др.

3.2. Выводы по главе 3

1. После 1812 г. такие важные вопросы, как строительство зданий Кишиневской Епархии и семинарии, возведенного в стиле классицизма первого здания митрополии, а также госпиталя и острогов, составление карт и планов и др., решались в Бессарабской области при участии зодчих. Бессарабский гражданский губернатор, генерал-майор, инженер И. Гартинг, а также архитектор и землемер М. Озмидов стояли у истоков проектирования Кишинева. Именно они являются авторами одной из первых карт города, составленной в 1817 г. Ими были также разработаны проекты первых кишиневских зданий острога (1815 г.) и госпиталя (1816 г.) и др.

2. По настоянию Кишиневского и Хотинского митрополита Г. Бэнулеску-Бодони, в 1814 г. в Кишиневе были построены митрополия и в 1817 г. – духовная семинария, спроектированные архитектором Иоанникием. Особый интерес представляют Аккерманский Свято-Вознесенский собор, построенный по проекту архитектора М. Неймана в стиле русского классицизма. Немецкий зодчий И. Спет участвовал в составлении сметы для ремонта Св. Георгиевской церкви в Кишиневе, в проектировании Кишиневского кафедрального собора и др. Для военного гарнизона Хотинской крепости архитектор из Санкт-Петербурга А. Штауберт спроектировал новую каменную церковь в честь Св. Александра Невского, в которой удачно сочетались архитектурные формы классицизма и отдельные элементы старорусского зодчества. По проекту архимандрита Иоанникия был построен Бендерский Преображенский собор, в котором преобладали элементы русского классицизма и молдавской народной архитектуры. Он также принял участие в строительстве церквей в Киприяновском (Кэприяна), Гербовецком (Хырбовэц) монастырях и др.

3. В очередной раз продемонстрировали успешное применение «образцовых» проектов на практике архитектор А. Тирнберг, который подготовил «образцовый» проект здания полицейского дома в г. Хотине, а также зодчие А. Росицкий, И. Гаскет и М. Нейман разработавшие «нормальные» чертежи тюремных острогов для строительства в Бельцах, Бендерах и Хотине в 1829 г., в. Такой метод способствовал быстрой застройке городов Бессарабии.

3. В начале первой половины XIX в. следует отметить деятельность военных инженеров Ф. Деволана и Е. Ферстера, которые занимались укреплением бессарабских оборонительных сооружений. Реконструируя отдельные бессарабские крепости, ремонтируя дороги и сооружая мосты, составляя военные и топографические карты, сметы на постройку казарм, жилых домов для солдат и офицеров, а также, разработав несколько гене-

ральных планов городов, согласно «гипподамову» принципу, они внесли весомый вклад в архитектуру фортификационных укреплений Бессарабии.

4. В 1819 г. зодчий И. Беттини составил смету по осушению кишиневской болотистой местности, а позднее землемер Б. Эйтнер разработал систему каналов, с помощью которых были осушены гнилые пруды и болота вокруг Кишинева, что способствовало предотвращению распространения чумы в Бессарабской области.

5. Согласно законодательству в архитектуре, одними из основных обязанностей зодчих были надзор за качеством строительства и освидетельствование законченных построек. Подобно другим архитекторам, военный инженер подполковник, областной архитектор А. Глейниг занимался надзором за сооружением тюремного здания по типовому проекту в Бендерах, освидетельствовал законченные постройки при доме Кишиневского еврейского общества, а также составлял сметы для строительства станционных домов в Хотинском уезде.

7. В 1818 г. в Кишиневе был заложен первый регулярный городской сад. Он имел в плане форму квадрата и строго геометрическую планировку аллей, газонов и клумб. В его благоустройстве в 20-е гг. XIX в. принял участие городской архитектор Г. Гордеев. Этот парк (ныне Грэдина публика «Штефан чел Маре ши Сфынт»), существует и сегодня, являясь одним из хорошо сохранившихся памятников садово-паркового искусства XIX в.

8. В 1818 г. М. Озмидовым была создана карта Бессарабии, заложившая основы разделения этой области на уезды. Картографическими и топографическими работами занимался также Б. Эйтнер. Он проектировал мосты и составлял карты бессарабских городов. Эти зодчие активно работали в строительных комитетах и дорожных комиссиях, занимаясь отведением мест под строительство лавок и жилых домов, составляя сметы на строительство провиантских магазинов и при этом, как и многие другие специалисты, часто совмещали обязанности землемера и архитектора.

4. ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗОДЧИХ БЕССАРАБИИ (30–50-е гг. XIX в.)

В период с 30-х по 50-е гг. XIX в. для бессарабского зодчества было характерно преобладание крупных градостроительных проектов и сооружение значимых архитектурных ансамблей. Классицизм, уже зрелый, в пору его расцвета, вдохновленный новыми передовыми идеями этого периода, получил последующее развитие в осуществлении более сложных архитектурных задач. Ведущие архитекторы, а также зодчие второго плана, искусно владея строительным мастерством, создавали выдающиеся произведения, тем самым определяя дальнейшую застройку городов и сел Бессарабии.

Монументальность построек, а также укрупнение форм в архитектуре отличает этот период от предыдущего. Яркое подтверждение этого – творчество одного из самых известных петербургских зодчих Авраама Мельникова в Бессарабии. В 1834 г. генеральный план Кишинева, удостоенный «величайшей конфирмации» российским императором Николаем I (1796–1855), определил центр города, его главную площадь с последующим сооружением на ней Кафедрального собора с колокольней, а также застройкой Бульварного парка. Вновь построенные Преображенские соборы украсили в этот период Болград и Бендеры. В Аккермане в 1838 г. была завершена постройка двухэтажных каменных казарм, разместившихся на высоком берегу Днестровского лимана.

Ордерные композиции в Бессарабии приобрели свои характерные оттенки, которые проявились, прежде всего, в творчестве итальянских и других архитектурных школ в период 30–50-х гг. XIX в. Наряду с «образцовыми», индивидуальные проекты, все больше начинали обогащать городскую среду новыми типами построек. Так, здания лютеранской кирхи и тюремного замка в Кишиневе, а также памятник Кагульской битве в Вулканештах являют собой пример классических, романтических, псевдоготических и ампирных традиций. В данный период становятся известны многие имена зодчих иностранного происхождения.

По сравнению с первоначальным периодом после 1812 г., в 30-е гг. XIX в. все важные проекты культовых и общественных зданий, предназначенные для строительства в Бессарабии, рассматривались и утверждались в Министерстве путей сообщения и публичных зданий г. Санкт-Петербурга.

Что касается строительных комитетов и комиссий, они продолжали играть достаточно серьезную роль в совершенствовании строительного дела в Бессарабии. Кишиневский строительный комитет активно участвовал в закладывании фундамента и строитель-

стве Кафедрального собора в 30-е гг. XIX в. Кроме Кишинева и Измаила, строительные комитеты действовали в Аккермане и Хотине.

Начиная с августа 1833 г., созданная Бессарабская областная строительная комиссия принимала участие в осмотре строений, ремонте и сооружении новых зданий, составлении смет и планов на постройку гражданских зданий и др. Также в Бессарабии была создана дорожная комиссия, целью которой было устройство и содержание в порядке всех дорожных участков. На заседаниях данной комиссии рассматривались вопросы, связанные с исправным состоянием дорог, а также возведением новых мостов. В 1855 г. Бессарабские областные ведомости [193] сообщили об упразднении особых строительных комитетов в Кишиневе и Измаиле и передаче их функций очередной строительной комиссии, которая в дальнейшем продолжила их деятельность. В 1856 г. выдающийся архитектор А. Бернардацци становится Кишиневским городовым архитектором. С деятельности этого зодчего в Бессарабии начинается новый этап в области архитектуры, который можно охарактеризовать как переход от завершающего периода классицизма к эклектике, сочетающей в себе разные стили и направления.

4.1. Биографические сведения об архитекторах и градостроителях и их творческое наследие

Переписка относительно постройки Кишиневского кафедрального собора продолжалась более 10 лет, начиная с 1817 г. Первоначальная мысль о возведении главного храма города – собора Рождества Христова – принадлежала митрополиту Гавриилу Бэнулеску-Бодони. Продолжение данной идеи, как и успешное воплощение ее в жизнь, связано с именем архиепископа Димитрия Сулимы (назначен архиепископом Кишиневским и Хотинским после смерти митрополита Бэнулеску-Бодони в 1821 г. – прим. авт.) [296, р. 107-114], который сам лично руководил строительством храма. Первые проекты собора пытались разработать местные архитекторы. Среди них известны такие, как Архимандрит Иоанникий, итальянец Г. Пиццано и немец Спет. Но их проекты не получили одобрения в Санкт-Петербурге. До устройства Кафедрального собора для архиерейских служений и совершения торжественных молебствий предназначалась Архангело-Михайловская церковь, или старый Собор. Эта церковь находилась в старой части города, в неудобном для торжественных служб и собраний месте и не могла отвечать требованиям Кафедрального собора. Поэтому архиепископ Димитрий Сулима в своем письме от 16 января 1818 г. Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору просил «исходатайствовать высочайшее разрешение на устройство соборного трех-престольного храма с посвящением

главного придела во имя Рождества Христова» [52, с. 805-806].

История возведения ансамбля Кафедрального собора с колокольной достаточно подробно представлена в документах Национального Архива Республики Молдова. Так, в архивном фонде Бессарабского Верховного Совета, хранится дело об ассигновании денег на постройку в г. Кишиневе соборной церкви с колокольной, начатое 12 февраля 1827 г. и оконченное 11 апреля 1828 г. [126]. В Представлении Бессарабского областного Правительства по исполнительной экспедиции в Бессарабский Верховный Совет сообщается, что «г. полномочный наместник Бессарабской области на предварительном совещании с Преосвященным Кишиневским Архиепископом Димитрием, признав необходимость устроить в г. Кишиневе соборную церковь, во время пребывания своего из С.-Петербурга, пригласил Профессора архитектуры императорской Академии художеств Мельникова составить планы и фасады для таковой церкви с колокольнею» [126, л. 4]. Так, граф Михаил Воронцов (1782–1856), ставший в 1828 г. генерал-губернатором Новороссийского и Бессарабского краев, настоял на том, чтобы проект собора заказали столичному архитектору.

4.1.1. А. Мельников, братья Фраполли

Этот зодчий, **Авраам Иванович Мельников** (1784–1854) [273], родился 30 июля 1784 г. в Ораниенбауме, в семье смотрителя дворцовой церкви (П.1.58.). С 1795 г. он находился в Воспитательном училище при Академии художеств. В 1800–1806 гг. получил профессиональное образование в архитектурном классе Академии, и ему был выдан аттестат на звание художника. Авраам Иванович в 1808–1811 гг. был направлен на учебу в Италию для усовершенствования своего мастерства. С 1812 г. известен как академик архитектуры. Творчество Мельникова было неразрывно связано с классицизмом, одним из самых ярких периодов русской архитектуры видным представителем, которого он являлся. Именно ему, «ученику А. Д. Захарова, выпала важная историческая миссия – быть завершителем классической школы в русском зодчестве» [267, с. 128]. «Учебные и жилые, культовые, торговые и административные здания, лазареты и портовые карантинные, монументальные памятники и предметы прикладного искусства – такова покоряющая широта творческого и профессионального диапазона Авраама Ивановича Мельникова... он активно участвовал в формировании архитектурного облика русской провинции, а также Украины, Белоруссии, Молдавии и Грузии» [267, с. 128].

Согласно архивных документам, «по смете, составленной против таковых плана и фасада Одесским городским архитектором Фраполи (так в документе – прим авт.) и собранным в Кишиневе ценам, исчислено на материалы и работы для построения церкви с

колокольню 388,374 лева 33,5 пары» [126, л. 47, 50, 52].

Зодчие **Фраполли (Frapolli) Джованни (Иван Михайлович)** (ок. 1775 – 1826) и **Франческо** (ок. 1770 – 1817) – два брата, представители неаполитанской школы архитектуры. Они более знамениты своими многочисленными постройками в Одессе. Во всех, нами изученных источниках, нигде не указывается имя архитектора Фраполли, который составил смету для строительства Кишиневского Кафедрального собора. Однако автор М. Тубли указывает на Ф. Фраполли [267, с. 81], который, по его мнению, в 1826 г. корректировал смету на сооружение Кишиневского кафедрального собора, составленную А. Мельниковым. Но, скорее всего, это мог быть Джованни, (Иван Михайлович) Фраполли, так как его брат Франческо умер в 1817 г. [205, с. 19], а смета, очевидно, была составлена после 1818 г. Также известно, что в 1823 г. в Одессе Джованни Фраполли проектировал заставы внутренней таможни, колокольню Преображенского собора и принимал участие в строительстве жилых домов [205, с. 19].

Кроме сметы на постройку Кишиневской соборной церкви, также были подготовлены и «кондиции на построение колокольни длиной и шириной 4 сажени 4 вершка, вышиной 12 сажень 2 аршина» [126, л. 47, 50, 52]. После рассмотрения составленных кондиций на сооружение Кишиневского кафедрального собора, архиепископ Димитрий Сулима «сделал следующие замечания, в которых выразил глубокое понимание строительного дела: 1) фундамент для соборного храма вырыт не в два аршина, а такой, который равнялся бы шестой части высоты здания и положить в основании; если окажется сырость, дубовые осмоленные лежни. Этого требует прочность постройки; 2) колонны кругом храма устроить с выемками; 3) пол в храме выстлать плитами из сорокского камня, а не кирпичом. Кирпич мягок, от хождения будет вытираться в пыль, падая на иконы, будет затемнять их и портить живопись» [52, с. 808]. Все замечания Строительный комитет принял во внимание. 11 мая 1830 года состоялась закладка собора. Место, выбранное для строительства, было сырым, поэтому глубину фундамента увеличили с 2 до 5 метров, предусмотрев и гидроизоляционные меры. Цокольная часть стен, как и фундамент, была выложена из местного дикого камня. Из-за грунтовых вод, насыщенных у основания, собор проектировался и строился без подвальных помещений, а «стены на высоту цоколя засыпаны землей. В первый же год производства работ закончены фундаменты. Кладка стен шла быстро. Уже на следующий год они были возведены до барабана купола. В 1832 году закончена кладка стен и сводов и возведен барабан купола» [267, с.81]. Крыша и купол собора были выкрашены в зеленый цвет. Снаружи и внутри здание было оштукатурено, побелено и приобрело классическую желто-белую окраску. План постройки – симметричен

(П.1.59.), и это оправдано благодаря расположению на открытом месте. Основные размеры храма кратны: «высота от дневной поверхности до антаблемента включительно равна диаметру барабана и половине длины фасадной стены. Большое значение в целостности восприятия собора имеет близость барабана (12 м) и ширины портиков (14 м). Основной пластический мотив архитектуры классицизма – контраст между гладью стен и выносом портиков – выявлен Мельниковым в кишиневском соборе с наибольшей ясностью благодаря лаконизму и простоте выбранных им архитектурных приемов и средств» [267, с. 82] Внутреннее пространство кишиневского Рождественского собора отличалось строгостью архитектурного решения, соответствуя фасадам здания.

Рождественский Собор с колокольней в Кишиневе – одно из лучших творений этого зодчего. По предложению графа Воронцова для украшения соборного храма в 1834 г. художником Иваном Ковшаровым были составлены чертежи и смета на живописные и иконописные работы «на 41 т[ысяч]250 руб[лей] сер[ебром]. Ему же, Ковшарову, и поручено было украсить соборный храм иконостасом и живописью» [52, с. 809]. В этом же деле, содержащем переписку о строительстве в г. Кишиневе соборной церкви, имеются: документы о продаже казенного дубового и елового леса, купленного для межей и свай под фундамент строящегося храма, о поручении и завершении этой постройки надворной советницей Амалией Дитериховой, о выдаче художнику Ковшарову средств на изготовление иконостаса и «исправление икон» с описанием всех работ по художественной части для графа Воронцова и др.

«В создании кишиневского собора Мельников использовал опыт, накопленный им при сооружении Никольской единоверческой церкви и проектировании Исаакиевского собора (П.1.60). Нижний объем здания в Кишиневе почти буквально, но в несколько увеличенном виде повторяет нижний ярус Никольской церкви, а барабан и шлемовидный купол с фонариком близки к аналогичным частям проектов Исаакиевского собора» [267, с. 81]. Внутреннее пространство кишиневского Рождественского собора отличалось строгостью архитектурного решения. По предложению графа Воронцова для украшения соборного храма в 1834 г. художником Ковшаровым были составлены чертежи и смета на живописные и иконописные работы. Также ему поручили украсить иконостас в соборном храме. Художник расписал стены, изобразив священо-исторические события.

«Такой же конструктивной ясностью, близкой к лапидарности, отличалась и четырехъярусная колокольня» [267, с. 82-83]. Ее построили на одной оси с собором, удалив от него на 40 м в восточно-западном направлении (П.1.61.). Проемы звонниц во втором и четвертом ярусах оформлены полуциркульными завершениями, а третий завершен прямо-

угольным проемом с пилястрами и капителиями ионического ордена. Нижний ярус колокольни был предназначен для церкви. Таким образом, колокольня стала неотъемлемой частью Кафедрального Собора.

В архивном деле о постройке Соборной церкви в г. Кишиневе в период с 1831 по 1833 гг. [169] имеется представление исполнявшего должность областного архитектора подполковника Глейнига, в котором он просил у Строительного комитета разрешения относительно обивки железом дверей при новостроящейся Кишиневской соборной церкви. Так, в представлении Строительного комитета Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору П. Федорову сообщалось, что для работ пригласили датского подданного, каретных дел мастера Николая Андерсона [103, л. 76-76 об.], который согласно контракту, заключенному с Кишиневским строительным комитетом в 1836 г., должен был сделать в новом соборе железную цепь для паникадила и два железных крылоса, ведущих к главному среднему паникадилу [103, л. 203]. За надзором по сооружению Кафедрального собора отвечал Кишиневский городской зодчий И. Гаскет, который вместе с помощником Бессарабского областного архитектора М. Нейманом осмотрели иконостас и, изучив контракт, сделали ряд замечаний по росписи, подготовленной художником Ковшаровым: неверное изображение святых, небрежность использования в живописи красок, неточность размеров иконостаса и др. Таким образом, сооружение соборного храма и колокольни было завершено 12 июля 1835 г. Принять эти здания в духовное ведомство было поручено «кафедральному протоиерею Исидору Гербановскому. Он отнесся к делу разумно и внимательно, и тогда только принял, когда сделано было все, что не доставало, – приделаны к дверям замки, к окнам крючки, приделана труба для прохода дыма от кафельной жаровни, а на колокольне поставлены брусья для колоколов» [52, с. 808]. 21 октября 1836 г. в Кишиневской градской думе слушали предписание о необходимости пригласить мастера Игната Иванова «для снятия колоколов с колокольни церкви, состоящей при Архиерейском доме, и поднятии оных на таковую при вновь выстроенном соборе» [170, л. 1-1 об.].

«Монументальность, крупные членения, контрастность глади стен с выносом каннелированных дорических портиков были рассчитаны на местоположение здания на огромной свободной территории. Заняв на ней такое выгодное “островное” положение, такой собор мог удержать, подчинить к себе это пространство, а впоследствии стал не только градостроительным, но и художественным ориентиром для начавшейся складываться застройки площади» [281, с. 179]. Храм предполагался на «высоте горы пространном полем» [13, с. 26], отсюда были видны город и его окрестности. По предположению

некоторых исследователей, Болградский кафедральный собор построен в 1833–1838 гг., тоже по проекту архитектора Авраама Мельникова. В целом, по архитектуре эти соборы очень похожи. Трехпрестольный Болградский собор (П.1.10.), во имя Преображения Господня, принадлежал к числу лучших храмов губернии. Заложенный в 1833 г., он был торжественно освящен архиепископом Д. Сулимой в присутствии попечителя болгарских колонистов генерала Инзова и знаменитого патриарха католикоса всех армян Нерсеса в 1838 г. [327].

История храма тесно связана с Бессарабией и начинается с года основания Болграда – 1821 г. Среди архитекторов был объявлен конкурс на лучшее решение по переработке проекта архитектора Огюста Монферрана (проектировал Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге – прим. авт.), в котором победил архитектор А. Мельников. Высота Болградского Спасо-Преображенского собора – более 50 м. Сам храм был задуман как высотный ориентир города. Здание собора удивительно гармонично – портики с колоннами, арочные окна в ажурных решетках, классический карниз [325]. Это пример крестово-купольного сооружения, возведенного из местного камня-ракушечника. Четыре мощные опоры служат основанием для высокого цилиндрического барабана, завершенного куполом в виде вытянутой сферы и удлиненной латерной, на яблоке которой установлен двухметровый крест. На барабане между коринфскими пилястрами находятся 12 оконных проемов с полукруглыми завершениями, через которые свет попадает в центральное помещение храма. Четыре портика с шестью ионическими колоннами поддерживают треугольные фронтоны, украшенные дентикулами и барельефами на религиозную тематику, от которых во все стороны расходятся лучи. Над главным портиком возвышаются две башенки-звонницы квадратного плана, завершенные сферическими куполами. Двенадцать подкупольных окон составляли основной источник света, а сама форма купола – чуть вытянутая вверх полусфера, которую дополняли малые купола со звонницами. Архитектурный облик храма характеризуется строгостью линий и безукоризненной симметрией, а также подчинением исходному пространственному прототипу. Тяготение к антикизации архитектурных элементов характерно для русского зрелого классицизма. Одним из близких архитектурных аналогов данного памятника является Кишиневский кафедральный собор. Интерьеры Спасо-Преображенского собора были расписаны в 1912–1914 гг. художником Павлом Пискаревым по эскизам Виктора Васнецова. Автор М. Тубли считает, что проект этого собора, «вероятно, был исполнен Мельниковым в конце 1820-х – начале 1830 гг.» [267, с. 90]. В сравнении с Кишиневским Кафедральным собором, в Болградском диаметр барабана равен ширине портиков, тем самым центральная часть композиции выглядит более це-

лостной. Но, в общем, в этих двух соборах преобладает чувство «прекрасно оформленного пространства за счет открытого и ясного сочетания конструкций (пилонов, сводов, купола) и подчеркивается великолепным освещением» [267, с. 90]. Также примером проекта, созданного архитектором А. Мельниковым, может быть Благовещенская церковь для псковского кремля в 1831 г. (П.1.62.), который по плану «отличался от подобных работ архитектора лишь тем, что квадрат ее основного объема имел выступы только с восточной и западной сторон, а портиками отмечены лишь три фасада (кроме восточного, который обработан пилястровым орденом, как в болгарском соборе)» [267, с. 118].

В центральной части г. Измаила, окруженной тенистыми и уютными скверами, величаво возвышается замечательный памятник русской архитектуры первой половины XIX в. – Свято-Покровский собор (П.1.11.), возможно, также построенный по проекту архитектора А. И. Мельникова на месте старой Николаевской церкви на средства прихожан и, частично, казны, выделенных Бессарабским наместником графом М. С. Воронцовым.

Важными датами из истории Покровского собора в Измаиле являются: 1820 г. – начало строительства, 1831 г. – освящение. Собор имеет два престола: первый и главный – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, другой престол – во имя святителя Николая. Иконостас состоит из икон московской живописи. Настенная живопись Свято-Покровского собора была выполнена академиком П. А. Пискаревым «на основе Васнецовских росписей Владимирского собора в Киеве» [324]. В то же время некоторые исследователи считают автором собора в Измаиле – знаменитого одесского архитектора Г. Торичелли, спроектировавшего немало домов и церквей в Новороссии и Крыму. Есть также мнения, приписывающие авторство проекта собора еще одному известному одесскому архитектору Ф. Боффо – строителю Потемкинской лестницы в Одессе и дорической колонны на месте Кагульской битвы 1770 г. [332]. До того, как в Измаиле был построен собор, решили возвести колокольню. Первоначально колокольня была деревянная. 1833–1835 гг. в истории Измаильской звонницы отмечены отливанием колоколов, которые, были отлиты из металла трофейных турецких пушек. В 1848 г. колокольню соединили с собором крытой галереей, а над ней был устроен верхний храм Николая Чудотворца.

1.1.2. И. Козлов, Ф. Бударский, А. Вейсман

Известно, что каменная трехъярусная колокольня в Измаиле была сооружена по проекту одесского городского архитектора **Ивана Савельевича Козлова** (1800–после 1860). Он происходит из крепостных князя М. Голицина. В 9 лет Ивана Козлова, как одаренного мальчика, отдали учиться в архитектурную школу Кремлевских строений. По-

сле окончания учебы он работал в Москве помощником знаменитого архитектора Доменико Жилярди (1785–1845), затем сотрудничал с еще одним известным зодчим Москвы – Осипом Бове (1784–1834). С 1725 г. И. Козлов приступил к самостоятельной архитектурной деятельности в Санкт-Петербурге. В 1830 г. назначен на работу в Одесский строительный комитет, где начал свою карьеру в качестве помощника архитектора Г. Торичелли. Занимался обустройством соборной площади вокруг Преображенского собора, парадной лестницей на Приморском бульваре. В 1839 г. участвовал в строительстве каменных двухэтажных казарм в Аккермане (П.63.). В 1844 г. был назначен архитектором 3-й части г. Одессы, и оставался на этой должности до 1859 г., пока не вышел на пенсию по состоянию здоровья. И. Козлов является автором целого ряда зданий, инженерных сооружений, а также городских ансамблей в Одессе 1830-х–1850-х гг. [204, с. 193].

Будерский Франц Михайлович (1803–?) – аккерманский архитектор и землемер. В НАРМ нами был обнаружен чертеж фасада дома купца Семена Асвадунова по улице Новобазарной в городе Аккермане, выполненный Ф. Будерским в 1839 г. (П.1.64.). Архитектура здания отличается простотой. Форма окон цокольного этажа представляет собой прямоугольник, развитый по горизонтали, а оконные проемы первого этажа – это прямоугольники, вытянутые по вертикали. В качестве декора фасадной стены используются чередующиеся рельефные ромбы. На старых фотографиях видно, что построенный дом несколько отличается от первоначального проекта (П.1.65.). Сегодня на месте дома Асвадунова располагается четырехэтажное здание почтамта.

Согласно опубликованным материалам, в 1795 г. Бельцкая соборная Николаевская церковь была построена молдавским боярином Георгием Панайотом по плану римско-католической церкви, который был составлен архитектором **Вейсман (Weisman)** из Галиции. «С западной и восточной сторон имеет с отличными украшениями фронтоны, два боковых предела внутри отделены от главной части пилястрами» [43, с. 160]. К редкостям этой церкви относятся крест на иконостасе, расположенный на большом позолоченном змий, и сам иконостас, расписанный известным в те времена художником Ефстафием, обучавшимся в Венской Академии художеств. [43, с. 160].

В 1840 г. в Сороках была спроектирована православная церковь так называемым «вольным» архитектором **Антоном Вейсман (Weisman)**. (П.1.66.). В переписке с управлением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Бессарабской областной строительной комиссии [106] имеются подробные сведения о постройке этого храма. Из письма архиепископа Кишиневского и Хотинского Д. Сулиммы становится известно о сумме – 2500 рублей серебром, пожертвованной на сооружение данной Сорокской церкви в

январе 1840 г. Была учреждена комиссия, которая отвечала за постройку церкви и руководствовалась «высочайше утвержденными 9 марта 1826 г. правилами построения церквей», а именно: «чтобы планы и фасады составляемы были губернскими, привилегированными архитекторами, по состоянию прихожан и способам, какие от них могут быть доставлены [106, л. 25]. Согласно архивным документам, в 1830-1831 гг. архитектор Росицкий принимал участие в составлении проекта этой церкви [299, р. 158]. И так как план был составлен «неким вольным» архитектором Вейсманом, необходим был опытный в строительстве каменных зданий архитектор, который смог бы проверить его согласно правилам, предоставив строителям нужные размеры и шаблоны основного строения, «осматривая сколь можно производство работ и по окончании оных, утверждая исправность оных своим свидетельствованием» [106, л. 25 об.], – писал 23 мая 1840 г. Д. Сулима в письме Бессарабскому Губернатору, генерал-майору Павлу Федорову. Данную работу было предложено сделать Кишиневскому областному архитектору Л. Заушкевичу. Для этого 15 июня 1840 г. Бессарабская областная строительная комиссия направила ему чертежи Сорокской церкви, которые составил архитектор Вейсман. Л. Заушкевич должен был проверить их согласно архитектурным нормам того времени и, при соответствии, написать отзыв для начала строительства. Но архитектор Заушкевич «донес комиссии, что план, составленный архитектором Вейсманом, не соответствует правилам Архитектуры» [106, л. 34 об.], на основании чего строительная комиссия не могла разрешить продолжать сооружение данной церкви, так как непонятно было, какие новые изменения требовалось внести в проекты архитектора Вейсмана. После заключения контракта с последним и подписанием условий подряда на строительство церкви, со стороны Бессарабской казенной палаты 16 апреля 1841 г. были устроены дополнительные проверки по поводу архитектора [106, л. 72]. На отношении Бессарабской Казенной палаты в мае 1846 г. пришло уведомление о том, что Антон Вейсман, заключивший условие на подряд по строительству церкви в г. Сороках, вольнопрактикующий архитектор, «сын австрийско-подданного умер в октябре 1844 г. в Ясском уезде, в селении Бисериканы» [106, л. 77].

Возникает вопрос, был ли этот архитектор Антон Вейсман автором бельцкой Николаевской церкви, которая строилась в 1795–1804 гг.? Известно, что австрийско-подданный Антон Вейсман, который проектировал Сорокскую церковь Св. Богородицы умер в 1844 г., в возрасте 55 лет. Несложные подсчеты показывают, что если это был один и тот же архитектор, то на период строительства церкви в Бельцах ему могло быть от 9 до 15 лет. Поэтому, по всей видимости, данное предположение не является верным. Возможно, это была династия архитекторов по фамилии Вейсман в Бессарабии? Только дополни-

тельные архивные документы смогут прояснить подобные вопросы, возникающие при изучении истории архитектурных памятников.

4.1.3. Г. Торичелли, братья Шарлемань

Одесский архитектор **Георгий Иванович (Джорджо) Торичелли (Giorgio Toricelli)** (1796–1843) [317] родился в 1796 г. в швейцарском городе Лугано и был выходцем из архитектурной династии, некоторые зодчие которой работали в северной Италии и южной Швейцарии. Как указывает исследователь В. А. Пилявский, некий архитектор Феличе Торичелли исполнял работы в базилике Св. Доменика в Болонье в начале XVIII в., а также в Санкт-Петербурге [204, с. 239].

В 1818 г. Г. Торичелли приехал в Одессу, где в течение шести лет работал с архитектором Франческо Боффо и занимался застройкой города. Участвовал в строительстве первого здания лютеранской церкви Святого Павла (не сохранилась) и таможни в Одесском порту. В 1826 г. был принят на должность помощника городского архитектора в Одесский строительный комитет, и через два года Г. Торичелли был назначен городским архитектором 2-й части Одессы и получил право на самостоятельные постройки.

Участие Г. Торичелли в строительстве Одесской старой купеческой биржи на Приморском бульваре стало важным этапом в совершенствовании его опыта. Другой важной вехой было строительство колокольни Спасо-Преображенского собора. Кафедральный Спасо-Преображенский собор в Одессе был создан благодаря творчеству выдающихся архитекторов и художников, которые работали над ним более века (1795–1903). Собор был не только культовым зданием, но и монументальным мемориальным комплексом – местом захоронения одесских архипастырей, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. Воронцова и его жены. В 1825 г., по проекту архитектора Г. Фраполли, было начато строительство трехъярусной колокольни Спасо-Преображенского собора. Но в 1827 г. это строительство было остановлено, и только через девять лет его продолжили, по новому проекту, составленному архитектором Дж. Торичелли. Четырехъярусную колокольню торжественно освятили в 1837 г. (П.1.67.). В 1832 г. для помещика штаб-ротмистра Ивана Хорвата архитектором Торичелли было построено жилое здание в классическом русском архитектурном стиле (П.1.68.). Оно представляло собой двухэтажный особняк с небольшим садиком. В 1838 г. это здание выкупил граф Толстой из украинской ветви известного рода Толстых.

Г. Торичелли был многоплановым мастером, и лучше всего ему удавались решения по строительству городских ансамблей. Примером стал комплекс площадей, объединив-

ших в центре Одессы административные и культурно-общественные центры. По его проектам были построены изящная аркада на Биржевой площади, городской клуб на Театральной площади и 44 лавки Пале-Рояля [205, с. 39] и др. Исследователь архитектуры В. Пилявский обратил внимание на особенности творческой манеры архитектора Георгий Торичелли: «суше и строже, тяготеющие уже к позднеготическим и палладианским мотивам образцы творчества представителей северо-итальянской (ломбардской и венецианской) и тессинской школ» [203, с. 11].

Что касается Бессарабии, известно, что Г. Торичелли принимал участие в строительстве Покровского собора в Измаиле, созданного в 1822–1832 гг. (П.1.11.). Мы уже писали ранее об этом памятнике архитектуры [271, с. 11]. Согласно ряду источников, этот собор был создан по проекту петербургского профессора архитектуры А. И. Мельникова [205, с. 39], а по данным исследований Б. Мовчан, в проектировании Измаильского Покровского собора участвовал один из Одесских городских архитекторов – И. Козлов [29].

Здание евангелическо-лютеранской церкви в Кишиневе (П.1.18.) по проекту архитектора Торичелли было построено в 1838 г. Прямоугольное в плане, однефное сооружение кирпичи перекрывалось двухскатной кровлей. С западной стороны основного объема располагалась высокая башня. На ней предполагалось установить городские часы. Полукруглая апсида завершала сооружение с восточной стороны. «Высокие окна стрельчатой формы, декоративные башенки – все это отдаленно напоминало готические формы и, как считается, было выполнено Торичелли в соответствии с требованиями богатых немецких колонистов» [10, с. 23]. Кирха была разрушена в 1960 г.

Проект Евангелической церкви, состоящий из фасада и плана части Кишинева с описанием местоположения предполагаемой кирпичи, составленный архитектором Торичелли (имеется подпись зодчего Торичелли), хранится в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург [243] (П.1.69.).

Он же принимал активное участие в строительстве тюремного замка в г. Кишиневе в первой половине XIX в. (П.1.24.). Спроектированное в виде средневекового замка, это общественное здание строилось с 1834 по 1864 гг. Проект тюремного замка в г. Кишиневе также хранится в РГИА (г. Санкт-Петербург) [244] (П.1.70).

В архивном деле, связанном со строительством этого замка в 1831–1841 г., речь идет о плане, который был «составлен в готическом вкусе с отступлением от высочайше апробированных, но это обстоятельство уже было в виду главного начальства» [101, л. 87]. 5 января 1837 г. Кишиневская строительная комиссия сочла именно этот проект заслуживающим внимания для сооружения нового здания на 500 арестантов, как было

определено по чертежу и смете архитектора Торичелли.

Замок представлял собой замкнутый объем квадратного плана со сторонами, ориентированными не по осям «гипподамовой» городской улично-дорожной сети, а по сторонам света. Такое расположение подчеркивало уникальность всего сооружения. При этом на каждую улицу квартала, примыкающего к Сенной площади, выходило по одной угловой цилиндрической башне высотой более 20 м. Внутри комплекса находился большой тюремный двор [338]. По обе стороны от угловых цилиндрических башен располагалась по призматической четырехгранной башне меньшей высоты, а еще более низкие промежуточные башни в виде параллелепипеда фланкировали куртины посередине. Все башни были завершены зубцами и декоративным арочным карнизом, напоминающим машикули крепостных сооружений. Когда-то такие навесные бойницы («варницы») предназначались для вертикального обстрела неприятеля, в том числе для бросания камней и поленьев, поливания врага кипящей смолой, крутым кипятком и др. Угловые башни (цилиндрические и призматические), а также «куртины» усиливались ступенчатыми наклонными контрфорсами различной конфигурации. Оконные проемы были решены в виде узких щелевидных амбразур и круглых бойниц, лишь окно тюремной церкви, расположенной на втором этаже северной входной башни, было выполнено в форме латинского креста.

При главной башне можно увидеть одноэтажное, круглое в плане сооружение, напоминающее входной барбакан с зубцами. В форме трех входных проемов просматривается влияние мавританской архитектуры: общий контур напоминает стилизованную подковообразную арку. Видимо, поэтому Кишиневский острог иногда сравнивают с мавританским замком [33]. Но, в целом, тюремный комплекс был решен в духе английского романтизма. При всей суровости сооружения, Г. Торичелли выступил в роли одного из наиболее успешных архитекторов-«романтиков» первой половины XIX в., несмотря на то, что начинал он как мастер классицизма» [287, с. 153-154].

В начале XX в. тюремный замок лишился своего зубчатого завершения, а в 1940 г. весь комплекс сильно пострадал от землетрясения. На сегодняшний день в перестроенной тюрьме сохранилась лишь часть главной башни и винтовая лестница, а также фрагменты рядом стоящих башен. Архитектор использовал характерные формы для средневековых замков Англии, с их изящными ступенчатыми контрфорсами, разновысотными зубцами, узкими и крестообразными амбразурами, круглыми бойницами и машикулями. При этом появляются и «бутафорские контрфорсы, слегка выступавшие из поверхности стен, которые, однако, в сочетании с общей изрезанностью объема в плане создавали на фасаде интересную игру светотеней» [287, с. 153].

В качестве одного из аналогов – возможных источников вдохновения автора – можно привести английский замок Бодиа, возведенный в XIV в. в графстве Восточный Суссекс (П.1.71.). Английский романтизм удачно переплетается с элементами мавританской архитектуры в Воронцовском дворце в Алушке, построенном по проекту английского архитектора Эдварда Блора в 1828–1848 гг. (П.1.72.).

Строительство тюремного замка, прозванного горожанами «Кишиневской Бастилией», велось до 1864 г. В подвальном этаже располагались хозяйственные помещения и камеры особо опасных преступников, по периметру здания находились камеры обычных заключенных и комнаты охранников, на втором этаже было лечебное отделение, а на третьем содержались малолетние арестанты [287, с. 153-154]. Подобно замку-крепости, острог представлял единый замкнутый объем с неприступными зубчатыми стенами, и достаточно большим внутренним пространством двора. Архитектор Торичелли при строительстве острога руководствовался следующим: «Всю работу замка производить в одной мере постепенности, дабы тем дать общей связи здания достаточную прочность» [229, л. 178 об.]. Об этом писал Одесский городской архитектор Г. Торичелли Кишиневскому городскому архитектору Л. Заушкевичу в своем рапорте от 24 июня 1842 г., с замечаниями, касающимися строительства Кишиневского тюремного замка. 12 ноября 1864 г. новая тюрьма «была открыта, и в нее переведены арестанты из старого острога, что на Скулянской рогатке. Тюрьма эта обошлась чуть ли не в миллион, и была в свое время образцовым зданием» [34]. Широко известны и работы зодчего Торичелли в Крыму. В 1835 г. в Керчи, на восточном склоне Митридата, по проекту архитектора Г. Торичелли совместно с архитектором Александром Дигби было возведено здание Музея древностей, воспроизводившее своим обликом вид афинского храма Гефеста (П.1.73.). Во второй половине XIX в. это здание бывшего музея древностей по-прежнему украшало склон горы, обращенный к центральной городской площади. Пострадавшее после Крымской войны, оно было передано православной общине города (не сохранилось) [205, с. 39].

Среди других крымских работ Г. Торичелли – церковь Св. Иоанна Златоуста в Ялте, построенная совместно с архитекторами Карлом Эшлиманом и Степаном Дево. Она была спроектирована по типу сельских церквей Англии с использованием готических элементов в фасаде и интерьере. Торичелли использует ряд приемов, характерных для готических костелов: щипцовое завершение боковых приделов, колокольня с пирамидальным шатровым завершением (не сохранилась), стрельчатая форма оконных и дверных проемов (сохранилась), окна украшали цветные витражи. 17 сентября 1838 г. стало важной датой в истории Ялты. В этот день император Николай I со своей семьей отправились

«на церемонию освящения только что отстроенной по проекту архитектора Г. Торичелли церкви Иоанна Златоуста» [48, с. 14] (П.1.74.). Сразу после этого знаменательного события по воле императора Ялта становится уездным городом. Архитектора Г. Торичелли пригласили проектировать и церковь в Алуште, в создании которой активное участие принимал Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, М. С. Воронцов, стремившийся придать постройкам южного берега Крыма облик, напоминающий замки и церкви средневековой Британии. Для исполнения его желания архитектор Г. Торичелли использовал архитектурные приемы традиционной английской готики. Первоначально здесь были открытые деревянные конструкции, деревянный потолок, стрельчатой формы дверные проемы и окна с цветными витражами. Храм выглядел необычно для православных христиан, привыкших к более строгому византийскому стилю церковной архитектуры. По окончании строительства, 30 ноября 1842 г., церковь была торжественно освящена во имя покровителя царствующего дома Романовых Св. Феодора Стратилата (П.1.75.). Судя по старым фотографиям и гравюрам с видами Алушты, колокольня храма служила градостроительной доминантой всего города. По типу зданий Алуштинская церковь принадлежит к каменным однефным крестовым, с четвериком в средокрестии с трехъярусной колокольней над притвором. Зодчий Торичелли использует вновь ряд характерных для архитектуры готических костелов: щипцовое завершение боковых пределов, колокольню с пирамидальным шатровым завершением, стрельчатую форму оконных и дверных проемов, высокие контрфорсы и в завершении фасадов – зубчатые парапеты. Иконостас церкви был выполнен из липового леса купцом черниговской губернии Пантелеймоном Бочаровым по чертежу того же архитектора Г. И. Торичелли. Длина его была 11 аршин, а высота – 10 аршин [16].

В 1830–1840 гг. Георгий Торичелли трудился вместе с другими замечательными итальянскими архитекторами над утонченным интерьером Юсуповского дворца, расположенного в Санкт-Петербурге, на набережной реки Мойки [336] (П.1.76.). В те же 1830–1840 гг. по заказу М. Воронцова недалеко от Черкасс, в с. Мошны, была построена Преображенская церковь в стиле тюдоровской готики с использованием восточных мотивов, которую также проектировал Георгий Торичелли (П.1.77.). По своей архитектурной форме, она напоминает бывшую лютеранскую кирху в Кишиневе (П.1.18.), а также знаменитый Воронцовский дворец в Алушке (П.1.72.). Несмотря на восточный декор, соблюдены принципы православной крестово-купольной постройки. Храм составляет с 50-метровой колокольней единое целое. Над средокрестием – самый крупный, по-восточному приплюснутый купол. Особое очарование постройке придают многочисленные изящные ба-

шенки, которые, наряду с большими стрельчатыми окнами, подчеркивают готический стиль высокой четырехугольной колокольни [331]. Г. И. Торичелли умер в 1843 г. «во время эпидемии холеры», а по другим сведениям, – «от болезни Боткина» [204, с. 239]. Преждевременная смерть не позволила завершить ему многие архитектурные замыслы. Но сохранившиеся памятники и сегодня привлекают особенной изысканностью, монументальной строгостью и тонкостью ордерного декора.

Представляет интерес и вопрос, связанный с автором проекта Кишиневской римско-католической церкви, построенной в 1840 г., здание которой и сегодня является украшением молдавской столицы. Многие историки и архитекторы связывают этот памятник с именем известного архитектора Иосифа Ивановича Шарлеманя.

Художественная династия талантливых мастеров по фамилии **Шарлемань (Шарлемани, Шарлеман)** [272], занимающая достойное место в одном ряду с такими знаменитыми русскими архитекторами, как Карл Иванович Росси (Rossi, 1775 – 1849), Константин Андреевич Тон (Тон, 1794 – 1881), Василий Петрович Стасов (1769–1848) и др., сыграла значительную роль в развитии русского искусства XVIII – первой половины XIX вв.

По приглашению русской императрицы Екатерины II, первый представитель семьи **Шарлемань – Жан-Батист Боде (Jean-Baptiste Baudet)** (1734, Руан – 1789, Санкт-Петербург) (см. в генеалогическом древе П.1.78.) [1], уже хорошо известный по прозвищу Шарлемань, прибыл в 1777 г. из Франции в г. Санкт-Петербург [2, с. 211]. Фамильное прозвище «Шарлемань» происходит от имени короля франков Карла I Великого, называемого по-французски Шарлеманем (Charlemagne), от его имени на латинском языке – Carolus Magnus. Будучи родом из французского Руана, Жан-Батист прославился как отличный мастер живописных и резных работ. В Царском селе и в Зимнем дворце российской императрицы он «резал из мрамора каминные и фигуры, из дерева – мебель и рамы для картин, расписывал комнаты орнаментами, занимался золочением» [2, с. 211].

Спустя 5 лет после смерти, в 1794 г., Жан-Батист (Иван) Шарлемань-старший получил звание академика орнаментальной скульптуры. В 1897 г., по желанию умершего академика и по прошению его вдовы Марии (П.1.78.) [1.1], их сыновья – Жозеф (Joseph Jean, Иосиф/Осип Иванович (П.1.78.) [2]), Жан-Мишель (Jean-Michel, Иван Иванович [3]), Луи-Анри (Louis-Henri, Людовик Иванович (П.1.78.) [4]) и Шарль (Charles, Карл Иванович (П.1.78.) [5]), по их склонности «в обучении художествам», были отданы пенсионерами в Петербургскую академию художеств [232, л. 5]. В 1803 г. **Иосиф Иванович Шарлемань** (1772–861), блестяще окончив это учебное заведение, получил аттестат 1-й степени и остался служить при Петербургской академии художеств. Согласно формулярному списку

о службе статского советника, составленному в 1850 г., Осип Иванович Шарлемань – римско-католического вероисповедания, кавалер орденов Святого Владимира 3-й ст., Святой Анны 2-й ст. с императорскою короной и Святого Станислава 2-й ст. Имел также отличительный знак за безупречную службу в течение 30 лет своей деятельности [238, л. 10-10 об.].

Получив архитектурное образование, Иосиф Иванович Шарлемань, или Иосиф Шарлемань 1-й, как он вошел в историографию [2, с. 212; 254, с. 160], в 1804 г. работал помощником в мастерской уже известного в то время придворного архитектора Луиджи Руска (1762–1822) (П.1.78.) [6.1], женой которого была старшая дочь Шарлеманя старшего, Мария-Мargarита [2, с. 212], (П.1.78.) [6]. В конце XVIII – первой половине XIX вв. по проектам Луиджи Руска в Российской империи возводились многие здания. Именно под руководством этого зодчего Шарлемань 1-й учился исправлять сделанные проекты и составлять новые, и это ему хорошо удавалось, о чем не раз с восхищением писал сам Л. Руска [2, с. 212]. О другой дочери Шарлеманя старшего известно то, что ее звали Мари-Франсуаза и умерла она в 1820 г. [254, с. 160], [7].

В 1806 г. И. Шарлемань 1-й был произведен в губернские секретари и определен архитектурским помощником в Строительный комитет, в качестве члена общего присутствия Департамента проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В 1813 г. он стал во главе Чертежной этого комитета и был произведен в коллежские секретари. В 1815 г. становится титулярным советником, и по Указу министра внутренних дел, начиная с 1817 г., Иосиф Иванович был назначен непременным членом Строительного комитета [238, л. 11об-12].

В 1818 г. Луиджи Руска, покидая Россию, все свои незаконченные проекты оставил И. Шарлеманю 1-му и его младшему брату Людовику, который также работал у этого архитектора. Среди проектов были ограда и церковь с иконостасом для здания Духовной академии на Обводном канале в Петербурге, а также внутренняя отделка особняка в стиле ампира на Исаакиевской площади, которая и была выполнена Иосифом Ивановичем Шарлеманем 1-м [2, с. 212].

В 1819–1820 гг. он занимался перестройкой павильона Михайловского замка под школу верховой езды, расширением манежа при нем, составлением двух проектов тюрьмы, которые планировали построить в Петербурге, на Фонтанке [2, с. 213]. В 1823 г. И. Шарлемань 1-й становится коллежским ассессором. Он участвовал в строительстве зданий карантин в Таганроге в 1825 г., и впоследствии ему он проектировал погребальный катафалк и балдахин для российского императора Александра I, хранившиеся в качестве ре-

ликвий в греческом Иерусалимском монастыре [2, с. 216].

В 1826 г. он принял участие в обсуждении проекта храма Христа Спасителя в Москве [2, с. 216]. Тогда же И. Шарлемань 1-й был назначен архитектором при Петергофском правлении [2, с. 216]. Там, в течение почти 25 лет, ему пришлось построить «в царской резиденции: каменные и деревянные кавалерские дома и кухни при дворце, кордегардию на въезде в город из Петербурга, оптический телеграф, театр, присутственные места, Офицерское собрание, здания полиции, пожарного депо, тюрьмы, манежа и казарм Гвардейского экипажа» [2, с. 216], – все то, что явилось основой для создания Петергофа в XIX в. В 1828 г. Шарлемань 1-й был произведен в надворные советники.

Архитектор работал не только в Петергофе. Он также проектировал для Петербурга и Москвы. Так, вместе с другими зодчими он принял участие в разработке проекта здания Министерства внутренних дел, построил лечебницу на ул. Моховой в Петербурге. Будучи в отставке, архитектор, скорее всего, продолжал заниматься частным проектированием, о чем выявлено весьма немного сведений, как и о его проектировании в провинциях России.

Умер Иосиф Иванович Шарлемань 1-й в чине статского советника 26 ноября (8 декабря) 1861 г. в Петербурге и был похоронен там же, на католическом кладбище Выборгской стороны [2, с. 219].

Старший сын, Иосиф-Мария (Иосиф Иосифович) Шарлемань (1824–1870) (П.1.78.) [8] был учеником известного русского архитектора и художника Александра Павловича Брюллова (1798–1877), родного старшего брата художника Карла Брюллова. В 1846 г. прослушал учебный курс в Академии художеств, участвовал в строительстве Нового Эрмитажа, сотрудничал с Осипом Монферраном и Николаем Бенуа. Но известен больше не как архитектор, а как художник, выдающийся мастер в области акварели [2, с. 219]. Второй сын, Адольф Иосифович (1826–1901), (П.1.78.) [9], в 1855 г., после окончания Академии художеств с золотой медалью, достиг совершенства в живописи, а именно – в написании исторических картин. Так, например, сыновья Адольфа Иосифовича – Иван (П.1.78.) [14] и Иосиф (1880–1957) [337], (П.1.78.) [15] – художники пятого поколения династии Шарлеманей; дочь Ивана Адольфовича и его жены Александры Сергеевны (П.1.78.) [14.1], Лидия (1915–1963) (П.1.78.) [16]), также была известной советской художницей, членом Ленинградского союза художников [280, с. 60].

Другой сын Ивана Шарлеманя-старшего, **Людвик** (1784–1845), (П.1.78.) [3] или **Шарлемань 2-й** [2, с. 219, с. 161.] в 1806 г. [239] завершил свое образование в Петербургской Академии художеств, получив звание классного художника архитектуры 1-й степени. За подготовленный им проект монумента для Естественного музея он получил

золотую медаль 2-й степени [2, с. 212].

В период с 1808 по 1817 гг. работал вместе со своим старшим братом, И. Шарлеманем 1-м, помощником у архитекторов в мастерской Л. Руска [2, с. 212]. Затем служил в канцелярии Петербургского военного губернатора [2, с. 212]. Вместе со своим братом Иосифом был также членом специального Строительного комитета при Министерстве внутренних дел [2, с. 219].

После отъезда Л. Руска, в 1818–1819 гг. Шарлемань 2-й занялся переделкой дворца Шувалова и разработал проект домово́й церкви в стиле ампи́р при Министерстве юстиции [2, с. 219-220]. Начиная с 1820 г. работал архитектором Гоф-интендантской конторы и потому много занимался разными переделками и ремонтом в Зимнем, Таврическом, Елагинском и других дворцах, а также в служебных зданиях данного ведомства» [2, с. 219].

В 1823 г. под руководством зодчего Александра Алексеевича Михайлова участвовал в перестройке Училища женских сирот, за что был награжден бриллиантовым перстнем. Здание до сих пор украшает 10-ю линию Васильевского острова в Санкт-Петербурге [2, с. 220]. В 1824 г. разрабатывал типовые проекты для церквей Российской империи [204, с.251].

В это же время он построил в стиле ампи́р несколько деревянных зданий дач на Выборгской стороне и Каменном острове Петербурга, в том числе Головинскую дачу – деревянный дом, который сохранился до нашего времени [2, с. 220], за что 1 апреля 1825 г. ему было «объявлено монаршее благоволение» [239]. В Летнем саду известны две работы Людовика Ивановича Шарлеманя: чугунная решетка, отлитая по его рисунку в 1826 г., и деревянный павильон «Чайный домик», построенный им в 1827 г. [2, с. 222] (П.1.79.). Как решетка, оригинально оформленная щитами с головой медузы (П.1.80.) и стилизованными топориками, так и небольшой домик с дорическими колоннами были созданы автором в стиле классицизма. В 1830-е гг. в Петербурге Шарлемань 2-й разрабатывал проекты и участвовал в строительстве так называемого работного дома, с расположением церкви на верхних этажах, здания больницы для лечения венерических заболеваний, Александринского сиротского приюта в стиле ампи́р и др. [2, с. 223].

Архитектор Шарлемань 2-й также строил дома для частных лиц и проектировал для многих городов на юго-западе Российской империи, в том в 1836 г. числе здание центрального карантина в Одесском порту [204, с. 251]. По его плану был сооружен Институт благородных девиц в Полтаве [2, с. 224] и, возможно, другие постройки, о которых пока также еще недостаточно известно.

С 1 января 1843 г. был «переименован старшим архитектором Гоф-интендантской

конторы» [239].

Людовик Шарлемань, известный архитектор, скульптор, профессор архитектуры Академии изобразительных искусств, умер от водянки в 1845 г. Его похоронили на Петербургском Волковском кладбище.

Карл Шарлемань, третий сын Ивана Шарлеманя старшего (1787–1814, [4]), окончил Академию художеств в 1809 г. и впоследствии работал художником [2, с. 212]. Четвертый сын Ивана Шарлеманя старшего – Иван (1789?–1898) (П.1.78.) [5] не успел получить художественного образования, так как умер спустя год после поступления в Академию [2, с. 224].

Однако в творчестве династии Шарлеманей нас в первую очередь, интересует, существует ли связь с архитектурой Кишинева и Бессарабии. В некоторых научных исследованиях речь идет о проекте для строительства римско-католического костела, составленном, по словам многих авторов, Иосифом Ивановичем Шарлемань [259, с. 20; 297, с.553; 305, р. 173, 176; 253, с. 138]. В одной из своих работ исследователь В. Боровский связывает проект этой церкви с каким-то архитектором Шарлемань [10, с. 23], не называя его по имени, хотя в его диссертационной работе этот зодчий указывается как Шарлемань 2 [9, т. 2, табл.8].

В Государственном архиве Одесской области хранится дело о строительстве римско-католической церкви в г. Кишиневе с 1834 по 1847 г., согласно которому первоначальные смета и проект на строительство были составлены кишиневским зодчим и членом католического прихода И. Гаскетом в 1835 г., но, возможно, что эти документы так и остались без окончательного утверждения [25, л. 5 об.]. 18 июля 1838 г. Советом путей сообщения и публичных зданий был одобрен другой проект костела, который в 1840 г. и был рекомендован для выполнения в Кишинёве [242] (П.1.81).

Архитектура римско-католического собора была реализована в духе позднего неоклассицизма. Прямоугольное в плане, трехнефное сооружение перекрыто двускатной кровлей. На главном фасаде – симметрично расположенные две башни колокольни, перекрытые пологими куполами. На верхнем ярусе углы башни решены в виде полуколонн ионического ордера. Высокие арочные окна расположены по периметру. Также лаконично были построены другие фасады с выступающим карнизом, полочками, арочным обрамлением окон.

Как следует из дела Бессарабского дворянского депутатского собрания о пожертвовании на постройку костела в Кишиневе за 1841–1842 гг., а именно: «здание церкви этой великолепно и прекрасно, но построить внутренние украшения соответственные са-

тому зданию, приобрести покупкою орган и колокола без особого пособия благотворителей комитет сей не имеет решительно никаких средств» [177, л.7].

Однако до сих пор доподлинно не ясно, кто был на самом деле автором этого проекта. В то время такие выдающиеся архитекторы, как Давид Висконти (Visconti) (1772–1838), Авраам Мельников (1784–1854) и др., включая братьев Иосифа и Людовика Шарлеманей, продолжали работать в Строительном комитете, который был специально организован для руководства государственным и частным строительством по типовым проектам. Возможно, проект римско-католического костела в Кишиневе частично относился к сборнику типовых проектов церквей, созданных для Российской империи в 1824 г., над которыми работали братья Шарлемани под руководством архитектора Александра Алексеевича Михайлова. А потому, предположительно, Людовик Шарлемань, или Шарлемань-2, мог быть автором проекта римско-католического собора в Кишинёве. Это подтверждает и то, что его имя фигурирует на проекте римско-католической церкви [242] (П.1.81.). Также архитектор Шарлемань-2 утвердил проект каменных пристроек Аккерманского городского острога в 1837 г. [246].

Более того, Иосиф Шарлемань-1 подписывал свои проекты с указанием имени и фамилии, как это четко просматривается на части плана фасада дома, составленного архитектором для ораниенбауманского купца Алексея Водомерова [231], и что отсутствует на проекте кишиневского римско-католического костела [242]. Также, к примеру, среди членов комиссии, утвердивших в 1833 г. проект евангелической церкви в Кишиневе (П.1.18.), имеется подпись: «надворный советник И. Шарлемань» [243], где он указал только инициал своего имени и фамилию. Сохранилась проектная документация, которую утверждали два брата одновременно, как это было в проекте построения в 1842 г. сиротского дома при Кишиневском городском госпитале с подписями: «Иосиф Шарлемань и Шарлемань 2» [241] (П.1.82.).

Таким образом, при изучении творчества представителей художественной династии Шарлемань, по вопросу, связанному с атрибуцией Кишиневского римско-католического костела в первой половине XIX в., нами были приведены примеры, которые косвенно свидетельствуют о том, что проект данной церкви мог быть составлен Людвигом Ивановичем Шарлеманем или Шарлеманем 2-м. Однако новые архивные находки смогут в дальнейшем пролить свет на данный вопрос и дополнить сведения о возможном участии этого талантливого зодчего в сооружении и других архитектурных памятников Бессарабии.

4.1.4. И. Гаскет, Н. Голиков, А. Лукашевич

Еще один талантливый одесский архитектор – **Иосиф-Доменик-Андрэ (Осип Иванович) Гаскет (Iosif Gasquet)** (1800–1878) прославился в Бессарабии своим замечательным творчеством. Согласно формулярному списку (П.2.б.), он родился в 1800 г. в Одессе в католической семье. «Архитектуру и геодезию, теоретическую и практическую изучал в г. Одессе с 1817 по 1822 год у прибывшего из Парижа вольнопрактикующего архитектора Франца Шаля» [83, л. 18]. Также учился у таких известных архитекторов как Г. Фраполли, Г. Торичелли и Ф. Боффо. Известно, что в период с 1826 по 1836 гг. он – кишиневский городской архитектор. Согласно исследованию Е. Рыбалко, среди первых его работ в Кишиневе – окончание кладбищенской церкви Всех святых, достройка нового дома Е. К. Варфоломея, решенного в духе классицизма и переустроенного для казенного помещения, впоследствии известного как Губернаторский дом [249, 427]. Архитектор И. Гаскет участвовал в строительстве Кафедрального собора [171, л. 3-3 об.], Вознесенской, Харлампиевской кишиневских церквей, в проектировании городских фонтанов, лютеранской кирхи, мощении улиц и др.

В деле о постройке нового городского острога в г. Кишиневе в 1831–1841 гг. [101] сообщалось, что существующий Кишиневский тюремный замок был неудобен для содержания арестантов, помещений караула, а также представлял опасность из-за своей ветхости и содержащиеся в нем арестанты могли совершить побег. И. Гаскету поручили составить план и смету на пристройку нового здания, мастерской и больницы. Но в окончательном варианте был одобрен и принят вариант тюремного замка, подготовленный архитектором Торичелли.

В октябре 1833 г. Гаскет подготовил план и фасад Полицейского дома, с пожарной каланчой для сооружения в Кишиневе. Он же определил место будущей постройки и составил план с его указанием возле здания Митрополии по Московской улице [102, л. 5-5 об.]. В одном из своих рапортов городской архитектор Гаскет в сентябре 1834 г. сообщал о наблюдении «за правильной и прочной постройкой порученных ему наблюдений: здания для детей канцелярских служащих, и дома в городском саду, также и вновь начавшуюся постройку Евангелической церкви» [102, л. 32 об.]. Кроме того, Кишиневский строительный комитет поручил ему составить смету на сооружение ограды вокруг Кишиневского кафедрального собора. При этом в его обязанности входило: заняться обмером земли разных строений, состоящих под домами и лавками г. Кишиневе для введения поземельного сбора в пользу городских доходов.

19 марта 1834 г. согласно освидетельствованию городского архитектора Гаскета, оказалось, «что в Кишиневской соборной церкви и колокольне все работы произведены прочно, все сделано «надлежащим образом и прочее» [117, л. 3-3 об.]. В июле 1834 г. Кишиневский городской архитектор Гаскет делает копию плана Кишиневской соборной церкви и колокольни, которая находилась у архиепископа Кишиневского и Хотинского Димитрия» [103, л. 76-76 об.].

В деле о постройке колокольни на Кишиневской соборной площади имеется акт № 3170 «О прочности перекрытия крыши на воротах при соборной церкви» [111, л. 17], подписанный областным архитектором **Николаем Павловичем Голиковым** (1817 – после 1870) (П.2.7.) 5 марта 1847 г. Известно, что после окончания Санкт-Петербургской школы гражданских инженеров [145, л. 969], он с 1839 г. работал архитектором в Кишиневе во время управления губернатора П. Федорова. Утверждал образцовые проекты, организовывал работы по благоустройству города. Так, согласно переписке с Бессарабским областным правлением в 1856 г. [175] об обследовании ветхих домов в Кишиневе, Голиков, будучи областным архитектором, представил 26 актов на дома, предполагаемые к сносу. Газета «Бессарабские областные ведомости» [31, с. 316 об.] в 1859 г. опубликовала Указ Правительствующего Сената о произведении Бессарабского областного архитектора Голикова в надворные советники.

В декабре 1834 г. настоятель католической церкви и прихожане написали прошение на имя Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. Воронцова о ходатайстве денежных средств на построение нового здания католической церкви в Кишиневе. Они выступили с просьбой рассмотреть «требуемые план и смету, составленные кишиневским архитектором г. Гаскетом» [26, л. 3 об.]. Эти планы не были обнаружены, и, как выяснилось в ходе исследования, 14 июля 1837 г. план строительства Кишиневской католической церкви был утвержден архитектором Людвигом Ивановичем Шарлеманем или, как его называли, Шарлеманем 2 [242, л. 1].

В период 1835–1840 гг. была перестроена Кишиневская общественная городская больница. Согласно протоколам Бессарабской казенной палаты за 1837 г., доктор Вольфингер, Бессарабский землемер Эйтнер, архитектор Глейниг с его помощником Росицким приняли активное участие в построении здания при аптеке Городового госпиталя, которое предназначалось для провизора, служителей и других служб. Архитектору Гаскету было поручено наблюдение за означенной постройкой [179, л. 1]. Проект кишиневского городского госпиталя на 68 человек с постройками был рассмотрен Комиссией проектов и смет в 1839–1840 гг. (П.1.83.) Помимо военных чинов в ее состав входили архитекторы Д. Вис-

контри и Ф. Руско. В разработке проекта принимали участие архитекторы Гаскет и Заушкевич. Симметричное, вытянутое в плане здание госпиталя, имеет два центральных ризалита – один с главного фасада, а другой со стороны двора. Входной узел акцентирован четырехколонным портиком с треугольным фронтоном с дентикулами. Стены первого этажа обработаны рустом, а на втором можно увидеть подоконные тяги и венчающий карниз. Проемы первого уровня входного ризалита завершены полуциркульными арками, а над окнами второго уровня расположены небольшие квадратные окошки. Данное строение является типичным образцом архитектуры классицизма.

В РГИА г. Санкт Петербурга хранится интересное дело [230], связанное со строительством Кишиневского тюремного замка, но касающееся творчества многих бессарабских архитекторов, работавших в течение периода с 1839 г. по 1867 г. В первую очередь, материалы дела содержат информацию о бессарабском областном архитекторе Гаскете, который участвовал в сооружении тюремного замка, за что был осужден: «якобы он удержал у себя из подрядческих денег 68 784 руб. 80 коп., отпущенных на постройку тюремных замков в Кишиневе и Измаиле» [230, л. 24 об.]. Согласно данным архитектора Торичелли, Л. Заушкевич наблюдал за строительством замка. Фундаменты под башнями были сделаны при участии генерал-майора Морозова и капитана Любенкова. За неправильные действия архитектора Гаскета должны были предать на рассмотрение Бессарабского областного суда, именно это фигурировало в деле об увольнении от службы Бессарабского областного архитектора Гаскета 13 ноября 1844 г. [230, л. 96].

Помощником И. Гаскета в 1839 г. был назначен **Алексей Семенович Лукашевич, (1817–?)**. Согласно его формулярному списку [83] (П.2.8.), он был католического вероисповедания, из дворян, значился как коллежский регистратор В сентябре 1839 г., после окончания отделения архитектуры Академии художеств А. Лукашевич был назначен на должность помощника областного архитектора

В 1840 г. помещику села Нападово Сорокского уезда Кирияку Ержеву разрешили построить каменную церковь во имя святителя Николая. Планы и фасады были разработаны Кишиневским городовым архитектором И. Гаскетом и утверждены Святейшим Синодом. «Наблюдение за постройкой было поручено помощнику областного архитектора Лукашевичу, но так как у него были другие поручения, было решено доверить строительство, но доставлять ему сведения об исправном и прочном окончании строительства». [114, л. 4 об.]. Свято-Николаевская церковь была построена в 1843 г. [257, с. 394-395] в центральной части села, которая располагалась на холме и была свободна от застройки. Имела вид бескупольного храма с традиционной структурой: наос с полуцилиндрическим

алтарем и примыкающим пронаосом, находящимся с западной стороны, над которым надстроена колокольня. Коробовый каменный свод расположен над пронаосом. Двускатная крыша перекрывала наос, переходя в конусообразную над алтарем, и образуя фронтон с западной стороны фасада. Лопатки закрепляли углы наоса и алтаря, а стены церкви завершались простым карнизом. Главный вход в храм находился с западного фасада. Второй вход располагался в южной стене алтаря – через жертвенник. Широкий антаблемент поддерживался двумя дорическими полуколоннами. В стене было устроено по одной полуцилиндрической нише, имеющей арочное завершение, размещенной между каждыми двумя колоннами. Четырехгранную колокольню украшали арочные проемы в ее стенах. Профилированные наличники обрамляли окна храма. Внутри церковь была разделена на три части, которые связывались между собой широкими проемами прямоугольной формы.

В октябре 1840 г. Бессарабская областная строительная комиссия поручила наблюдать за постройкой церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы в предместье Аккермана Попушой помощнику областного архитектора Лукашевичу [115, л. 3]. План храма был составлен и утвержден комиссией проектов и смет при Главном управлении путей сообщения. Позднее А. Лукашевич работал помощником у архитектора Луки Заушкевича.

В конце 1840 г. отставному капитану Ивану Буянтовскому разрешили построить каменную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла в с. Секуряны Хотинского уезда. Планы и фасады церкви были составлены Кишиневским городовым архитектором Лукой Заушкевичем. Бессарабская областная комиссия просила, чтобы при сооружении не было отступлений от подготовленного плана и фасада. Поэтому вновь было поручено наблюдение за правильной постройкой помощнику областного архитектора А. Лукашевичу [116, л. 3].

4.1.5. В. Морган, М. Любенков, Г. Морозов

В 1840 г. архитектором **Василием Егоровичем Морганом** (1800–1859) был разработан проект церкви в предместье Аккермана. Проект был опубликован впервые В. Боровским в его диссертационном труде [9, т. 2, с.10] (П.1.84). Храм обладает планом в виде греческого креста. Круглый барабан, перфорированный 12-тью оконными проемами, опирается при помощи арок на четыре пилон, откуда расходятся сводчатые ветви креста. Фасады церкви оформлены пилястрами с дорическими капителями, фризом с триглифами и неглубокими прямоугольными нишами, а входы в храм акцентированы портиками. Приверженность к симметрии, лаконизму и равновесию характерна для архитектуры классицизма. Первый этаж пристроенной к основному объему четырехъярусной колокольни игра-

ет роль притвора. Особую пластическую выразительность и стройность придают колокольне угловые одинарные и спаренные пилястры. Венчает ее шлемовидный верх.

Архитектор **Михаил Тимофеевич Любенков** (1807 – после 1871), также принимал участие в строительстве Кишиневского кафедрального собора. В 1831–1833 гг. он был помощником Бессарабского архитектора. Известно, что первые годы его службы в должности военного инженера прошли в Бендерах, Измаиле и Хотине, а также в Дунайском инженерном округе.

В 1829 г. в уездном г. Хотине по образцовому проекту, в разработке которого приняли участие архитекторы И. Гаскет, А. Росицкий и М. Нейман, начали сооружать новое здание тюремного острога на 72 человека, в том числе на 10 женщин, с больницей на 12 человек. От Одесского строительного комитета инженер, подпоручик Любенков был направлен с целью наблюдения за правильностью и прочностью постройки. Он подготовил чертеж оконных рам [99, л. 206] (П.1.85.) со стрельчатым завершением для применения их в солдатской и офицерской караульнях строящегося здания Хотинского острога.

После 1833 г. Михаил Любенков стал инспектором городских работ в Одессе, курировал важнейшие стройки, вел фортификационные работы. Работал в сотрудничестве с архитекторами Г. Торичелли, Ф. Моранди, возводил здания по собственным проектам [44]. Принял участие в работах, связанных с изменением фундамента Кишиневского тюремного замка в 1840 г. [23].

М. Любенков происходил из дворян Екатеринославской губернии. Он поступил в главное инженерное училище, на службу в качестве юнкера 24 марта 1818 г. Изучал арифметику, алгебру, гражданскую архитектуру, историю, языки, географию, рисование и другие науки. Через год он стал прапорщиком, обучаясь в том же училище, затем, в 1822 г. – подпоручиком, и уже в 1827 г. – поручиком. 13 декабря 1828 г., будучи на службе в Инженерном корпусе, Михаил Любенков за отличное усердие и выполнение своих обязанностей был отмечен «Высочайшим благоволением».

По распоряжению инженерного начальства он был командирован из Санкт-Петербурга в Бендеры, оттуда в Измаил в 1821 г., в Хотин – 1827 г., в Одессу для исполнения должности окружного адъютанта Дунайского инженерного округа – в 1829 г., оттуда обратно в Хотин – в 1830 г. 3 февраля 1831 г. согласно приказу по собственному прошению М. Т. Любенков был уволен со службы по семейным обстоятельствам в чине штабс-капитана.

28 апреля 1832 г. генерал-губернатор М. Воронцов определил его в помощь к бессарабскому областному архитектору. Граф Воронцов лично знал капитана Любенкова, так

как тот, уволившись из Инженерного корпуса, постоянно служил во вверенном ему Новороссийском и Бессарабском крае в течение 10 лет. Именно поэтому, в 1832–1833 гг. По назначению графа Воронцова Любенков с особым старанием наблюдал за правильным сооружением в Кишиневе кафедрального собора.

18 ноября 1833 г. он был определен инспектором городских работ в Одессе, «и должность эту, сопряженную с большими занятиями отправлял в течение двух с половиною лет и усердно и успешно» [23, л. 1об.]. С учреждением в 1836 г. должности помощника полицмейстера, местное начальство, желая иметь на этом месте трудолюбивого и бескорыстного чиновника, предложило его Любенкову. И «он принял это предложение и за тем более трех лет исполнял обязанности помощника Полицмейстера с наилучшим успехом; в то же время, он, несмотря на множество прямых своих занятий, употребляем был начальством при обсуждении проектов важнейшим городским постройкам, причем мнение его, как знающего основательно техническую часть, всегда заслуживали одобрение» [23, л. 188].

В 1839 г. он вновь исполнял должность инспектора городских работ, принося пользу службе благодаря своим познаниям и усердию. Из ходатайства, направленного 26 декабря 1841 г. в Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора по г. Одесса, о присвоении капитану Любенкову очередного чина за отличия следует, что Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М. Воронцов сообщил, что «инспектор городских работ Одесского Строительного комитета, состоящий по армии капитан Любенков, обращает на себя особенное внимание местного начальства как отличными познаниями по строительной части, так примерным усердием к службе и точным исполнением своих обязанностей» [23, л. 1].

В РГВИА г. Москвы хранится дело по представлению капитана Любенкова к награде следующим чином в 1842 г. Принимая во внимание, что Любенков, с одной стороны, состоит в обер-офицерском чине более 20 лет, и, с другой стороны, что он в течение 10 лет службы находился на гражданской службе, 14 февраля 1842 г. «Высочайшим повелением» капитана Любенкова произвели, за его отличия, в майоры, с оставлением числиться по армии и в настоящей должности» [223].

В деле о постройке тюремных замков в городах Кишиневе и Измаиле за 1840 г. [27] имеются сведения об архитекторах – полковнике корпуса инженеров Морозове и инспекторе Одесских городских работ капитане Любенкове, которые были направлены в г. Кишинев для изменения фундамента тюремного замка.

Архитектор **Григорий Семенович Морозов** (1798–1857), родился в дворянской семье. В 16 лет поступил в кадетский корпус. Обучаясь там военному искусству, прошел курс по строительному делу. Его организаторские способности и талант пригодились на стройках Новороссийского края. В 1817–1819 гг. Г. Морозов являлся главным инженером при директоре корпуса путей сообщения и принимал участие в строительстве Московского шоссе в г. Одессе. Позже перестраивал одесские оборонительные казармы. В 1830 г. Г. Морозов стал во главе Одесского строительного комитета, сменив его первого руководителя, Е. Ферстера, – автора одного из первых разработок генерального плана города [205, с. 40] и в течение 27 лет занимал эту должность. Согласно архивным документам, в 1837 г. «инженер полковник Морозов и капитан Любенков составляли дополнительную смету на производство работ по постройке Кишиневского тюремного замка» [101, л. 124.].

4.1.6. Ф. Боффо, И. фон дер Шкруф

В строительстве архитектурных сооружений в Бессарабии также принял участие архитектор **Франс (Франческо) Карлович Боффо (Francesco Carlo Boffa)** (1800–1867). Согласно архивным документам, Франческо Боффо родился в 1800 г. [15], д.81]. Он известен как автор многочисленных проектов для одесской аристократии [205, с. 25]. Приехал из Польши, где уже занимался проектированием изысканных дворцов и вилл. Но именно Одессе архитектор посвятил 40 лет своей творческой деятельности.

Начиная с 1819 г. был помощником, с 1822 по 1844 гг. работал городским архитектором при Одесском строительном комитете. Одно из лучших творений этого зодчего – комплекс Приморского бульвара, где на полукруглой площади расположены здания, разработанные Ф. Боффо и доработанные петербургским архитектором А. Мельниковым в 1826 г. Участвовал в 1837 г. в проектировании знаменитой Одесской лестницы Николаевского бульвара, более известной как Потемкинская.

В Государственном архиве Одессы и Одесской области, в фонде Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, хранится личное дело о назначении пенсии семейству архитектора и коллежского асессора Боффо в 1868 г. [15]. Архивные документы подтверждают, что Ф. Боффо был уроженцем Швейцарии, имел титул кавалера и коллежского асессора. В формулярном списке о его службе, составленном в 1858 г. [15, л. 17] (П.2.9.), имеются дополнительные сведения об этом архитекторе. Будучи римско-католического вероисповедания [15, л.12 об.-13], он служил при карантинной части и вышел в отставку в 1855 г. в возрасте 59 лет. Окончив Туринский университет «со степенью архитектора», в 1818 г. прибыл в Россию [15, л. 17] и 15 ноября 1819 г. поступил на служ-

бу в Одесский строительный комитет в качестве помощника архитектора. Имел в Одессе «каменный дом, 2 каменных магазина, а за городом хутор, заключающий в себе 3 ½ десятины земли» [15, л. 12 об.].

18 июля 1822 г. Ф. Боффо был назначен Одесским городовым архитектором. 8 июня 1828 г. Ф. Боффо был «всемилоостивейше пожалован чином IX класса и кавалером ордена Св. Владимира 4 степени» [15, л. 12 об.]. В 1833 г. «за ревностную службу и отличные труды» [15, л. 12 об.] его наградили золотыми часами. Уже через три года, 3 июля 1836 г. он был «переведен в штат канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора на должность архитектора» [15, л. 12 об.]. 19 марта 1838 г. он стал коллежским асессором, а 14 марта 1846 г. Ф. Боффо «в награду за труды по надзору за устройством плотин при соляном промысле плотин в Бессарабии получил 400 руб. сер.» [15, д.81, л. 13 об.].

В архивном деле о застройке г. Аккермана в 1839 г. имеется информация о том, что один из планов этого города был составлен архитектором Боффо [137, л.129-129 об.]. В соответствии с законодательством того времени требовалось немедленно составлять проекты для тех городов, в которых еще не было «высочайше» утвержденных планов. Именно об этом сообщает в своем рапорте Сорокский уездный землемер Делер, предоставив по Аккерману свой вариант и план Боффо на рассмотрение в Бессарабскую строительную комиссию 22 апреля 1838 г. Проекты, составленные Ф. Боффо, в архивном деле не были обнаружены.

12 августа 1841 г. в Рапорте Канцелярии Бессарабского губернатора управляющего гражданской частью и измаильским градоначальством новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору сообщалось о выстроенной казарме для помещения местной инвалидной команды в г. Кагуле. По освидетельствованию командированным туда архитектором Боффо, постройка «найдена совершенно оконченною и возведенною согласно плану и без всяких отступлений» [112, л. 42].

Также документальные материалы подтверждают, что он принимал участие в строительстве здания тюремного замка, автором проекта которого был архитектор Г. Торичелли. Так, из рапорта коллежского асессора архитектора Боффо на имя Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора П. Федорова от 24 ноября 1843 г., становится известно, что в г. Кишиневе во время сооружения этого тюремного здания было «найдено много в отношении правильности и прочности, производимых по замку работ» [28, л. 226]. Об этом архитектор Боффо сообщил в Бессарабскую областную строительную комиссию. Ассессор Боффо осуществлял надзор и выяснял, как были сделаны по «Кишинев-

скому острогу углы и перемычки над окнами, а также и контрфорсы вместо положенного по смете бутового камня» [28, л. 249 об.] сделаны из штучного, что не было предусмотрено согласно расчетам.

В 1844 г. архитектор Ф. Боффо приступил к проектированию монументального памятника, посвященного Кагульской битве, которая произошла, недалеко от селения Вулканешты. 21 июля 1770 г. здесь разыгралась кровавая драма, когда доблестная армия генерала Петра Александровича Румянцева разгромила турецкие войска.

В НАРМ хранится дело о сооружении памятника на месте Кагульской битвы под руководством архитектора фон Шкруфа за 1843 г. [119], в котором подробно рассказывается о роли, которую сыграл архитектор Ф. Боффо в создании монумента, увековечившего это сражение.

10 июня 1843 г. из письма военному губернатору становится известно, что для сооружения памятника на месте Кагульской битвы рисунок предполагаемой колонны и смета на сумму более 11 тыс. рублей были составлены архитектором Ф. Боффо и одобрены Новороссийским и Бессарабским губернатором. 27 июля 1843 г. Бессарабский строительный комитет, проверив смету, написал, что «вместо прежде исчисленной суммы 11,427 руб. 31 коп. потребуется на исчисление памятника всего 9,071 руб. 32 коп. серебром в т. ч. 824 р. 60 коп.» [119, л. 3-3 об.], учитывая сумму 10% Бессарабского капитала. Изменения по смете подписали бессарабский областной архитектор Заушкевич и его помощник Лукашевич.

С 21 февраля 1844 г. Бессарабская областная строительная комиссия назначила торги по сооружению памятника на месте Кагульской битвы, о чем было сообщено в Казенную палату Бессарабии с приложением утвержденных сметы, плана и кондиций. В назначенный срок торгов пришел только один купец первой гильдии Иван Кольцов, но в последующих торгах участвовали и другие кишиневские купцы: Мордко Шлаин, Лузер и Ицко Рабинович и Герш Перпер [119, л. 3-3 об.].

13 мая 1844 г. архитектор Ф. Боффо написал рапорт на имя Новороссийского и Бессарабского губернатора П. Федорова о том, что за постройкой колонны на месте Кагульского сражения должен был наблюдать архитектор фон дер Шкруф. Место для сооружения памятника выбрали более удобное и возвышенное, «от Волканештской почтовой станции по дороге в Болград, между верстами 3 и 4 близ так называемого Визирского кургана» [119, л. 16], куда Боффо вбил кол и подтвердил, что это место было известно фон дер Шкруфу тоже. Это был центр треугольника, «между главной колонией Задунайских переселенцев Болградом, на озере Ялпуге, и городами: Рени на Дунае и Кагулом (бывшим

селением Формозою) близ Прута» [198, л. 18-19]. Сооружение памятника было начато в 1844 году. Из делопроизводства Бессарабской строительной комиссии от 17 мая 1844 г. было видно, что на постройку памятника «исчислено 9447 руб. 87 коп. серебром, что сооружение оно по произведенным в Бессарабской казенной палате торга осталось за Кишиневским купцом 1-й гильдии Герш Перпером за 7490 рублей серебром» [119, л. 15 об.]. Так, 29 мая 1844 г. он внес 1000 рублей [119, л. 13] на сооружение памятника на месте Кагульского сражения в качестве первоначального залога. «Камень для постройки избран был прочный, известковый, добываемый в колонии Девлет-Агач, в 80 верстах от места сооружения памятника. Отдаленность доставки, как камня, так и других материалов, и леса для подмостков и безлюдность места представляли значительные трудности в постройке» [198, с. 19]. Первоначально планировалось построить памятник до октября 1844 г. В многочисленных рапортах архитектора фон дер Шкруфа, который был смотрителем казенных построек по Измаильскому градоначальству, Бессарабскому военному губернатору П. Федорову, начиная с июля по октябрь 1844 г., сообщалось о последовательном закладывании фундамента для постройки памятника на месте знаменитой Кагульской битвы. Об этом 28 февраля 1845 г. из данного комитета докладывали архитектору фон дер Шкруфу, что «колонисты Девлет Агач с особенным удовольствием дают камень не только на памятник Румянцева, но и на тот, который граф Воронцов предположил соорудить своему отцу, участвовавшему в битве Кагульской» (П.1. 86) [119, л. 34 об.]. Таким образом, речь шла уже о сооружении двух памятников на месте знаменитого сражения недалеко от с. Вулканешты.

17 марта 1845 г. архитектор фон дер Шкруф сообщал в своем рапорте Бессарабскому Военному губернатору П. Федорову о необходимости штучного камня «для постройки двух памятников, где происходила Кагульская битва... 1655 штук разной величины» [119, л.16, л. 45-45 об.], но при этом следовало учитывать возможность порчи при перевозке. В представлении Бессарабской Строительной комиссии от 12 декабря 1845 г. указывалась сумма «591 руб. 62 и ½ коп. серебром [119, л. 16, л. 66], причитающаяся в контору Одесского литейного завода на отлитые вещи для памятника Кагульской битвы.

В июне 1845 г. кишиневский купец Герш Перпер в присутствии Бессарабской строительной комиссии «согласился взять на себя постройку ограды памятника Кагульской битвы за 329 руб. 82 коп. серебром, то есть меньше сметной суммы 347 руб. 54 коп» [119, л. 47], указанной в контракте.

29 октября 1846 г. архитектор фон дер Шкруф докладывал его Превосходительству Бессарабскому военному губернатору П. И. Федорову, что «работы по сооружению па-

мятника Кагульской битвы производятся с надлежащим успехом, и это подает надежды к скорому окончанию таковых» [119, л. 16, л. 86].

Ипполит Андреевич фон дер Шкруф (?–?) – архитектор. В 1839–1840 гг. работал в России, в Каменец-Подольске. В 1844–1850 гг. находился в Измаиле в качестве смотрителя казенных построек.

20 января 1848 г. Бессарабская областная строительная комиссия подготовила заключение для Бессарабского губернатора о том, что постройки «карантинных и таможенных зданий в г. Рени, а также колонна в память Кагульской битвы совершенно окончены и освидетельствованы» [119, л. 88 об.]. Памятник (П.1.25.), сооруженный из дикого серого камня, – в виде колонны в дорическом стиле «с продольными желобками, в 10 сажень вышины с капителью; при основании колонна имеет 5 аршин в диаметре. Колонна поставлена на высоком квадратном цоколе, формы усеченной пирамиды с тремя ступенями» [198, с. 19]. Высота колонны – 12 с половиной саженей. На капители был «утвержден венчающий колонну чугунный вызолоченный крест под луною» [198, с. 19], высота которого 4 аршина. Вокруг памятника разместили каменные тумбы, украшенные железными цепями. И на доске из черного мрамора, помещенной в основание памятника и выходящей на дорогу, была следующая надпись: «Памятник сей незабвенной битвы, в которой пали навсегда свирепые янычары, несколько столетий устрашавшие Европу, Азию и Африку. Поставлен по велению Николая Императора Самодержца всея России при Бессарабском военном губернаторе Федорове. Другая надпись на этом памятнике гласит: «Non solum armis» [270, с. 581], что в переводе с латинского языка означает «Не только оружием». Вид этой колонны, «чрезвычайно красивый и пропорциональный в формах своих, стоящей одиноко на пустынном и открытом холме, поражает величием вместе с простотой своей и легкостью. Начертание проекта делает честь вкусу и познаниям архитектора Боффо, а архитектор фон дер Шкруф заслужил признательность точностью и отчетливостью постройки, которая произведена с величайшим старанием, правильностью и чистотой» [198, с. 20].

Другой памятник, так называемый аналог Кагульского обелиска, который был установлен по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди в 1771 г. в парке Большого Екатерининского дворца Царского Села (г. Пушкин, Ленинградской области) (П.1.87.), также был посвящен событиям знаменитого сражения недалеко от с. Вулканешты 21 июля 1770 г. Портрет художника Владимира Боровиковского, на котором изображена Российская Императрица Екатерина II (1729–1796) (П.1.88.), прогуливающаяся в парке на фоне этого Кагульского обелиска, тоже напоминает о событиях этой историче-

ской битвы. 13 сентября 1849 г. на пышное торжество по случаю открытия памятника собралось очень много людей, в том числе батальоны Люблинского егерского полка, Дунайские казаки, конная пограничная стража. Протоиерей болгарской Преображенской церкви совершил панихиду «об упокоении души положивших здесь живот на брани с возгласением вечной памяти графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому» [198, с. 21-22].

Что касается, дальнейшей творческой деятельности архитектора Ф. Боффо, автора проекта памятника, посвященного Кагульской битве, 19 августа 1847 г. ему была объявлена признательность руководства за усердную службу архитектора.

Согласно Адрес-календарю на период 1851 г., он значится архитектором по Бессарабской области [81, с. 6]. В 1855 г. Боффо был уволен в отставку без награждения чином [15, л. 13], так как с 3 августа того же года был отстранен от службы по причине его болезни, и ему была назначена пенсия, начиная с 30 апреля 1856 г. Но и после 1857 г. он продолжал частную практику, что доказывает его очевидное участие в составлении проекта памятника М. С. Воронцову на Соборной площади, построенного в 1863 году [205, с. 25]. Согласно выписке, выданной из метрической похоронной книги Одесской римско-католической приходской церкви, Франс Боффо умер в Одессе 9 ноября 1867 г. в возрасте 67 лет от рака и был похоронен 11 ноября того же года на общем Одесском кладбище. Многие сооружения, которые он проектировал можно и сегодня увидеть в Одессе, Таганроге и Западной Украине. В Республике Молдова, в г. Вулкэнешть до сих пор возвышается величественный памятник Кагульской битве, или Колонна славы (П.1.89.).

4.1.7. Л. Заушкевич, В. Мочульский, А. Бернардацци и др.

Рассмотрим творчество архитектора, который также принял участие в сооружении главных зданий на Соборной площади в Кишиневе. Это – **Лука Карпович Заушкевич** (1807 – после 1860). Согласно его формулярному списку, составленному в 1844 г. [125, л. 64 об.-67] (П.2.10.) он являлся коллежским секретарем, Кишиневским городовым архитектором, 37 лет, православным. Происходил из семьи священника. Еще до окончания Киевской духовной семинарии, сдав экзамены, относящиеся к гражданской архитектуре, с разрешения главного командира Черноморского флота и портов адмирала Алексея Грейга, 16 июня 1827 г. Лука Заушкевич поступил служить в архитектурную часть ведомственного департамента в качестве гезеля (помощник, подмастерье – прим. авт.). По его прошению, 4 февраля 1831 г., был уволен из Черноморского департамента и определен в Одесский

строительный комитет архитекторским помощником 21 сентября 1831 г., где проработал до 28 апреля 1832 г.

По предписанию г. Бессарабского гражданского губернатора 10 июня 1832 г. Лука Заушкевич был зачислен штатным помощником бессарабского областного архитектора [133, л. 24-24 об.]. Указом Сената от 4 января 1835 г. его произвели в коллежские регистраторы. Затем он получил чин губернского секретаря.

В 1836 г. архитектор Л. Заушкевич подготовил чертеж на устройство в Кишиневской соборной церкви цепи для паникадила и железных клироссей [17, л. 36-50]. (П.1.90.).

Летняя церковь Вознесения Господня монастыря Хыржаука возведена в 1836 г. архитектором Лукой Заушкевичем при содействии архимандрита Спиридона Филлиповича. Она имеет план в виде креста. Четыре мощных опоры несут при помощи подпружных полуциркульных арок и треугольных парусов цилиндрический световой барабан с куполом. Боковые рукава внутреннего креста перекрыты коробовыми сводами. Полукруглая алтарная абсида граничит с приделами. Над ярусом для колоколов возвышается декоративная башенка с флешью, а барабан с купольным покрытием венчает глухая латерна. В экстерьере три рукава внутреннего креста обозначены пологими треугольными фронтонами. Декоративные элементы храма принадлежат русскому классицизму: лопатки, угловые пилястры, обрамления оконных и дверных проемов, карнизы и др.

В 1838 г. под руководством Л. Заушкевича, была отремонтирована кишиневская Рождество-Богородичная церковь, которая пострадала после землетрясения, произошедшего 11 января указанного года. Все работы были выполнены «прочно и материалы употреблены хорошей доброты» [189, л.3], – так писал Заушкевич, считая, что после ремонта в церкви можно продолжать службы без опасения за возможность разрушения.

С должности помощника областного архитектора 12 мая 1839 г. по желанию он был перемещен на вакансию кишиневского городского архитектора. В это же время, а именно в 1839–1840 гг., в честь победы России над Турцией на оси собора и колокольни по проекту архитектора Луки Заушкевича была сооружена Триумфальная арка (П.1.23.), вошедшая в комплекс центральной площади города.

У этого памятника архитектуры имеется несколько названий: Арка победы, Триумфальная арка, Святые врата. Квадратное в плане сооружение, высотой 13 м, из тесаного белого камня, разделенное на два яруса. Нижний уровень состоит из двусторонних взаимоперпендикулярных пешеходных проходов и четырех пилонов, оформленных в коринфском стиле на пьедесталах. Верхний, второй уровень декорирован в классическом стиле.

Что касается истории создания арки, отметим, что в 1833 г. архиепископ Дмитрий Сулима возбудил ходатайство перед генерал-губернатором Новороссийским и Бессарабским М. Воронцовым об отпуске 1500 пудов меди для отлития колоколов из старых турецких орудий. Было дано разрешение: отпустить 1000 пудов меди из пушек турецких, доставленных из Селистрии в Измаил. Об этом граф Воронцов известил архиепископа 30 июля 1835 г.» [52, с. 810-811]. В деле переписки с управлением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора за 1836 г. также имеются сведения об отлитии колоколов из турецких орудий для церквей г. Измаила [108]. Так как эти пушки находились в Измаильской крепости, по совету Бессарабского губернатора П. Федорова было решено отлить их в Измаиле, после чего колокола водрузили на специально изготовленные подводы и повезли в Кишинев. Когда же они были доставлены, выяснилось, что проемы окон звонницы собора слишком узки для колокола-великана. Архиепископ Дмитрий писал 25 июня 1839 г.: «Колокола двухсотпудовый и стопудовый войдут в колокольню, один из четырехсот пудов не войдет туда» [107, с. 49]. Тогда и родилась идея сделать для этого колокола специальную пристройку с тем, чтобы под ее сводом можно было поместить колокол и городские часы. Было решено: построить арку, которая должна была стать одновременно звонницей, триумфальным сооружением в честь побед русских войск над турецкими и въездом в Соборный парк.

В архивном фонде Кишиневской думы хранится переписка с Бессарабским губернатором о заключении контракта с жителем г. Кишинева Ивановым на поднятие колоколов на Кафедральный собор в 1839 г. [172]. Так, 13 июня 1839 г., кишиневец Константин Иванов обязался за тысячу рублей ассигнациями установить все 5 колоколов «на колокольню при новопостроенном кафедральном соборе, а последний большой – на вновь строящихся воротах при въезде на соборную площадь в то время, когда ворота будут достраиваться [172, с. 2], причем оставляя в залог все свое недвижимое имущество, на случай непредвиденных обстоятельств или несчастного случая. 8 августа 1839 г. согласно извещению Кишиневской градской думы, направленному в адрес городского архитектора Заушкевич, необходимо было «пожаловать на Соборную площадь по предмету устройства подрядчиком Ивановым машины для поднятия» [172, 11-11 об.] колоколов, доставленных из Измаила на Соборную колокольню.

Так эта арка стала одной из составляющих архитектурного соборного ансамбля, колокол был поднят и укреплен на еще строящемся сооружении 3 августа 1839 г., а во фронтон арки вмонтировали куранты. Интересно, что первоначально у арки было еще одно название – «колоссальные ворота», потом первое слово было зачеркнуто и изменено на

«святые ворота». На покрытие крыши железом Городовому архитектору Заушкевичу было выделено 148 руб. 21 коп. [111, л. 15]. 17 сентября 1841 г. Бессарабский областной землемер Б. Эйтнер сообщал в рапорте Бессарабскому военному губернатору Федорову, о том, что были «освидетельствованы выстроенные на площади возле Кишиневской соборной церкви св. ворота для большого колокола и городских часов» [111, л.2]. При этом Кишиневская дума выделила из городских доходов 1285 руб. 70 коп. серебром на постройку каменных ворот.

В РГИА г. Санкт-Петербурга был обнаружен план на построение Сиротского дома со службами при Кишиневском городском госпитале, рассчитанного на 30 питомцев Бессарабского общества [241, л. 1]. Этот план в 1841 г. составил Кишиневский городской архитектор Л. Заушкевич (П.1.82.). Чертеж одноэтажного Сиротского дома при Кишиневском городском и областном госпитале на 30 коек, выполненный архитектором Заушкевичем и подписанный также архитекторами Иосифом Шарлеманем, Шарлеманем-2, Висконти и Руско. Симметричное в плане здание включает спальни, столовую, учебные классы, кухню, людскую, кладовые, баню, прачечную и другие хозяйственные помещения. Входной узел имитирует портик с двумя центральными дорическими колоннами и двумя боковыми пилястрами с постаментами, но без капителей. На фронте видна надпись «Сиротский дом», над которой расположен растительный орнамент. С обеих сторон фронтона находятся выступы с нишами, в которых располагаются розетки. Окна с полуциркулярным завершением украшены рельефными архивольтами. Узкие горизонтальные выступы, расположенные между архивольтами, а также в подоконной части служат для усиления образно-художественной выразительности здания. Отдельные мотивы центрального портика повторяются на правом и на левом конце сиротского дома. Предложил это строительство Новороссийский и Бессарабский губернатор М. Воронцов, а проект разработал городской архитектор Лука Заушкевич. «В декабре 1849 года была, наконец-то, одобрена смета, однако строительство началось только в 1853 году, когда были проведены публичные торги, которые выиграл купец второй гильдии Эксельберт. 8 декабря 1856 г. строительство детского приюта, состоящего из 5 строений, было завершено» [335]. На углу улиц Боюканской (ул. Марии Чеботарь – прим. авт.), Леовской (ул. Щусева – прим. авт.) и ул. Мещанской (ул. Сфатул Цэрий – прим. авт.) располагались здания для различных служб.

14 ноября 1842 г. Л. Карпович Заушкевич был произведен в коллежские секретари. В том же году по указанию Бессарабского гражданского губернатора П. Федорова архи-

тектор составил план и смету на постройку ограды церкви Св. Михаила в г. Кагуле, сооружением которой занимался архитектор Боффо. [113, л. 9].

6 сентября 1844 г. Кишиневский городской архитектор Лука Заушкевич подготовил рапорт на имя Бессарабского военного губернатора генерал-лейтенанта и кавалера Павла Федорова о предоставлении плана (П.1.91.) и сметы, составленных им на устройство нового «полисада с задней стороны Городского сада, вместо совершенно ветхого и от гнилости столбов упавшего» [120, л. 9]. Позднее, в 1853 г., архитектор осматривал караульный домик в городском саду, и «нашел, что работы произведены чисто, прочно и материал употреблен надлежащего качества» [168, л. 172].

Согласно архивным документам, так называемый Английский клуб располагался, в общественном доме, и, спустя время, здание необходимо было отремонтировать. В Национальном архиве РМ хранится дело о ремонте здания Английского клуба в 1846–1850 гг. [176]. В акте от 9 августа 1849 г. после освидетельствования здания было отмечено, что: «окраска крыши от времени совершенно испортилась и потому необходимо перекрасить ее вновь масляной краской» [176, л. 91]. Эта и другие рекомендации были подписаны городским архитектором Л. Заушкевичем, который был ответственным за ремонт этого дома, арендованного Английским клубом.

Когда появилась необходимость в построении барьеров по двум сторонам дороги, а именно: при выезде из Кишинева на Яскую и Измаильскую заставы, в 1848–1849 гг., Л. Заушкевич составил смету и подготовил чертеж [174, л. 2-3 об.] (П.1.92.), на примере одного Измаильского барьера. Военный губернатор П. Федоров 27 июля 1848 г. указывал, что на данную постройку с работой, материалом и окраской было «исчислено по означенной смете восемьдесят один руб. 40 коп. серебром» [174, л. 1 об.]. Причем, Л. Заушкевич подчеркивал, что «по этой же смете и чертежу может быть произведена постройка барьера и на Яской заставе» [174, л. 1 об.].

В НАРМ, в архивном деле, содержащем информацию о разделении Кишинева на части, названиях улиц и номеров кварталов, важнейших зданиях города, хранится рапорт № 61 от 29 марта 1851 г. кишиневского полицмейстера ротмистра Лазарева [122]. Он сообщает Бессарабскому военному губернатору П. Федорову о плане, составленном Городовым архитектором Заушкевичем. Согласно этим данным, город по-прежнему, был разделен на 4 части, всем улицам даны названия, а кварталам – номера. Итого: улиц – 102, переулков – 20, кварталов – 269, учебных заведений – 35, площадей – 11, застав – 10, мостов – 7, предместий – 5. 22 апреля 1850 г. утвержденный план был приведен в исполнение и подготовлены образцы досок для улиц и переулков.

В РГВИА г. Москвы нами был обнаружен план военного госпиталя в Кишиневе, выполненный архитекторами Заушкевичем и Голиковым в 1853 г. [219] (П.1.93.). Здание, построенное вдоль улицы Киевской на месте будущей первой мужской гимназии, принадлежало в то время наследникам купца Богачева. Оно представляло собой П-образный план, симметричный относительно центральной оси. Из больничных покоев можно было попасть на галерею, выходящую во внутренний двор. Вход акцентирован шестью колоннами круглого сечения. Особую декоративную роль играли четыре восьмиугольные башенки, расположенные в углах этого больничного сооружения. На чертеже показаны также планы флигелей, фрагмент каменной ограды и ворот с металлической решеткой, а также территория сада, разбитого при госпитале.

Еще один проект фасада и профиля больничного корпуса Военного госпиталя в г. Кишиневе был разработан архитектором **Василием Мочульским** в 1841 г. [218] (П.1.94.). На чертеже представлены разрез и фасад здания. Центральный ризалит с входным узлом завершен треугольным фронтоном с барельефом двуглавого орла – герба Российской империи, фланкированного знаменами. Ниже находятся фигурные модальоны, чередующиеся с рельефными декоративными дисками. Над оконными проемами первого этажа расположены выступающие замковые камни, а рустика между окнами оживляет плоскость стены игрой светотени. Полуциркульные оконные проемы второго этажа индивидуализированы с помощью архивольта. По характеру разреза можно сделать вывод, что здание имело П-образный план.

Из рапорта Кишиневской градской думы, направленной Бессарабскому губернатору Федорову, узнаем, что Строительная и дорожная комиссия предписала учредить 26 октября 1855 г. в г. Кишиневе третий базар на Лесной площади. 20 мещан ходатайствовали о сооружении торговых деревянных лавок на этой площади. Был представлен план указанной площади, составленный Кишиневским городским архитектором Заушкевичем с показанием на нем будок, фонарей и столбов [123, л. 11 об.]. Он был назначен ответственным и должен был наблюдать за данной постройкой базара. Но исполнить Заушкевичу это поручение уже не удалось. Функции городского архитектора, спустя 24 года нахождения его в этой должности, были переданы его помощнику – А. И. Бернардацци. Он и завершает плеяду бессарабских архитекторов и землемеров первой половины XIX в.

Александр Иосифович Бернардацци (Bernardazzi) (1831-1907) [290] (П.1.95.) – «типичный идеалист, в строгом смысле слова, – если понимать под идеализмом незыблемую веру в самоценное достоинство человеческой личности и в конечное торжество вечных начал жизни – любви, добра, и красоты» [196]. Именно ему, талантливому архитекто-

ру, выходцу из семьи зодчих, швейцарцу итальянского происхождения, было суждено стать автором многих зданий и сооружений в Бессарабии, среди которых изящные дворцы, соборы, парки, оранжереи и др. Его по праву можно назвать самым ярким мастером, талант и природная одаренность которого запечатлены сегодня в памятниках архитектуры Украины, Молдовы и Северного Кавказа.

Но, учитывая хронологические рамки данного исследования, нас интересовали самые ранние документы, свидетельствующие о деятельности в Кишиневе в начале 50-х гг. Автору данного исследования удалось найти архивные документы, свидетельствующие о начале архитекторской карьеры А. Бернардацци в Кишиневе.

В 1853 г. Бессарабская дорожная строительная комиссия назначила Бернардацци помощником архитектора, в качестве техника для устройства городов Аккерман и Бендеры, а также сооружений мостов и гатей в Аккерманском и Бендерском уездах.

В архивном деле об устройстве 3-го базара на Лесной площади в сентябре 1855 г. [123], согласно донесению Бессарабской строительной и Дорожной комиссии от 26 мая 1856 г. «неисполненные бывшим городовым архитектором Заушкевичем поручения, в том числе об отводе мест под застройку лавочек на вновь открытом 3 рынке в Кишиневе переданы для исполнения Архитекторскому помощнику Бернардацци, на коего возложено исправление должности Городового архитектора» [123, л. 14]. С данного поручения об обустройстве Кишиневского рынка на Лесной площади начинается творчество этого зодчего в Кишиневе.

Все его последующие кишиневские монументальные строения по своему стилю, форме, качеству стали образцами европейской архитектуры. А. Бернардацци в течение 22 лет на профессиональном уровне отстраивал столицу, задавая тон передовому зодчеству. За заслуги перед городом Бернардацци получил звание почетного гражданина Кишинева. Также за огромный творческий вклад в застройку города Александр Иосифович был избран почетным членом Бессарабского отделения Императорского русского технического общества.

В Бессарабии им были построены: «1) временный театр, 2) школа лютеранского прихода, 3) пассажирское здание Юго-западных железных дорог (по проекту Лонского), 4) греческая церковь. 5) дворец князя Манук-Бея в с. Ганчешты, 6) церковь для него же в с. Устье, 7) дома: Рышкан-Дерожинского, 8) Донича, 9) Кассо, 10) Феодосиу, 11) надгробный памятник Маркова, 12) церковь женской гимназии и 13) перестроено здание гимназии, а также 14) здание клуба» [1, л. 98] и др. И даже после своего отъезда в Одессу во

второй половине XIX в. архитектор Бернардацци продолжал участвовать в проектировании общественных и гражданских зданий.

4.2. Выводы по главе 4

1. Ярким представителем русского классицизма в первой половине XIX в. был профессор Петербургской Академии художеств А. Мельников, автор Кишиневского Св. Рождественского собора. Согласно архивным документам, смету на его строительство составил одесский архитектор Фраполли, а военные инженеры М. Любенков и Г. Морозов в 1831–1833 гг. приняли участие в закладке фундамента. По своей значимости этот храм занял место Старого собора – Архангело-Михайловской церкви и определил на многие годы вперед своим местоположением центр города. Архитектор Мельников также был автором проекта колокольни, возведенной на одной оси с новым собором и ставшей неотъемлемой частью всего архитектурного ансамбля, строительство которого продолжалось с 1830 по 1836 гг. Завершением этой композиции стало сооружение в 1839 г. Триумфальной арки или «святых врат» по проекту архитектора Л. Заушкевича. Зодчего Мельникова также считают автором проекта Преображенского собора в Болграде (1833–1838) – одного из наиболее близких архитектурных аналогов Кишиневского кафедрального собора.

2. В 1840 г. австрийскоподданный архитектор А. Вейсман разработал проект православной церкви в Сороках. Одесский архитектор И. Козлов стал известен в Бессарабии как автор колокольни, построенной в Измаиле. Кишиневский городской архитектор И. Гаскет принимал участие в строительстве Кладбищенской, Вознесенской, Харлампиевской церквей в Кишиневе. В основном, для первой половины XIX в. были характерны однокупольные культовые здания, крестообразные в плане.

3. В это же время наряду с православными, начинается сооружение церквей других религиозных конфессий. Согласно архивным документам, первоначальный проект и смета для строительства в Кишиневе римско-католического костела были подготовлены архитектором И. Гаскетом в 1836 г., но, по всей вероятности, проект этой церкви был «образцовым». Одобренный в 1838 г. в Санкт-Петербурге и рекомендованный в 1840 г. для выполнения в Кишиневе, проект был подписан архитектором Шарлеманем-2. Как следует из проведенного архивного исследования, изучения проектов и различных документов генеалогического характера, это был Людвиг Иванович Шарлемань. Он же, по всей вероятности, был и автором проекта, по которому строился кишиневский костел.

4. В 1838 г. в Кишиневе возвели однефнуню лютеранскую кирху, которая строилась по просьбе немцев-колонистов. Итальянский зодчий Г. Торичелли в этом проекте сумел применить целый ряд элементов готического направления. По его же проекту с 1834

г. – 1864 гг. в Кишиневе построили новую тюрьму. Сооруженное в виде средневекового замка тюремное здание, стало ярким примером романтического направления.

5. Одесский архитектор Ф. Боффо в 1838 г. составил один из вариантов плана г. Аккермана. Он же прославился и как автор проекта известного памятника Кагульской битве, сооруженного в Вулканештах в 1849 г. При этом за строительством памятника наблюдал другой зодчий, И. фон дер Шкруф, являвшийся в 1844–1850 гг. смотрителем Измаильских казенных построек.

6. В 1839 г. архитекторы И. Гаскет, М. Нейман, И. Козлов, Ф. Боффо и другие зодчие участвовали в строительстве каменных двухэтажных казарм в Аккермане. Здесь же по проекту архитектора Н. Голикова было построено здание присутственных мест, возводились жилые дома по типовому проекту, разработанному аккерманским землемером Ф. Бударским. В Кишиневе в это время появились городской фонтан, несколько новых корпусов городской больницы, военный госпиталь, сиротский приют и другие архитектурные сооружения (И. Гаскет, Н. Голиков, Л. Заушкевич, В. Мочульский и др.).

7. В 1853 г. Бессарабская дорожная строительная комиссия назначила А. Бернардацци помощником архитектора и наделила его функциями техника для устройства городов Аккерман и Бендеры, а также сооружения мостов и гатей в Аккерманском и Бендерском уездах. В 1855 г. начался период творчества этого талантливого зодчего в Кишиневе, а именно с его участия в проекте об обустройстве Кишиневского Лесного рынка. А в 1856 г. Бернардацци стал городовым архитектором, заменив на этом посту Л. Заушкевича, и в течение 22 лет занимался проектированием и строительством общественных, частных, культовых зданий и сооружений в бессарабских городах.

Таким образом, всестороннее изучение характера деятельности архитекторов, военных инженеров и землемеров Бессарабии в первой половине XIX в., а также анализ отдельных произведений дает возможность по достоинству оценить их весомый вклад в развитие бессарабского зодчества.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В данном научном исследовании определена ценностная значимость творческой деятельности зодчих Бессарабии в первой половине XIX в. Архитектурно-исторический обзор раскрывается последовательно в следующих аспектах: законодательные акты в области архитектуры и градостроительства; создание и деятельность строительных комитетов и Бессарабской дорожной комиссии; особенности архитектурно-градостроительного развития Бессарабии в рассматриваемый период.

Комплексное изучение и анализ творчества архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии позволили автору сделать следующие **общие выводы**:

1) Зодчие, творчество которых рассмотрено в работе, сыграли достаточно важную и пока еще не получившую должной оценки роль в развитии архитектуры Бессарабского края на протяжении первой половины XIX в. После 1812 г. в своей основе зодчество Бессарабии развивалось под влиянием российского законодательства. Статьи «Строительного устава» Российской империи были закреплены на уровне обязательных норм и применялись в практической деятельности зодчих первой половины XIX в., что во многом определило вектор развития архитектуры края.

2) Архитекторы, землемеры и военные инженеры, как правило, при застройке бессарабских поселений акцентировали внимание на решении профессиональных задач. Подчас им приходилось выполнять по две функции: землемера и архитектора (М. Озмидов, Б. Эйтнер и др.) или быть одновременно военными инженерами и архитекторами (А. Глейниг, И. Гартинг Ф., М. Любенков и др.).

3) Творчество этих специалистов базировалось на серьезном изучении архитектурных и инженерных дисциплин, высоком уровне культуры и, конечно же, богатом практическом опыте в строительстве. Зодчие занимались укреплением населенных пунктов (Ф. Деволан, Е. Ферстер и др.), строительством общественных (И. Гартинг, А. Росицкий, И. Беттини, Г. Торичелли и др.), жилых (И. Гаскет и др.) и культовых зданий (архимандрит Иоанникий, А. Мельников, А. Вейсман, А. Штауберт и др.), а также проектированием бессарабских городов (М. Озмидов, Б. Эйтнер и др.).

4) Регулярная градостроительная основа, разработка первых планов Кишинева, деятельность Кишиневского строительного комитета с 1826 г. по 1857 г., а также активное участие зодчих в работе других местных комитетов и дорожных комиссий оказали большое влияние на архитектурное развитие Бессарабского края. Архитектурный стиль за-

стройки того времени формировался под воздействием русского провинциального классицизма.

5) Архитекторы использовали «образцовые» проекты (А. Тирнберг, И. Гаскет, А. Росицкий, М. Нейман и др.), которые в первой половине XIX в. становились важным руководством как при постройке новых, так и при переделке старых зданий. С одной стороны, их применение способствовало росту бессарабских городов, но в некоторых случаях их обязательное использование сдерживало творческий потенциал талантливых специалистов и препятствовало созданию индивидуальных работ.

6) Характерной особенностью творчества зодчих в первой половине XIX в. стало следование традициям классицизма, что нашло отражение в деятельности А. Мельникова, И. Гаскета и др. В то же время определенное влияние оказали псевдоготическое и романтическое направления, проявившиеся в сооружении отдельных объектов (Г. Торичелли, И. Гаскет и др.). Ампи́р – завершающая фаза классического стиля – присутствует в некоторых монументальных работах Л. Заушкевича, Ф. Боффо и И. фон дер Шкруфа. Новые здания и сооружения гармонично вписались в контекст уже существующей культовой и жилой архитектуры, в которой частично сохранился национальный, так называемый «молдавский стиль».

7) Характерным для исследуемого периода было формирование центральных ансамблей городов Бессарабского края (Кишиневский кафедральный собор, колокольня, Триумфальная арка и др.), а также регулярная застройка улиц и площадей, которые определяли своеобразный облик бессарабских городских поселений.

Решенная научная задача: *заключается в комплексном освещении творчества архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в., что привело к объективной оценке творческой деятельности зодчих, ввиду выявления их роли и влияния на архитектурно-градостроительную среду края.*

А также введены в научный оборот более 30 неизвестных имен архитекторов, военных инженеров и землемеров Бессарабии; новые проекты, планы, карты, архивные документы, связанные с деятельностью бессарабских архитекторов в первой половине XIX в. Подготовлен перечень основных архитектурных сооружений Бессарабии и представлен краткий биографический словарь зодчих, состоящий из 80 персоналий этого периода. Впервые опубликованы проекты таких известных архитекторов как А. Штауберт, В. Мочульский, А. Лехнер и др., деятельность которых была связана с Бессарабией.

Изучение творчества архитекторов Бессарабии рассматриваемого периода – важная тема, связанная с сохранением культурного наследия Республики Молдова, ввиду чего результаты данного исследования могут носить **рекомендательный характер**:

1) Материалы настоящей работы могут быть использованы в качестве научно-методического учебного пособия для историков, архитекторов, инженеров, искусствоведов, музееведов, экскурсоводов, студентов профильных отделений колледжей и высших учебных заведений. Полученные результаты будут представлять интерес для Министерства Культуры и Национального Агентства по туризму, а также для представителей гражданского общества, увлекающихся историей архитектуры и градостроительства Бессарабского края.

2) Представленный подробный анализ творческой деятельности многих бессарабских зодчих первой половины XIX в. может стать определенной «базой данных» для дальнейшей комплексной разработки указанной темы в области истории архитектуры и градостроительства Бессарабии, для изучения творчества зодчих на основе законодательства XIX в., использования «образцовых» проектов, роли архитекторов в работе Кишиневского, Измаильского и других строительных комитетов, а также бессарабской дорожной строительной комиссии. Они могут быть применены при разработке учебно-методических пособий и т.п., для пополнения университетских курсов «История национальной и мировой архитектуры», «Архитектурное наследие Республики Молдова» на профильных отделениях Технического университета Молдовы, для подготовки диссертационных исследований и составления спецкурсов и др.

3. Предложенный перечень наиболее важных существующих (на данном этапе исследования), восстановленных и утраченных памятников архитектуры, а также краткий словарь архитекторов, землемеров и военных инженеров Бессарабии первой половины XIX в. существенно пополнят сведения об архитектурном наследии Республики Молдова.

4. На основе архивного, документального и графического материала, собранного в течение десяти лет, представляется целесообразной публикация научной монографии о бессарабских зодчих, которая, безусловно, восполнит пробелы в национальной историографии относительно развития архитектуры и градостроительства Бессарабии в первой половине XIX в.

Исходя из накопленных сведений, касающихся деятельности зодчих, отметим, что результаты проведенных изысканий, основанных на углубленном изучении как специальной литературы, архивных материалов, законодательных актов «Строительного устава» Российской империи, так и картографических и графических материалов (проектов, планов,

рисунков и фотографий) дают возможность научно обосновать и представить хронологию развития и становления творчества архитекторов Бессарабии первой половины XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

1. А. И. Бернардацци (Биографический очерк). В: Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. Санкт-Петербург, 1900, выпуск VIII, с. 98-101.
2. Антонов В. Братья Шарлемани. В: Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Санкт-Петербург: Лениздат, 1998, с. 211-224.
3. Антонов В. Александр Штауберт. В: Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Санкт-Петербург: Лениздат, 1998, с. 200-210.
4. Афанасьев К. Н. А. В. Щусев. Мастера Архитектуры. Москва: Книга по требованию, 2013, 190 с.
5. Батюшков П. Н. Бессарабия. Историческое описание. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1892 г., 272 с.
6. Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XIII-XIX вв. Москва: Стройиздат, 1961, 206 с.
7. Бессарабская старина XI. В: «Бессарабский вестник». Газета политическо-общественная, Кишинев, №203, 17(29) мая 1890, с. 1.
8. Богнибов Е., Думитрашку П. Архитектура г. Кишинева до 60-х гг. XIX века. Кишинэу: МолдНИИТЭИ, 1997, 44 с.
9. Боровский В. М. Архитектурно-планировочное развитие городов Молдавии в XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, т. 1-2, Москва, 1988, 180 с.
10. Боровский В. М. История молдавской архитектуры. Учебное пособие. Кишинев: КПИ им. С. Лазо, 1987, 83 с.
11. Бубис И. М. Зодчие Бернардацци. Кишинев: Штиинца, 1997, 108 с.
12. Бюллетень Союза Советских архитекторов МССР. Кишинев, на правах рукописи, 1947, 25 с.
13. Вигель Ф. Ф. Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. Москва: Университетская Типография. 1892, 240 с.
14. Ганицкий М. Ланкастерские школы в Бессарабии. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости № 23, 1877, с. 993-1016.
15. ГАОО, Ф. 1, оп. 140 (1868), д. 81.
16. ГАОО, Ф. 1, оп. 191, д. 79.
17. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1825), д. 12.

18. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1825), д. 19.
19. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1828-1835), д. 23.
20. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1831), д. 20.
21. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1831), д. 7.
22. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1835), д. 10.
23. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1840), д. 17.
24. ГАОО, Ф. 1, оп. 214 (1840-1843), д. 23.
25. ГАОО, Ф. 1, оп. 214, д. 25.
26. ГАОО, Ф. 1, оп. 215 (1834), д. 25.
27. ГАОО, Ф. 1, оп. 215 (1840 г.), д. 17.
28. ГАОО, Ф. 1, оп. 215 (1842), д. 33.
29. ГООО, Ф. 1, оп. 214 (1828), д. 143.
30. Гоберман Д. По Молдавии. Ленинград: Искусство, Л. О., 1975, 167 с.
31. Голиков [о произведении в надворные советники]. В: Бессарабские Областные Ведомости, № 38, 19 сентября 1859, с. 316 об.
32. Гольцов Д. Рождественский собор. В: Педагогический журнал, № 1-2 (95-96), Кишинев, Универсул, 1995, с. 116-118.
33. Давидович С. По Кишиневским местам заключения. В: «Бессарабский вестник». Газета политическо-общественная, Кишинев, № 119, 28 января 1890, с. 1-3.
34. Давидович С. Тюремный замок. В: «Бессарабский вестник». Газета политическо-общественная, Кишинев, № 135, 18 февраля (2 марта) 1890, с. 1.
35. Давидович С. Воссоединенная Бессарабия. В: Семенов П. П. «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Петербург-Москва, Издание товарищества М. О. Вольф, 1898, т. 5, с. 173-186.
36. Давидович С. Города Бессарабии и Новороссии. В: Семенов П. П. «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Петербург-Москва, Издание товарищества М. О. Вольф, 1898, т. 5, с. 155-172.
37. Дараган М. И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Бессарабская область, т. XI, ч. 3, СПб, Тип. Департамента Генерального штаба, 1849, 231 с.
38. Дело о постройке в городе Кишиневе городской больницы, о пожертвованной разными лицами сумм, об определении к сему зданию смотрителя и вся переписка к оному принадлежащая. Выписка из дела бессарабского губернского правления, хра-

- нящегося в Архиве по описи № 112. Кишинев: Типография Бессарабского Губернского Правления, 1898, 33 с.
39. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией Семенова П. П. Петербург-Москва: Издание товарищества М. О. Вольф, т. 5, Малороссия и Новороссия, 1898, 298 с.
  40. Жуков В. И. Города Бессарабии (1812-1871 гг.). Кишинев: Штиинца, 1962, 84 с.
  41. Жуков В. И. Города Бессарабии 1812-1861 годов. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1964, 252 с.
  42. Записки Императорского Одесского Общества Истории и древностей. Экономическая типография и литография, Одесса, 1900, т. XXII, с. 109-221.
  43. Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба по Бессарабской области. Спб., ч. 1, 1862, 458 с.
  44. Здания Одессы и их зодчие. Опыт архитектурно-биографического справочника. Одесса, СПД Фридман А. С., 2008, 172 с.
  45. Зодчие Санкт-Петербурга XIX начало XX века. Спб.: Лениздат, 1998, с. 1060.
  46. Ильвицкая С. Архитектура монастырских комплексов Молдавии XVIII – начала XIX вв., Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, т.1-2, Москва, 1991 г., 364 с.
  47. Исаченко В. Биографический словарь архитекторов и строителей Санкт-Петербурга. В: Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века, Спб.: Лениздат, 1998, с. 965-1043.
  48. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010, 318 с.
  49. Кишинев. Энциклопедия. Кишинев: Главная редакция Молдавской Советской энциклопедии, 1984, 573 с.
  50. Колотовкин А. В., Шойхет С. М., Эльтман И. С. Архитектура Советской Молдавии. Москва: Стройиздат, 1987, 319 с.
  51. Крушеван П. А. Бессарабия. Москва: Типография А. В. Васильева, 1903, 520 с.
  52. Кульчицкий С. Кишиневский кафедральный собор. В: Кишиневские Епархиальные ведомости. Кишинев, 1889, № 19, с. 804-815.
  53. Курдиновский В. Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии. Кишинев: Епархиальная Типография, 1918, 100 с.
  54. Курц Р. Е. Алексей Викторович Щусев. Кишинев: Штиинца, 1973 г., 65 с.

55. Кушко А., Таки В., при участии Грома О. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). Москва: Новое литературное обозрение, 2012, 400 с.
56. Лейбошиц Н. Я. Материалы к творческой биографии А.И. Мельникова. В: Архитектурное наследие, Государственное изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, Москва, Выпуск 9, 1959, с. 117- 138.
57. Логвин Г. Н. Украина и Молдавия: Справочник-путеводитель. Москва: Искусство, Лейпциг: Эдицион, 1982, 454 с., 176 л. илл.
58. Лотоцкий П. А. История Кишиневской Духовной Семинарии. Кишинев: Тип. Бессарабского губернского правления, 1913, 177 с.
59. Мациевич Л. К истории Городищского монастыря. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости № 34-35, 1910, с. 1251-1254.
60. Местные известия. Некролог [Б. Я. Эйтнер]. В: Бессарабские областные ведомости № 28, 1872, с. 159-160.
61. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова. Бессарабская область. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, 1815, с. 526-527.
62. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 541-542.
63. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Часть 2, Спб., при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 560-561.
64. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Часть 2, Спб., при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 561-562.
65. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 468-471.
66. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1826. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 488-490.
67. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 501-504.

68. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 509-513.
69. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 533-536.
70. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 400-402.
71. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1831. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 405-407.
72. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1832. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 526-527.
73. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1833. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 428-431.
74. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1834. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 526-527.
75. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1835. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 418 - 420.
76. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1836. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 437- 440.
77. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1837. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 489-491.
78. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1838. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 469-471.
79. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1839. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 459-461.
80. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1840. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 429-439.
81. Месяцослов и общий штат Российской империи на 1851. Часть 2, Спб.: Тип. при Императорской Академии Наук, Бессарабская область, с. 6-7.

82. Мовчан Б. Я. Памятники русской архитектуры в Измаильской области. В: Архитектурное наследство, Москва: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, Выпуск 9, 1959, с. 201-208.
83. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 79.
84. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 80.
85. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 376.
86. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 385.
87. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 386.
88. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 554.
89. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 581.
90. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 652
91. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 791.
92. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 936.
93. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 938.
94. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1023.
95. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1024.
96. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1025.
97. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1064.
98. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1065.
99. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1252.
100. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1275.
101. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1647.
102. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1885.
103. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1897.
104. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 1918.
105. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 2105.
106. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 2660.
107. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 2698.
108. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 2699.
109. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3084.
110. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3096.
111. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3106.
112. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3124.
113. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3225.

114. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3376
115. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3377.
116. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3379.
117. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 3768.
118. НАРМ, Ф.2, оп. 1, д. 3838.
119. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 4256.
120. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 4385.
121. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 4452.
122. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 5660.
123. НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 6350.
124. НАРМ, Ф. 2, оп. 2, д. 29.
125. НАРМ, Ф. 2, оп. 2, д. 82.
126. НАРМ, Ф. 3, оп. 1, д. 1170.
127. НАРМ, Ф. 3, оп. 4, д. 90.
128. НАРМ, Ф. 5, оп. 3, д. 2.
129. НАРМ, Ф. 5, оп. 3, д. 422.
130. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 74.
131. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 320.
132. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 458.
133. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 649.
134. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 737.
135. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 1168.
136. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 1275.
137. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 1283.
138. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 1402.
139. НАРМ, Ф. 6, оп. 2, д. 1403.
140. НАРМ. Ф. 6, оп. 3, д. 136.
141. НАРМ, Ф. 6, оп. 3, д. 662.
142. НАРМ, Ф. 6, оп. 3, д. 853.
143. НАРМ, Ф. 6, оп. 8, д. 348.
144. НАРМ, Ф. 6, оп. 8, д. 396.
145. НАРМ, Ф. 6. оп. 8, д. 545.
146. НАРМ, Ф. 6, оп. 18, д. 15.
147. НАРМ, Ф. 11, оп. 1, д. 1.

148. НАРМ, Ф. 11, оп. 1, д. 15.
149. НАРМ, Ф. 11, оп. 1, д. 203.
150. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 69.
151. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 78.
152. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 79.
153. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 101.
154. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 117.
155. НАРМ, Ф. 11, оп. 2, д. 121.
156. НАРМ, Ф. 17, оп. 1, д. 119.
157. НАРМ, Ф. 17, оп. 1, д. 215.
158. НАРМ, Ф. 22, оп. 1, д. 186.
159. НАРМ, Ф. 22, оп. 1, д. 740.
160. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 11.
161. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 107.
162. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 257.
163. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 281.
164. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 313.
165. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 341.
166. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 366.
167. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 434.
168. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 436.
169. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 499.
170. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 725.
171. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 795.
172. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 884.
173. НАРМ, Ф. 75, оп.1, д. 1034.
174. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 1326.
175. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 1926.
176. НАРМ, Ф. 75, оп. 1, д. 1967.
177. НАРМ, Ф. 88, оп. 1. д. 1049.
178. НАРМ, Ф. 88, оп. 2, д. 373.
179. НАРМ, Ф. 134, оп. 1, д. 103.
180. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 4.
181. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 5.

182. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 828.
183. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 2157.
184. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 3199.
185. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 4205.
186. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 4911.
187. НАРМ, Ф. 205, оп. 1, д. 6633.
188. НАРМ, Ф. 208, оп. 2, д. 1197.
189. НАРМ, Ф. 208, оп. 2, д. 2809.
190. НАРМ, Ф. 208, оп. 2, д. 3276.
191. НАРМ, Ф. 211, оп. 3, д. 14.
192. НАРМ, Ф. 1862, оп. 9, д. 640.
193. Об упразднении Кишиневского и Измаильского Строительного Комитетов. В: Бессарабские областные ведомости № 20, 1855.
194. Ожегов С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII – первой половине XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, т. 1, Москва, 1957, 205 с.
195. Описание Гербовецкого Свято-Успенского монастыря, состоящего в Кишиневской епархии. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости № 14, 1874, с. 520-535.
196. Орешин И. К похоронам А. О. Бернардацци. В: Бессарабская газета № 188(852), 1907 г.
197. От голландского капитана до российского министра. Франс Павлович Деволан (к 250-летию со дня рождения). Под ред.: В. Е. Павлова и В. М. Уржанова. СПб.: Европейский дом, 2003, 368 с.
198. Памятник Графу Румянцеву-Задунайскому на поле Кагульской битвы. В: Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. LXV, СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1850, с. 18-22.
199. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 4, Киев: Будівельник, 1983–1986, 375 с.
200. Памятники истории и культуры Молдавии: (виды и типы). Отв. ред. В. Меднек. Кишинев: Штиинца, 1988, 134 с.
201. Пархомович И. М. Духовно-учебные заведения Кишиневской епархии. Краткий очерк к столетию ее 1813–1913 гг. Кишинев: Епархиальная типография, 1913, 195 с.
202. Педаш Г., Эльтман, И. Градостроительство Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1968, 75 с.

203. Пилявский В. Архитектура Одессы: стиль и время, Одесса: Optimum, 2010, 133 с.
204. Пилявский В. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Второе издание, Одесса: Optimum, 2010, 274 с.
205. Пилявский В. Зодчие Одессы. Одесса: Optimum, 2010, 210 с.
206. Полное собрание законов Российской империи повелением государя Николая Павловича составленное. Санкт-Петербург: Типографии II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830, с. 16, 17-22, 97, 139, 222-280, 239, 316-322.
207. Пушкин А. Собрание сочинений в 10 томах. Москва: Правда, 1981, с. 308.
208. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 830.
209. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 894.
210. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 895.
211. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 896.
212. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 907.
213. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 943.
214. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 945.
215. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 963.
216. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, 964.
217. РГВИА, Ф. 349, оп. 2, д. 967.
218. РГВИА, Ф. 349, оп. 26, д.3009.
219. РГВИА, Ф. 349, оп. 26, д. 3014.
220. РГВИА, Ф. 395, оп. 30, д. 819.
221. РГВИА, Ф. 395, оп. 81, д.1262.
222. РГВИА, Ф. 395, оп. 144, д. 258.
223. РГВИА, Ф. 395, оп. 148, д. 3.
224. РГВИА, Ф. 395, оп. 168, д. 19.
225. РГВИА, Ф. 395, оп. 169, д. 25.
226. РГВИА, Ф. 489, оп. 1, д. 7058.
227. РГВИА, Ф. 846, оп. 16, д. 8573.
228. РГВИА, Ф. 846, оп. 16, д. 18599.
229. РГИА, Ф. 221, оп. 1, д. 885.
230. РГИА, Ф. 221, оп. 1, д. 985.
231. РГИА, Ф. 485, оп. 3, д. 438.
232. РГИА, Ф. 789, оп. 1, д. 1299.

233. РГИА, Ф. 796, оп. 95, д. 1123.
234. РГИА, Ф. 835, оп. 1, д. 246.
235. РГИА, Ф. 1285, оп. 8, д. 309.
236. РГИА, Ф. 1285, оп. 8, д. 747.
237. РГИА, Ф. 1287, оп. 8, д. 107.
238. РГИА, Ф. 1349, оп. 6, д. 1459.
239. РГИА, Ф. 1470, оп. 4 (122/556), д. 59.
240. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 159.
241. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 160.
242. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 161.
243. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 162.
244. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 165.
245. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 166.
246. РГИА, Ф. 1488, оп. 1, д. 177.
247. Ременко Г. Д. Внимание - памятник! Кишинев: Литература артистикэ, 1980, 156 с.
248. Роднин К. Д., Понятовский, И. И. Памятники молдавской архитектуры XIV–XIX вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960, 60 с.
249. Рыбалко Е. Архитектор Иосиф Гаскет. В: *Analecta catholica* III, Chişinău: Tipografia Reclama, 2008, с. 423-427.
250. Рыбалко Е. Из истории Кишиневского римско-католического кладбища. В: *Analecta catholica* I, Chişinău: Tipografia Reclama, 2005, с. 179-189.
251. С-ов Н. Спет. В: *Русский Биографический словарь*. Смеловский-Суворина, издан под наблюдением председателя Императорского Русского Общества А. А. Половцева, СПб, Тип. товарищества «общественная польза», 1909, с. 241-242 .
252. Саблин И. Авраам Мельников. В: *Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века*, Санкт-Петербург: Лениздат, 1998, с. 190-202.
253. Саганова Н. Кишиневский Римско-католический приход «Божественного Проведения» в первой половине века. В: «*Analecta catholica*», I, 2005, Chişinău: Tipografia Reclama, 2005.
254. Сахаров И. Семейство Шарлеманей в Санкт-Петербурге. В: *Материалы к истории римско-католического прихода во имя посещения пресв. Девой Марией св. Елисаветы и к истории католического кладбища Выборгской стороны в Санкт-Петербурге*, /Сост. С.Г. Козлов-Струтинский, Гатчина: СЦДБ, 2010, с. 160-165, 261.
255. Свиньин П. Описание Бессарабской области. В: *ЗООИД*, 1867, т. VI, с. 135-320.

256. Свод законов Российской империи. Том 12, часть 1. Устав Строительный, Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1857 г., 172 с.
257. Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет Академии Наук Молдавской ССР. АН МССР. 1987, 866 с.
258. Смирнов В. Ф. Градостроительство Молдавии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1975, 48 с.
259. Тарас Я. Н. Памятники архитектуры Молдавии (XIV – начало XX века). Кишинев: Тимпул, 1986, 241 с.
260. Тимофеенко В. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века, Киев: Наукова Думка, 1984, с. 160-161.
261. Тимофеенко В. И. Одесса: Архитектурно-исторический очерк. Киев: Будівельник, 1982, 160 с.
262. Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии. Москва: Внешторгиздат, 1991 г., 206 с.
263. Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. 5-й выпуск, под редакцией Курдиновского В. Кишинев: Епархиальная типография, 1910, 100 с.
264. Труды Бессарабской губернской ученой Архивной комиссии под ред. Халиппа И. Н., т. 1, Кишинев, 1900, 423 с.
265. Труды Бессарабской губернской ученой Архивной комиссии под ред. Халиппа И. Н., т. 2, Кишинев, паровая типолитография Ф. И. Кашевского, 1902, 518 с.
266. Труды Бессарабской ученой губернской архивной комиссии Кишинев под ред. Халиппа И. Н. Типо-литография Э. Шлиомовича, т. 3, 1907, 582 с.
267. Тубли М. П. Авраам Мельников, Ленинград: Стройиздат, ЛО, 1980, 144 с.
268. Ульянов В., Пилат И. Исторические и памятные места города Кишинева. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969, 176 с.
269. Урусов С. Д. Записки губернатора (Кишинев 1903–1904). Москва: из-во В.М. Саблина, 1907 г. Отв. редактор Аурел Маринчук, Chişinău: Litera, 2004, 344 р.
270. Фон Фохт Николай. Памятники на Кагульском поле сражения. В: Исторический вестник, том LXXVII, С-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1899, с. 581.
271. Частина А. Архитектор (Георгий (Джорджо) Иванович Торичелли (1796-1843)). В: *Analecta catholică*. Vol. V-VI, Chişinău: Tipografia centrală, 2012, с. 409-415.

272. Частина А. Династія Шарлемань (Боді). В: *Analecta catholică*. Vol. VII-VIII, Chişinău: Tipografia Centrală, 2014, p. 381-396.
273. Частина А. Творчество Авраама Мельникова в Кишиневе. В: Сборник материалов международной научной конференции «Сохранение культурного наследия в странах Европы» (Кишинев 25-26 сентября 2008 г.), Chişinău: Tip. Business-Elita, 2009, с. 158-167.
274. Чудецкий П. Из монастырских документов. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости, №2, 1882, с. 87-117.
275. Шишкан К. Б., Пожар, С. Г. Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях (XIX - начало XX в.). Кишинэу, Tipografia Centrală, 2009, 435 с.
276. Шлапак М. Голландский фортификатор Де-Волян и бастионные крепости Молдавии и Южной Украины. В: Материалы международной научно-практической конференции «Сохранение исторической застройки центра Одессы путем включения в основной Список всемирного наследия ЮНЕСКО», Одесса: Астропринт, 2015, с. 69.
277. Эйдельман Б. Архитектура старой Одессы. Одесса: Optimum, 2007, 211 с.
278. Эльтман И. С. Некоторые архитектурные памятники Молдавии XIX века. В: Архитектурное наследие, Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, Москва, Выпуск 11, 1958, с. 43-53.
279. Юбилейный сборник г. Кишинева 1812-1912. Кишинев: Типография Бессарабского губернского правления, 1914, ч. 1, 243 с.
280. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской академии художеств. 1915–2005, Санкт-Петербург: Первоцвет, 2007.
281. Юрченко Н. Ансамбль Кафедрального собора в Кишиневе. Архитектурно-исторический облик и современное состояние. В: Ежегодник института Межэтнических исследований, т. 3, Кишинэу, 2003, с. 177-189.
282. Юрченко Н. Малоизвестная страница градостроительной истории Кишинева. В: *Amedeo Carrocci. «Moldova»*, Italia: Graficart, 1997, с. 96-100.
283. Юрченко, Н. О формировании архитектурного облика г. Кишинева в первой трети XIX ст. Булетинул Академией де Штиинце а РССМ, № 3, 1981, с. 74-84.
284. Юрченко Н. Облик Кишинева пушкинской поры. В: Кодры, Nr 9, 1984, с. 142-148.

285. Юрченко Н. Образцы русского провинциального классицизма в Кишиневе: жилые дома первой трети XIX. Русин, № 3(5), Кишинев: Общественная организация Русь, 2006, с. 65-73.
286. Юрченко Н. Основные этапы развития архитектуры Бессарабии XIX века и некоторые аспекты их освещения в работах молдавских исследователей. В: Актуальные вопросы изучения художественной культуры молдавского народа, Кишинев: «Штиинца», 1989, с. 52-59.
287. Юрченко Н. Потерявшийся памятник архитектуры романтизма – тюремный замок в Кишиневе. В: Ежегодник Института межэтнических исследований, том V, Кишинев, 2004, с. 151-156.

На румынском языке:

288. Andronic M, Nesterov T. Toate drumurile duc la ...Putna. Suceava: Tipografia Arhiepiscopiei Sucevei și Rădăuților, 2001, 291 p.
289. Berechet Șt. Cinci biserici vechi din Chișinău. În: Comisiunea monumentelor istorice. Anuar. Glasul țării, Chișinău, 1924, p. 112-148.
290. Ceastina A. Alexandru Bernardazzi. În: Arta, Chișinău: Tip. Business-Elita, 2007, p. 122-123.
291. Ceastina A. Arhitectul și inginerul cadastral din Basarabia Mihail Ozmidov (1782-1826). În: Arta, Chișinău: Tip. Business-Elita, 2008, p. 149-154.
292. Ceastina A. Construcția spitalului public orașenesc din Chișinău în contextul dezvoltării arhitecturii din prima jumătate a secolului al XIX-lea. În: Arta, Chișinău: Editura Garomont, 2012, p. 41-47.
293. Ceastina A. Inginerul cadastral și arhitectul Bogdan Eitner (1798–1872). În: Arta, Chișinău, 2014: Tip. Garomont, p. 73-80.
294. Ceastina A. Iscusitul arhitect basarabean arhimandritul Ioanichie (1777–1851). În: Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiul artelor. Conferința științifică cu participare internațională. Rezumatele comunicărilor. Chișinău: Profesional service, 2013, p. 77-78.
295. Ceastina A. Legislația Imperului Rus în domeniul arhitecturii și impactul asupra dezvoltării Basarabiei în prima jumătate a secolului XIX”. În: Arta, Chișinău, : Notograf, 2010, p. 58-68.
296. Ceastina A. Rolul Arhiepiscopului Dimitrie Sulima în construcția catedralei și clopotniței din Chișinău în prima jumătate a secolului al XIX-lea. În: Cercetări Istorice. vol. XXX-

- XXXI, Complexul Muzeal Național “Moldova” Iași. Iași: Editura Palatul Culturii, 2012, p. 107-114.
297. Centrul istoric al Chișinăului la începutul secolului al XXI-lea. Repertoriul monumentelor de arhitectură. /T. Nesterov, B. Gangal, E. Rîbalco et al./. Chișinău: Arc, 2010, 268 p.
298. Ciobanu, Șt. Biserici vechi din Basarabia. În: Comisiunea monumentelor istorice. Anuar. Tipografia eparhială „Cartea românească”, Chișinău, 1924, p. 1-18.
299. Ciocanu S. Biserica Sfinții Arhangheli și alte edificii eclesiastice medievale ale orașului Soroca În: Cetatea Soroca – istorie, memorie, și tradiții seculare. Chișinău: Editura Arc, 2015, p.155-162.
300. Constantinescu-Iași P. Biserica Sf. Gheorghe din Chișinău. În: Comisiunea monumentelor istorice. Anuar. Chișinău: Tipografia eparhială „Cartea românească”, 1928, p. 60-80.
301. Constantinescu-Iași P. Cele mai vechi case din Chișinău. În: Comisiunea monumentelor istorice. Anuar. Tipografia eparhială „Cartea românească”, Chișinău, 1931, p. 20-45.
302. Hâncu I. Vestigii arheologice ale județului Tighina. În: Patrimoniul cultural al județului Tighina, Chișinău: PRAG-3, 2004, p. 69-77.
303. Monumente de istorie și cultură din Republica Moldova. Chișinău: Știința, 1993, 190 p.
304. Nesterov T. Biserica Luterană (kircha). În Chișinău, Enciclopedie, Editor Iurie Colesnic, Chișinău: Editura Museum, 1997, p. 82.
305. Nesterov T. Arhitectura catedralei Romano-Catolice “Providența divină” din Chișinău”. În: Analecta catolica, Episcopia Romano-Catolică, Chișinău: Tipografia Reclama, 2005, p. 173-178.
306. Nesterov T. Structura urbană a Chișinăului până la 1812 și relictelor sale arhitecturale. În: Arta, Chișinău: Epigraf, 2005, p. 41-50.
307. Nesterov T. Studiul cu privire la situația orașelor istorice din RM. Chișinău: Asociația Plai resurse, 2007, 160 p.
308. Poștarencu D. Mihail Ozmidov, primul arhitect și inginer cadastral al Basarabiei din perioada țaristă. În: Tyragetia, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei. Chișinău: vol. I (XVI) nr. 2, 2007, p. 257-258.
309. Sainciuc L. Colina antenelor de bruiaj. Chișinău: Editura Museum, 2000, 83 p.
310. Sainciuc L. Halippa I. Chișinăul pe vremea lui Pușkin cu 333 intersecții. Chișinău: Cartier, 2011, 224 p.
311. Stavilă T., Ciobanu, C. Ghid de monumente și situri istorice din Republica Moldova. Chișinău: Tipografia centrală, 1995, 72 p.

312. Şlapac M. Arhitectura complexiluri monastice din Moldova istorică. În Mănăstiri și schituri din Republica Moldova. Coordonator și redactor științific A. Eşanu. Chişinău: Institutul de Studii Enciclopedice, Tipografia centrală, 2013, p. 48-80.
313. Şlapac M. Arta urbanismului în Republica Moldova: privire de ansamblu. Chişinău: Tipografia A. Ş. M., 2008, 272 p.
314. Tronciu S. Biserica comemorativă “Sf. Andrei” din cetatea Tiraspol. În: Arta, Chişinău: Editura Garomont, 2012, p. 151-156.
315. Varta I. Istoria construcției Catedralei „Nașterea Domnului” din orașul Chişinău. În: Revistă de istorie a Moldovei. Chişinău, №1-2, p. 41- 42.

На английском языке:

316. Bessarabia (Russia and Roumania on the Black sea by Charles Upson Clark. Dodd, mead and company, New York, 1927, 333 p.
317. Chastina A. The architect Georgio (Georgii Ivanovich) Toricelli (1796-1843). În: Arta, Chişinău: Editura Princeps, 2011, p. 146-150.

На украинском языке:

318. Карашевич І. Середньовічне укріплення Яник-Хісар (Паланка) / Археологія та фортифікація Середнього Подністров'я. В: Збірник матеріалів III Всеукраїнської науково-практичної конференції, Кам'янець-Подільський, 2013, стр. 108-110.
319. Мисько Ю., Буйновська Є. Хотинська фортеця XIII-XIX ст. Історія та основні об'єкти, Харків: ТОВ. "ПЕТ", 2008, 32 с.

Интернет-ресурсы:

320. http://adresaspb.ru/old/arch/adresa_20/20_016/20_16.htm (посещение 25.10.2015).
321. http://arch-grafika.ru/news/sobranie_planov_dlja_stroenija_cerkvej/2010-03-23-566 (посещение 15. 08. 2015).
322. <http://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnoe-otdelenie-imperatorskoy-akademii-hudozhestv-v-kontse-xix-veka> (посещение 25.10.2015).
323. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/108404/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B0 (посещение 24.10.2015).
324. <http://izmail-city.org/church/95-holy-virgin-cathedral> (посещение 24.02.2014).
325. <http://odnarodyna.com.ua/content/bolgrad-spaso-preobrazhenskiy-sobor> (посещение 27.03.2014).

326. <http://oldchisinau.com/forum/download/file.php?id=17169&mode=view> (посещение 10.10.2015).
327. <http://oldchisinau.com/lib/bessarabia/bessarabia7.html> (посещение 24.02.2014).
328. http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/geste-viljam-1763-v-1753--1832.html#.vu5vdz_mu0e (посещение 24.10.2014).
329. <http://www.biografija.ru/biography/uchta-semen-avgustinovich.htm> (посещение 20.09.2015).
330. <http://www.citywalls.ru/search-architect973.html> (посещение 25.10.2015).
331. http://www.doroga.ua/poi/Cherkasskaya/Moshny/Preobrazhenskaya_cerkovj/1188 (посещение 20.08.2011).
332. <http://www.izmacity.com/gorod/dostoprimechatelnosti/2230-tajny-svyato-pokrovskogo-sobora> (посещение 21.02.2014).
333. http://www.ko.md/main/images/sql_images/image.php?issue_id=2299&issue_date=2011-04-07 (посещение 23.05.2015).
334. <http://www.monument.sit.md/> (посещение 11.03.2014).
335. Ляхова И. http://www.ko.md/main/view_article.php?issue_date=2011-04-07&issue_id=2299 (посещение 12.06.2014).
336. Тухватулина Айгуль. Юсуповский дворец – дом блеска и бунта. (<http://www.atuhvatullina.ru/yusupovskij-dvorec-dom-bleska-i-bunta/>) (посещение 20.08.2011).
337. Шарлемань Иосиф (Осип) Адольфович (<http://www.kino-teatr.ru/kino/painter/sov/255190/bio/>) (посещение 01.12.2012).
338. Швец Ю. Тюремный замок Кишинева /<http://www.allfun.md/article/27944>, (посещение 12.02.2015).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Иллюстрации

П.1.1. План г. Кишинева времен А. С. Пушкина (И. Халиппа).

Приложение 2. Формулярныу и кондуитные списки

<p>Должности Чин или отхо- дство фамилий некоторые отхо- дство отбита.</p> <p>1720</p>	<p>или несколько милости Фаворит полю дружба людей и хобби изкогда угодно и как и Великий</p>	<p>Покуда в Сербии вступил заключил должности в Кремле Чинова, хане</p>	<p>Великий на хане востановил вот время.</p>
<p>Вассаравский Областной Зем инспектор и Ар хитекторы На верный Совет никъ Михаил Семесковъ сынъ Семидовъ</p>	<p>1756</p>	<p>Поскольку в Виссехомъ родился Филиппъ Кавъ тинской и Фрайданской твенной, Математикъ гражданской архитектуры и Математическому Языку въ Станиславскомъ Полцихъ Городовому</p>	<p>Виссехомъ Кавъ тинской и Фрайданской твенной, Математикъ гражданской архитектуры и Математическому Языку въ Станиславскомъ Полцихъ Городовому</p>
<p>1756 Львовъ</p>	<p>1756</p>	<p>Поскольку курс науки поведение въ поощрение применению произведенъ рисовать. — Средствомъ Архитектурскимъ Произведенъ Виленскимъ Губернскимъ Секретаремъ. Губернскимъ Советникомъ. Отъ должности Архитектора въ Кіевъ уволенъ. Средствомъ въ штатъ Губернскихъ Виленскихъ Губернскихъ Секретаремъ</p>	<p>Поскольку курс науки поведение въ поощрение применению произведенъ рисовать. — Средствомъ Архитектурскимъ Произведенъ Виленскимъ Губернскимъ Секретаремъ. Губернскимъ Советникомъ. Отъ должности Архитектора въ Кіевъ уволенъ. Средствомъ въ штатъ Губернскихъ Виленскихъ Губернскихъ Секретаремъ</p>

П.2.1. Формулярный список о службе умершего надворного советника М. С. Озмидова 1827 г. (НАРМ).

I	II	III				IV		V		VI		VII	
		Ветли и мѣнѣ:		У него самого и у родителей.		У жены, буде женою.							
		Родное.	Власть-образованіе.	Родное.	Власть-образованіе.	Родное.	Власть-образованіе.						
Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность, лѣта отъ году, верховсповѣданіе, знаки отличія и получаемое содержаніе.	Изякаго званія происходять.											Гдѣ получилъ воспитаніе и обученіе, въ какомъ вѣдѣніи познать успѣхъ изученія, когда въ какомъ поступилъ, каковы чины, въ какихъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу; не было ли какихъ особенныхъ по службѣ дѣланій или отличій; ждалъ ли какою время службы, чѣмъ награждался подъ судомъ или съмѣстнѣ, тѣмъ награждался и признавъ новшества, что было и за что именно были преданы суду и чѣмъ до кончено?	
Митрополитъ Святотроицкѣ Троицѣ Иванавскѣ Росицкѣ.													По окончаніи наукъ въ высшеймъ образованіи въ Киевѣ и въ первомъ въ градѣ Киевскѣмъ Киевскѣмъ наукѣ, вступилъ въ службу въ второею классомъ по- мощникомъ при Бессара- бскѣмъ областномъ Вѣдомствѣ и въ Архитек- турѣ съ вѣдомствѣмъ Канцеля- риста Миссера Рос- селъскѣмъ семнадцатого года Августомъ первымъ
Орловскій Уезд- ный Вѣдомствѣ писани дѣланій трехъ лѣтъ, Пра- вославнаго Уло- вѣдствія.													По образованіи Бессараб- ской области опредѣленъ Помощникомъ къ Област- ному Вѣдомству
Имѣетъ сына отставнаго полков- никъ службы 20 лѣтъ лѣтъ.													Произведенъ въ Помощ- никъ Вѣдомствѣ Мѣ- сяца Росселъскѣмъ 18 цать второго года Де- кабря тридцать первомъ
Младшая 25 арбулей сере- бромъ.													Перемещенъ Помощ- никомъ къ Бессарабско- му областному Вѣдо- мству
													Въ городѣ Киевскѣмъ собственнѣ.

П.2.2. Формулярный список о службе помощника архитектора А. И. Росицкого. 1859 г. (НАРМ).

Приложение 3. Глоссарий

Антаблемент – (с франц. «entablement» от «table» доска, стол), балочное перекрытие или завершение стены, состоящее из архитрава, фриза и карниза.

Апсида или абсида – (с греческого языка переводится как свод), выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или полусводом. Впервые апсиды появились в базиликах древнего Рима. В христианских храмах апсида – алтарный выступ, который ориентирован на восток.

Арка – архитектурная криволинейная конструкция для перекрытия проемов, состоящая из уложенных дугой блоков с опорами лишь по бокам.

Архитрав – нижняя из трех частей антаблемента, балка, опирающаяся непосредственно на колонны или пилоны.

Аршин – старая русская мера длины. В XVI-XVII вв. делился на 4 четверти и был равен 72 см. /27 англ. дюймам/. В XVII-XX вв. 1 аршин равен 28 дюймам, 16 вершкам, 71.120 см. и 0.7112 м.

Брандмауэр – (на немецком языке – brandmauer, от brand – пожар и mauer – стена), глухая противопожарная стена здания, выполняемая из негорючих материалов и предназначенная для воспрепятствования распространению огня на соседние помещения или здания.

Вершок – русская мера длины, равная $13/4$ дюйма (4,45 см). Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца.

Волюта – архитектурно-декоративная деталь ионической капители в форме завитка; орнаментальный мотив в виде завитка.

Вьюшки печные – служат для перекрывания дымоходных каналов. Во время топки регулируют тягу, после окончания топки, закрываются, чтобы печь не выхолаживалась. Выпускаются как в чугунном исполнении, так и из листовой стали. Чугунное исполнение предпочтительнее. Размеры от 130x130мм до 260x240мм. Монтируются как в горизонтальном, так и в вертикальном положении, в зависимости от направления дымоходного канала.

Галерея – (с французского «galerie» – проход, коридор) – крытый ход с наружной стороны здания; несущими частями ее вместо стен могут быть колоннады или аркады.

Гиподамов принцип – (по имени древнегреческого градостроителя Гипподама V в. до нашей эры). Согласно Аристотелю он разработал принцип регулярной планировки античных городов.

Гонт еловый – Остро сточенные с одной стороны и с пазом вдоль другой стороны дранки, дощечки, которыми кроют крыши, вкладывая сточенный конец одной дранки в паз другой. Сарай, крытый гонтом.

Дентикулы, или так называемые «ордерные сухарики» – ряд небольших прямоугольных выступов, расположенных на карнизе здания и выполняющих роль декора. Встречаются в ионическом, дорическом и коринфском ордере.

Дорический ордер – наиболее древний из трех греческих архитектурных ордеров, отличающийся массивностью, строгостью пропорций, лаконизмом деталей.

Ионический ордер – Один из основных архитектурных ордеров, для которого характерны колонны с базами, увенчанные капителью с плавно соединенными между собой крупными завитками-волютами.

Капителий – венчающий элемент колонны или пилястры, отличающийся от ее основной части более сложной формой и большей шириной.

Каннелюры (врезы, желобки) – параллельные желобки на поверхности колонны или пилястры.

Карниз – протяженный выступ, завершающий стену или членящий ее на ярусы или этаже, а также это венчающая часть антаблемента.

Коленчатые петли – вколотные (вбивные, коленчатые применяются для замков.

Контрфорс – подпорная стенка, примыкающая под прямым или тупым углом к строительному объему для повышения его прочности и устойчивости.

Коринфский ордер – наиболее утонченный среди архитектурных ордеров, для которого характерны изящные каннелюрованные колонны с базами, завершенные капителью с акантовыми листьями в трех уровнях и восемью небольшими волютами над ними.

Неф – (с франц. «nef», с лат. «navis» – корабль), вытянутое помещение, часть интерьера (обычно в зданиях типа базилики), ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих от соседних нефов.

Ордер – система определенных архитектурных форм в строгой пропорциональной взаимосвязи, повышающая выразительность конструкции или ее имитации.

Партикулярный – частный, неофициальный, невоенный.

Пилястр, пилястра – итальянское происхождение pilastro- от лат. pilo - колонна, столб) – плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены или столба. Имеет те же части (ствол, капитель, база) и пропорции, что и колонна. Широко применялись в ордерной архитектуре, являясь преимущественно декоративным элементом, членящим стену. Иногда пилястры конструктивно усиливают стену.

Портик – композиция на фасаде здания, которая образована колоннами, полуколоннами, пилястрами, несущими антаблемент.

Ризалит – (от греческого «*risalita*» – выступ), выступающая часть здания, идущая во всю его высоту. Ризалиты обычно расположены симметрично по отношению к центральной оси здания, составляя единое целое с основной массой постройки, вносят разнообразие в пространственную организацию фасада.

Трансепт – (с позднелатинского «*transeptum*», с лат. *trans* «за» и лат. *septum* «ограда» поперечный неф (корабль), в базиликальных и крестообразных храмах, пересекающий основной (продольный) неф под прямым углом. Окончания трансепта образуют апсиды, выступающие за пределы основной части здания.

Тосканский ордер – архитектурный ордер, возникший в древнем Риме на рубеже I в. до нашей эры и I в. нашей эры. Является упрощенным вариантом дорического ордера, от которого отличается гладким фризом и колоннадой без каннелюр.

Тяга в архитектуре – горизонтальный, профилированный поясok (обычно штукатурный или каменный), членивший стены зданий или обрамляющий панно и потолки.

Сажень – мера длины, равная 2.13 м.

Слуховое окно – окно в кровле здания, предназначено для естественного освещения и проветривания чердачных помещений, иногда – для выхода на крышу.

Стрельчатый – имеющий заострение при пересечении двух симметричных дуг.

Фриз – Средняя часть антаблемента, а также орнаментальная, ленточная, абстрактная, растительная или фигурная композиция в верхней части стены под карнизом.

Фронтон в архитектуре – увенчание фасада здания, имеющегося чаще всего форму треугольника, ограниченного с боков двумя наклонными карнизами, а снизу – главным карнизом здания.

Четверик – Объем с прямоугольным планом (термин обычно относится к культовым постройкам).

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Я, нижеподписавшаяся, Частина Алла, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом моих личных научных разработок и исследований. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Частина Алла

19.05.2015 г.

DECLARAȚIA PRIVIND ASUMAREA RĂSPUNDERII

Subsemnata, Ceastina Alla, declar pe proprie răspundere că materialele prezentate în teza de doctorat se referă la propriile realizări și activități, în caz contrar urmând să suport consecințele în conformitate cu legislația în vigoare.

Ceastina Alla

19.05.2015

CURRICULUM VITAE

Numele: Ceastina

Prenumele: Alla

Data de naștere: 15/05/1965

Locul de naștere: or. Ungheni, Republica Moldova

Activitatea de muncă

Luna și anul angajării și concedierii	Funcția cu indicarea organizației, întreprinderii, instituției
12.1988 – 11.2002	Arhiva Națională a RM, specialist principal, cercetător științific superior în secția valorificării și publicării a documentelor
11.2002 – 01.2005	Muzeul Național de etnografie și istorie naturală, colaborator științific în secția „Relații cu publicul”
01.2005 – 03.2005	Centrul de cercetări genealogice și heraldice SRL „Tabard com”, specialist principal în domeniul genealogiei
04.2005 – 07.2006	Institutul Studiului Artelor, laborant superior în secția „Arte vizuale”, sectorul „Arhitectura”
08.2006 – 10.2009	Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM Centrul Studiului Artelor, laborant superior în secția „Arte vizuale”, sectorul „Arhitectura”
11.2009 – 11.2014	Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, cercetător științific în secția „Arte vizuale”, sectorul „Arhitectura”
01.02.2015_	Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, cercetător științific în secția „Arte vizuale”, sectorul „Arhitectura”

Studii: Universitatea de Stat. or. Leningrad, Facultatea de Istoria (1982-1987), istoric; Universitatea de stat din Moldova (1996-1998), studii postuniversitare, specialitatea – limba engleza;

2007 – 2010: doctorantura f/f.

Calificări specifice domeniului, perfecționări: (instituțiile în care au avut loc cursurile, perioada, tematica) – 1)Minsk din 9-22 iulie anul 2007 – cursul teoretic în Nesvij Academia organizat de Republica Belarus și Polonia pe temă conservării monumentelor și se le utilizeze în scopuri turistice); 2) Polonia – (Varșovia și Krakov) din 1-12 septembrie, anul 2008 – cursul practic la Academia de Nesvij. Obținerea certificatului internațional de turism.

Date statistice privind numărul total de publicații științifice și metodico-didactice publicate: (monografii, articole de sinteză, articole, materialele comunicărilor științifice, brevete de invenții, manuale, lucrări metodice etc.).

19 articole (10.0 c.a.), inclusiv 5 – în străinătate; 12 conferințe, inclusiv 10 internaționale, 2 emisiune televizată despre istoria catedralei Nașterea Domnului, clopotniței, Arcului de Triumf din Chișinău și istoria cimitirului catolic din or. Chișinău În «Stop cadr», NTV TV7, o emisiune radio despre Grădina Publică din Chișinău la „Radio Publica 1, 23 emisiuni televizate la „TNT”,

în rubrica „Istории Urbane”, cu diferite subiecte din istoria arhitecturii Chişinăului în sec. XIX–XX.

Distincții, premii: Diploma Academiei de Științe a Moldovei pentru succesele obținute în activitatea științifică de cercetare a istoriei și teoriei arhitecturii, participarea activă la viața științifică, popularizarea științei etc.

Participări la foruri științifice internaționale. În: Conferința Internațională la Paris, France. 32nd IAJGS. The International Review of Jewish Genealogy, July 15-18, 2012.

În: Conferința Internațională la Salt Lake City, SUA. 34nd IAJGS. The International Conference on Jewish Genealogy, July 27-August 1, 2014.

Lucrări științifice publicate în reviste din străinătate recunoscute și culegeri de lucrări ale conferințelor internaționale:

Ceastina A. Rolul Arhiepiscopului Dimitrie Sulima în construcția catedralei și clopotniței din Chişinău în prima jumătate a secolului al XIX-lea. În: Cercetări Istorice. vol. XXX-XXXI, Complexul Muzeal Național “Moldova” Iași. Iași: Editura Palatul Culturii, 2012, p. 107-114.

Частина А. П. Неизвестные страницы творчества архитектора Александра Бернардацци. В: Проблемы теории и истории архитектуры Украины, Одесская Государственная Академия строительства и архитектуры, Одесса, «Астропринт», 2007, с. 180-184.

Chastina A. Archival documents that reflect Jewish roots in Moldova. În: Conferința Internațională la Paris, France. 32nd IAJGS, Avotayanu. The International Review of Jewish Genealogy, USA, ISSN-0882-6501, Volume XXVIII; Number 3, Fall, 2013, p. 21-26.

Частина А. Творчество русских архитекторов и землемеров в Кишиневе в I пол. XIX в.». Материалы научной конференции «Пруто-Днестровский регион. Диалог культур», посвященной 650-летию Молдавской государственности и 300-летию со дня рождения Антиоха Кантемира. Санкт-Петербург, 14-15 декабря. 2009 г. Санкт-Петербург: Российский этнографический музей. 2010, с. 162-166.

Частина А. Творчество Авраама Мельникова в Кишиневе. În: Păstrarea patrimoniului cultural în țările europene. Materialele conferinței științifice internaționale. (Chişinău, 25-26 septembrie 2008), Chişinău: Bussines-Elita, 2009, p. 158-167.

Date de contact:

Adresa: Chişinău, str. Vlaicu 22, ap. 9

tel. domiciliu 022 21 39 17

e-mail: chastinalla@gmail.com